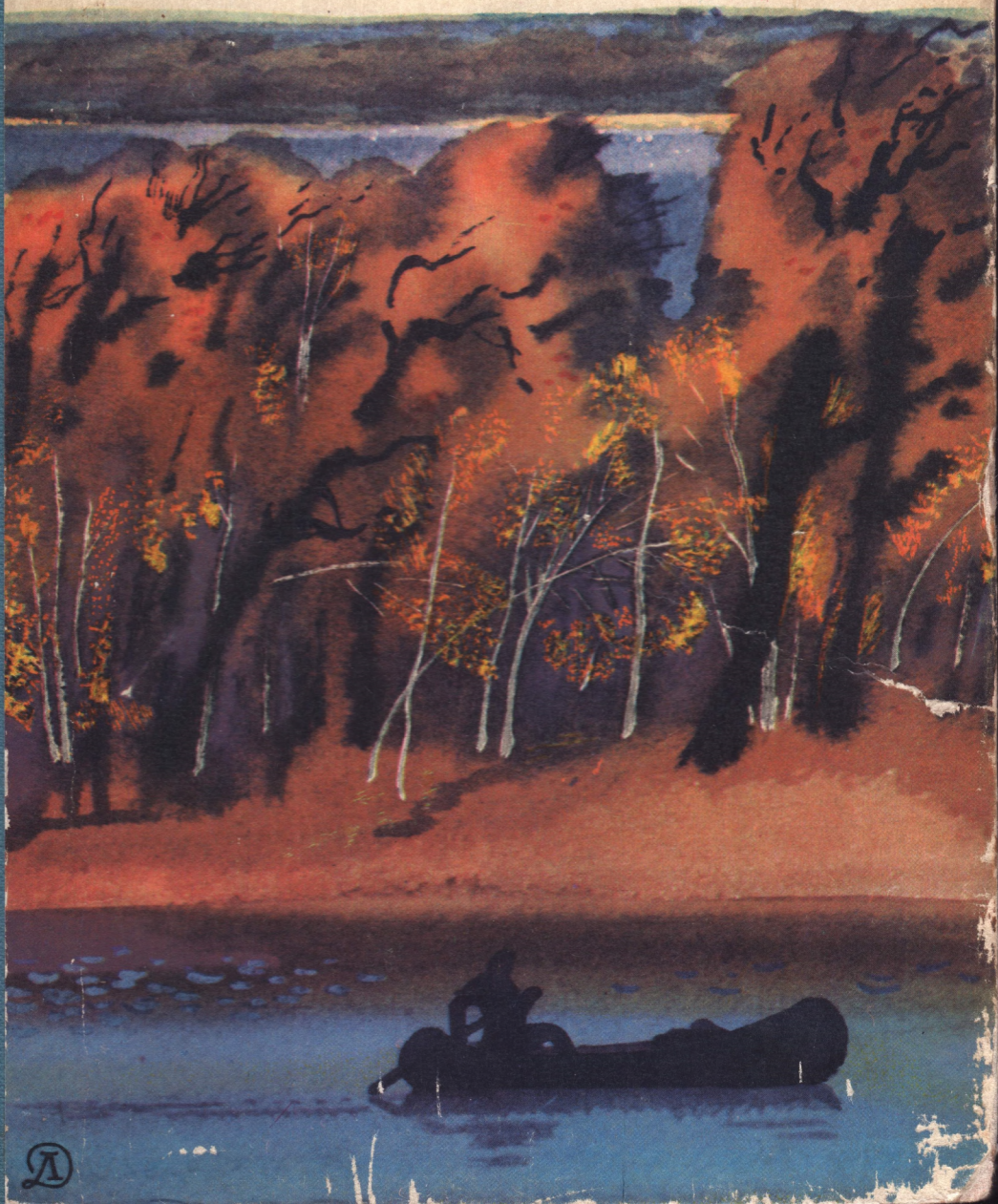
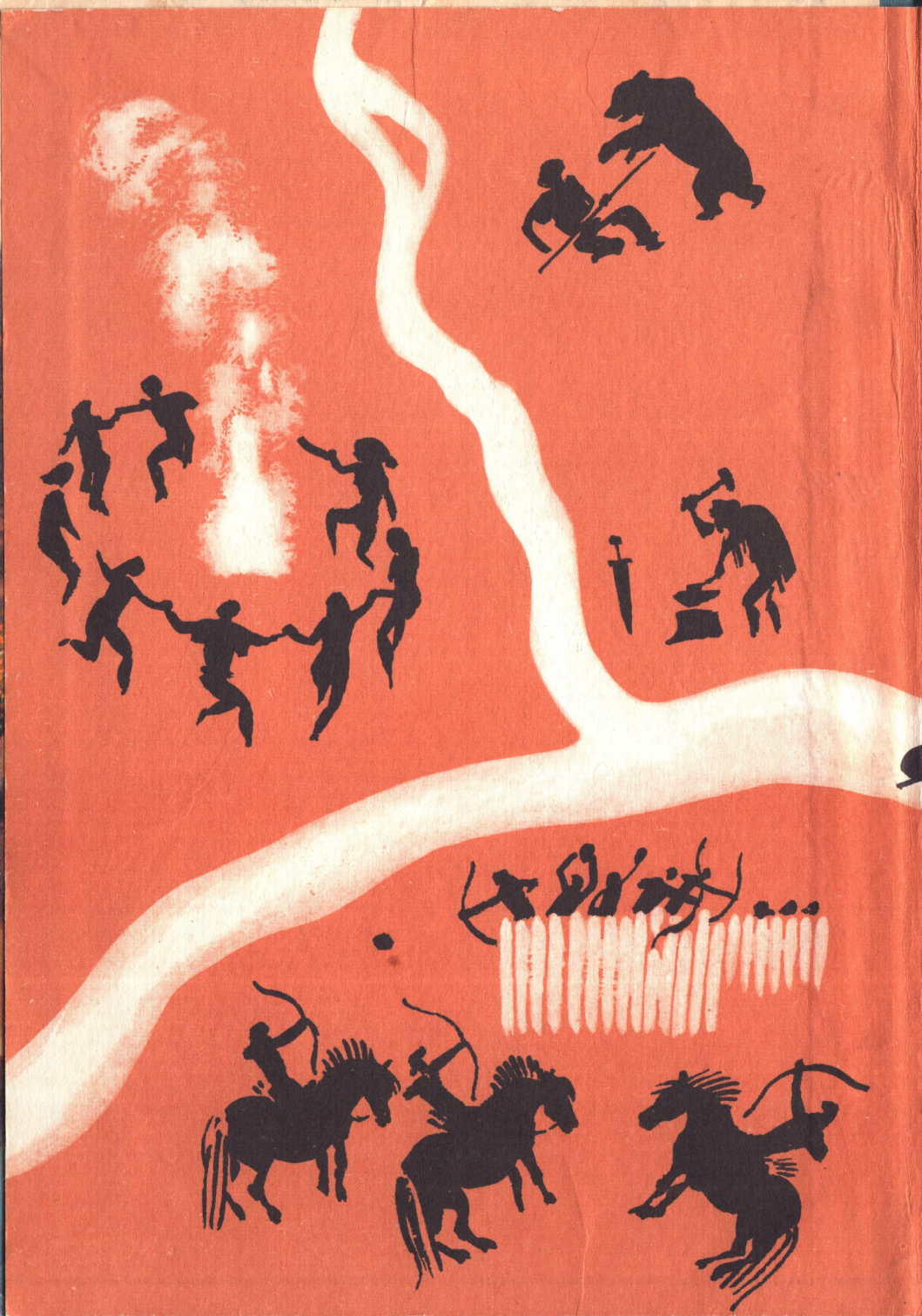
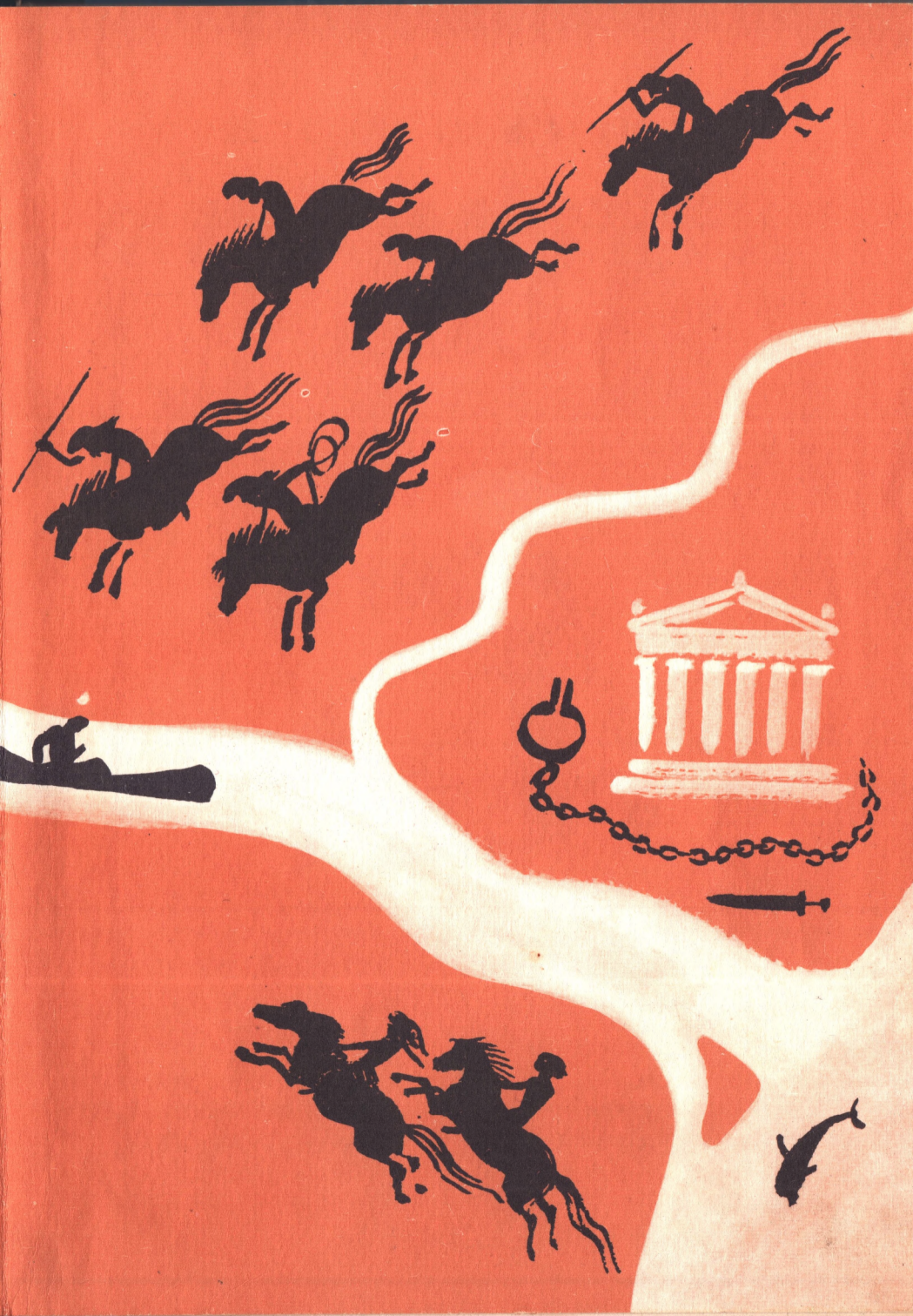
Б. ОРЕШКИН

МЕЧ-КЛАДЕНЕЦ







Б. ОРЕШКИН

МЕЧ-КЛАДЕНЕЦ

Повесть

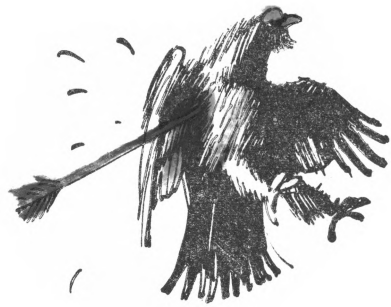
Рисунки А. Иткина

МОСКВА • „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА" • 1978

Р2
О65

О $\frac{70803-295}{М101(03)78}$ 355—78

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1978 г.



ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Глухарь токовал совсем близко, но даже зоркие глаза Вела не могли разглядеть его в предрассветной лесной чащобе. Что-то шевельнулось среди мохнатых лап ели. Так и есть — вот он, глухарь, весь виден. Всегда так бывает: смотришь, смотришь — нет птицы! А ведь знаешь, что здесь она. Потом вдруг увидишь. И удивишься. Ведь в то самое место смотрел, а не видел. Это Лесной дух человеку глаза отводит, не дает зверя или птицу добыть. Потом подобреет, снимет с глаз наваждение: бери, стреляй, если смел и ловок. За это Лесному духу добром платить надо, часть добычи отдать.

Не сводя глаз с птицы, Вел ждал. Вот глухарь снова завел свою скрипучую песню. Бить неудобно. Надо сбоку зайти. Смолк глухарь, подняв голову, настороженно прислушался. И Вел тоже замер, не шелохнется, ждет новой песни. Потом прыгнул два раза и снова замер. Ближе и ближе птица. Вот теперь хорошо бить, удобно: глухарь шею вытянул, крылья растопырил. Снизу, под крыло целить надо...

Дождавшись еще одной песни, Вел поднял лук. Тяжелая, с кремневым наконечником стрела ударила точно. Большая чер-

ная птица, обламывая мелкие сучки, рухнула на остатки мокрого, усыпанного хвоей снега. Вел кинулся на нее, придавил. Тут зевать не приходится: бывает, что раненая птица и со стрелой в боку улетит. Гоняйся потом за ней по всему лесу!

Стоя над трепещущей добычей, Вел поискал глазами самое чащобное место, повернулся к нему лицом, сказал как положено:

— Прими, Лесной дух, свою долю. Голову птицы даю тебе!

Наколов на острый сучок краснобровую голову глухаря, Вел выдернул из добычи стрелу, подобрал копье и прислушался. В лесной чащобе неистово и страстно пел еще один глухарь. На моховом зыбуне-болоте отзывался ему второй. Чуть подальше, за прогалиной,— третий. Сквозь темные лапы елей уже просвечивало зарево начинавшейся зари. Ночные тени уползали, прятались под коряги и выворотни. Боится света лесная нечисть. А Вел ему рад. И птицы, кроме филина да совы, тоже рады. Ишь как поют! На все голоса зарю хвалят.

Вел глубоко, всей грудью вдохнул влажный весенний воздух, словно меда напился. Хорошо в лесу! Глухарь на болоте совсем от радости захмелел, взахлеб поет. Можно бы и его взять, но зачем? В роду сейчас пищи много, зимний голод прошел, сыты все. Лучше Вел просто так постоит, голоса птиц послушает, посмотрит, как солнце из земли выходить будет. Ух, какой костер заря разожгла! Половина неба огнем полыхает. Вот-вот лопнет земля, разродится, выпустит солнце на волю.

На молодом охотнике была меховая куртка без ворота с короткими, по локоть, рукавами, кожаные узкие штаны, перевитые ниже колен тонкими ремешками, охотничья обувь — кожаницы. Он стоял, очарованно глядя на таинство рождения дня, на извечную битву света и мрака. Всю жизнь борются они между собой. То один, то другой верх берет, а окончательно никто победить не может...

Ярче и ярче пылает костер зари. Все сильнее алеет раскаленный кусочек неба, видный Велу между стволами деревьев. Вот наконец вырвались, прорезали лес солнечные лучи. Взошло, взошло солнце!

— О-го-го-о-о! — во всю силу закричал Вел, радостно вскинув вверх руку с тяжелым, прочным копьем.

«О-о-о-о!» — откликнулись Лесные духи его голосом.

«Далеко разбежались, в самую глухомань попрятались. Дразнятся, а выйти боятся!» — ухмыляясь, подумал Вел и нагнулся за глухарем.

— Э-э-э-эй! — донеслось вдруг из леса.

Вел вздрогнул. Это не духи. И не Бал. Чужой, незнакомый голос. Чужие люди в лесу! Бежать к жилищу! Предупредить? Нет, сначала надо узнать, что за люди, много ли их.

— Э-э-э-эй!..

Снова кричит. Голос жалобный, слабый. Так на помощь зовут. А может, хитростью в ловушку кто-то заманивает? Осторожно, от дерева к дереву, неслышными шагами охотника Вел стал двигаться ближе к кричавшему.

Он оказался совсем не страшным, этот чужой человек. Изможденный, едва живой, лежал он на поляне, прикрытый сверху изодранной шкурой. Увидев Вела, улыбнулся просительно, протянул к нему руки с пустыми ладонями, быстро залопотал что-то непонятное. Вел еще раньше обошел вокруг всю поляну, убедился, что засады нет, и теперь смело приблизился к незнакомцу.

Приподнявшись, тот вытащил из кожаного чехла большой, невиданной красоты нож и кинул его к ногам Вела. И опять показал ему раскрытые ладони: вот, мол, нет у меня больше оружия, делай со мной что хочешь. Вел наступил ногой на нож, не спеша стал разглядывать незнакомца. Был тот совсем еще молод, не старше Вела, но худ и тонок, словно мальчишка. Черные волосы отросли до плеч. На тонкой шее бронзовый обруч. Очень ценное украшение! Видно, могуч и богат род этого человека. И одежда на нем удивительная, хоть и порвана вся. Вел не удержался, потрогал рукой. Толстая. Нет, не из шкуры сделана, не из кожи... А под одеждой на груди человека четыре глубокие окровавленные борозды с рваными краями. «Зверь лапой достал,— сразу определил Вел.— Еще бы немного — и все нутро вывернул. Ребра видны».

Раненый приподнял край шкуры, показал Велу распухшую, как бревно, ногу.

— Вижу,— кивнул тот,— сломана нога. Плохо!

Вел наклонился, стал ощупывать поврежденную ногу. Нет, не сломана. Из сустава кость вышла. Примерившись, он дернул ногу больного. Тот закричал дурным голосом, но тут же улыбнулся, закивал головой: ничего, мол, я понимаю — так надо.

— Кто ты? Из какого рода и племени? — спросил Вел и ткнул себя пальцем в грудь.— Я — Вел, из рода Чаг, племени венов. А ты кто?

— Раб! — тихо, но внятно произнес пришелец и показал на свой бронзовый ошейник.

Вел не ответил. Ноздри его затрепетали, расширились. Пахло зверем. Вел всем телом ощутил его приближение, но не вскочил, ничем не выдал, что почуял опасность. Тревожная тишина повисла над поляной. Только раненый ничего не понял. Увидев, что рука Вела крепко сжала древко копья, он испуганно отшатнулся, жалобно вскрикнул. И тотчас из леса на поляну молча выбросился огромный медведь. Уже на третьем прыжке он мог бы схватить пришельца. Мог бы, да не успел. Прыгнувший навстречу ему Вел с размаху всадил остро отточенный роговой наконечник копья прямо в ту ямку, что между грудью и животом зверя. И тут же, уперев комель древка в землю, присел, откинулся назад, чтобы не достали могучие, когтистые лапы.

Трещит, гнется хорошо выдержанное, из крепкой березы сделанное древко. Гнется, но терпит. А зверь наседает, яростно ревет, дышит в лицо разинутой мокрой пастью, тянется лапами, вот-вот достанет. Сейчас бы сзади подскочить, ударить по черепу топором. Да нет рядом Бала! А длинные страшные когти все ближе и ближе... Призывный, отчаянный вопль человека перекрывает яростное рычание зверя:

— Ба-ал! Ба-а-а-ал!

— Бегу, Вел, бегу! — откликнулся лес.— Держись!

Но где там держаться! Комель древка медленно скользит по не оттаявшей еще земле. Гнется, трещит копье. И не убежишь, не отскочишь. В глазах от натуги темно стало.

Вдруг полегчало. Медведь на бок свалился. И Вел вслед за ним, не удержав такую махину. Но тут же вскочил, выдернул копье, замахнулся, чтобы еще раз ударить... Не понадобилось. «Готов!» — понял Вел. И только теперь увидел за тушей зверя лежавшего чужого человека с окровавленным ножом в руке.

— Молодец, Раб! Вовремя ты его.

С треском и шумом на поляну вырвался коренастый, плечистый Бал с поднятым над головой большим каменным топором.

— Готов? — с трудом переводя дыхание, прохрипел он.— А это что за человек?

— Сам не знаю. Неведомо кто. Раб ему имя.

Молодые охотники склонились над пришельцем. Тот лежал словно мертвый. Из потревоженных ран на груди обильно сочилась кровь.

— Что будем делать? — деловито спросил Бал.— Накормим его или убьем?

Вел задумался. Конечно, чужого человека, появившегося в охотничьих угодьях рода, следует убить. Но этот человек не охотник. К тому же он спас его, Вела. Правда, и Вел его тоже спас. Так что оба квиты, и это можно забыть. Закон говорит, что пришельца не обязательно убивать. Можно и накормить, принять его в род.

— Нет, Бал, мы не станем его убивать.

— Как знаешь. Ты старший. Но посмотри, какое у него ожерелье, какой нож! Они могли бы стать нашими...

— Вся добыча принадлежит роду! — жестко напомнил Вел.— Мне не хочется убивать этого человека. Он не охотник и не знает наших обычаев. Но он хорошо сделал то, чего не успел сделать ты.

— Я бежал изо всех сил,— обиженно сказал Бал,— но был слишком далеко от тебя.

— «Топор и копье всегда должны быть вместе!» Или ты забыл этот закон охоты? Ну, хорошо. Свежуй медведя, а я попытаюсь у пришельца кровь унять.

Отыскав молодую липу, Вел погладил ее рукой, сказал тихо:

— Не сердись! Придется мне взять часть твоей кожи. Сама видишь, чужому человеку надо раны перевязать.

Сделав на стволе глубокий надрез острым кремневым ножом, Вел хорошенько оббил кору древком копья, содрал длинные поломы нежного, сочащегося влагой луба. Хорошо бы еще целебной травы к ранам приложить. Но какая сейчас трава? На земле только-только проталины появились. А мох, он силы против ран не имеет. Придется их одним лубом перевязать да крепким словом заговорить. Вел не раз видел, как мать заговаривала кровь и врачевала раны охотников. Но самому еще не приходилось, хотя нужные слова он помнил твердо. Их нельзя перепутать, вся сила от этого пропадет.

Обнажив грудь Раба, он еще раз подивился смуглой коже и худобе пришельца. Как только в нем жизнь держится? Крепко его зверь задел, много крови ушло. Вел положил на раны короткие, широкие лоскутки луба, прибинтовал их более длинными и узкими полосками. Кончив, вырвал из своей куртки жильную нитку, взял ее за концы обеими руками, приложил к забинтованной груди раненого. Потом, повернув голову на восход, громким голосом прокричал:

— Солнце и Вода, идите сюда! Раны закрыть, кровь остановить. Вложите в нитку силы избытку. Нитка разорвись, кровь остановись!

Вел разорвал нитку и, довольный, поднялся. Кажется, все было сделано правильно. Теперь можно и Балу помочь. Но тот уже и один справился. На шкуре, развернутой на земле, лежала жилистая туша медведя.

— Ох и большущий! Еще не видал таких. Но старый очень, жира совсем нет,— с сожалением сказал Бал.

— Недавно из берлоги вылез. Откуда жиру быть? — согласно кивнул Вел.— Ничего, будем печенку и сердце есть. А шкуру домой отнесем. Мех плохой, но кожа сгодится.

Разрезав медвежье сердце, Вел половину его протянул очнувшемуся пришельцу.

— Вот, Раб, половина сердца медведя, которого мы вместе убили. Съешь — станешь сильным, как этот медведь!

Но тот лишь замотал головой:

— Нет! Надо... жарить... варить. Огонь нужен.

Вел удивился: кто же носит с собой на охоту огонь? Он представил себе, как подкрадывается к добыче, привязав за спиной горшок с горячими углями, и расхохотался. Ну и чудак этот Раб! Нет, на охоте никто не ест жареного мяса. Это только в жилище, у очага, можно жареным и вареным лакомиться.

— Ты должен поесть, Раб. Иначе злые духи совсем иссушат твое тело и ты умрешь. Каждый человек, каждый зверь должен есть. Все, кто живет, все едят. И духи тоже едят. Даже умершие, по ту сторону жизни, тоже нуждаются в пище.

С той же виноватой улыбкой пришелец отвязал от пояса небольшой кожаный мешочек, достал из него обгоревший древесный гриб, кремень и кусок незнакомого Велу металла. С трудом приподнявшись, он приложил к грибу кремень, затем ударил по нему куском металла. Из кремня выскочили искры. Раб еще раз ударил. На обгорелом грибе зажглась красная точечка. Раб подул на нее, приложил к тлеющему месту сухой мох, еще раз подул. Мох задымился, потом вспыхнул чуть видимый огонек. Раб добавил еще и еще мха. Огонь стал сильнее. Все правильно: если кремнем по кремню бить — огонь добыть можно. Но долго бить нужно. В их племени костры раздували от горячих углей или добывали огонь древним, священным способом, вращая заостренную деревянную палочку. А чтобы вот так, легко и быстро огонь добывать... Этого никто не умел!

— Хорошо, что мы не убили его,— покачав головой, сказал Бал.— Сильный колдун. Надо задобрить его хорошей едой.

И Бал бросился в лес собирать сучья для большого костра.

Поджаренную на углях медвежью печень Раб съел охотно. И половину сердца медведя тоже съел. Щеки его порозовели. Он приложил руку к груди, склонился, обхватил руками ноги Вела, прижался к ним лбом. Очень непонятные обычаи у племени, откуда пришел Раб. Кто же так благодарит за еду? Но обычаи требуют уважения, и Вел не стал отнимать у пришельца свою ногу в грязной и мокрой обуви, сделанной из цельного куска толстой кожи.

Отогревшийся, полный благодарности Раб, лежа у костра, пытался рассказать о себе. Говорил он, с трудом подбирая слова, но все же Вел и Бал поняли, что он и еще один человек, по имени тоже Раб, ушли из своего очень большого и сильного племени. Почему ушли — непонятно. Видно, поссорились с кем-то или законы рода нарушили. Но выходило так, что тот, другой Раб, возрастом много старше этого Раба, был из какого-то здешнего рода, из того же племени, что и Бал с Велом. Тот старший Раб и научил этого молодого Раба немного говорить на языке венов. Шли они по лесам вдоль больших и малых рек очень долго. Целое лето и половину зимы шли. Когда снег стал глубоким, жилище себе построили. Когда весна началась, снова в путь тронулись. Три дня назад погнался за ними вот этот зверь...

— Медведь! — сказал Вел, кивнув головой.— Сейчас они злые, голодные. А этот — старый. Кабана и сохатого ему не поймать. Вот и напал на человека. Сам напал. Поэтому, когда убили его, Вел с Балом не стали Лесного духа благодарить. Пусть это не удивляет Раба. Они с Балом законы охоты знают.

Этот свирепый зверь, продолжал Раб, напал на них ночью, схватил и унес старшего Раба, а он, младший Раб, раненный, убежал. Долго блуждал по лесу, упал, ногу попортил. Ждал, когда придет зверь и съест его. Потом услышал крик человека...

Вел и Бал сидели у костра, ели мясо. Раб, утомившись, уснул. Решили кончать охоту, нести раненого в родовое жилище. Знающий человек. Такой нужен роду.

Сделав носилки, Бал и Вел постелили на них шкуру медведя, сложив ее мехом наружу. Можно было отправляться. Лежавший у костра Раб бредил, метался в жару. То одной, то другой рукой пытался сорвать с шеи бронзовый обруч, словно тот душил его.

— Наверно, в это ожерелье вместо доброго злой Дух вселился,— задумчиво произнес Вел.— Видишь, как мучает Раба, душит его?

— Снять надо этот обруч.

— Как снимешь? Узкий он, голова не пролезет.

— Ломать придется. Жалко! Очень красивая вещь. Но и оставлять нельзя. Задушит он Раба.

Вел осторожно потрогал обруч, примерился пальцами. Крепкий. И застежки никакой нет. Как его надевали?

— Я ломать обруч стану, а ты, Бал, смотри: если выскочит Дух, гони его, бей. Слышишь?

— Не бойся! Я его топором.

Вел поплотнее взялся за обруч, поднажал. Не поддается. Тогда Вел почти всю силу в руки вложил. Никак! У Раба голова набок свесилась, глаза выпучились, вот-вот задохнется. Вел навалился изо всей силы. Хрустнул обруч, не выдержал, на две половинки распался. Никакого Духа не выскочило. Может, невидим он был? На всякий случай Бал вокруг топором помахал:

— Прочь идите, злые силы. Я вас!

Нет, ничего не случилось. Вел склонился над раненым. Тому явно стало легче. Значит, правильно сделали: очень злой Дух в ожерелье Раба сидел.

КОЛДУН

На три полета стрелы от большого родового жилища в белокаменном обрыве на берегу реки чернела дыра — вход в пещеру. Рядом с пещерой — овраг, заросший кустарником. По нему сбегает в реку светлый журчащий ручей. Старики говорят, что раньше весь род Чагов здесь жил. А теперь один только Колдун сторожит обиталище предков.

С робостью спустились в овраг Бал с Велом. На воткнутых в землю шестах рогатые, клыкастые черепа лосей, медведей, волков пустыми глазницами смотрят. За каждым кустом Духи прячутся. Колдуну ничего, он тут свой. А им...

«К-а-р-р!!» — вдруг над самыми головами. Даже пот от страха прошиб. Совсем забыли, что у Колдуна ручной ворон живет. Да и ворон ли? Может, оборотень? Ишь как глазом косит: что, мол, за люди, зачем пришли? Или это он Колдуну сигнал подает? Так и есть: слетел с дерева, у входа в пещеру на олений

череп уселся, еще раз каркнул. И Колдун тут как тут! Из пещеры вылез, на свет с темноты щурится. Сказал ворону непонятное слово. К ручью прошел, напиться. На Вела с Балом даже не глянул, словно и нет их совсем. Бал, потоптавшись, поставил принесенную корзину с едой на землю.

— В пещеру снеси! — не оборачиваясь, сказал Колдун.

«Вот ведь какой: и не глядит, а все видит!» — с изумлением подумал Бал и бегом бросился выполнять приказание.

Напившись и обтерев рукавом сивую, всклокоченную бороду, Колдун повернулся, внимательно оглядел парней маленькими, глубоко спрятавшимися под нависшим лбом глазками.

— Ошейник того человека принесли?

— Вот он! — Вел протянул на ладони обе половинки бронзового обруча.

Колдун взял их, сложил вместе. Концы не совпали.

— Где еще кусок? — испытующе впился он взглядом в синие бесхитростные глаза Вела. Потом посмотрел на смутившегося Бала и удовлетворенно хмыкнул.

— Вот, сами смотрите: этот конец и этот сходятся, а с этой стороны — нет. Чтобы круг был, маленького куска не хватает. Искать его надо!

Подойдя к росшей невдалеке иве, Колдун поклонился ей, выломал раздвоенную ветку, ободрал кору, вырезал кремневым ножом рогульку, зажал ее между ладонями.

— Сучок-ведунок, покажи, где кусок!.. Видишь, Бал, на тебя показывает. У тебя кусок обруча. Ты совершил кражу!

— Нет! — испуганно выкрикнул Бал.— Это не кража. Тот человек не нашего рода. Совет еще не принял его!

— Так,— согласился Колдун.— Совет его не принял. Но вы с Велом дали тому человеку еду, накормили его. После этого нельзя отнимать у него вещи.

— Я не отнимал! Раб сам отказался от обломков обруча. Вот я и отломил... маленький кусочек.

— Значит, ты обокрал род, а не пришельца. Это еще хуже. Совет решит, как с тобой поступить. А сейчас...

Колдун требовательно протянул руку. Бал покорно достал

из привязанного к поясу кожаного мешочка кусок обруча, отдал его.

— О чем говорил чужой человек?

— Он говорил, что есть земля, где никогда не бывает снега, совсем нет леса и растет одна только трава. Люди там ездят на животных, похожих на лосей без рогов. И что у всех воинов там есть такие же большие ножи, как у него. И что соли в тех землях много! — сказал Вел.

— И он опять добывал огонь! — торопливо добавил Бал.— Ух как здорово добывал! Трах, трах — и готово!

Колдун из-под мохнатых, густых бровей только глянул на Бала, и тот сразу сник, опустил голову.

— Огонь из кремня и металла? — переспросил Колдун.— Да, я знаю об этом. Даже видел однажды. Это было давно, на одном из торжищ. Мы предлагали тому человеку все наши шкурки бобров и куниц, но он не отдал нам ни металлического амулета, ни кремня, ни горелого гриба, на который падают искры. Мы хотели убить этого человека. Но там, на Торжище, нельзя убивать. А теперь человек, владеющий таким амулетом, сам пришел к нашему роду. Хорошо! Бронзовый нож по-прежнему у него? Ни Грач, ни Жгун не пытались завладеть им?

— Нет! Нет! — в один голос воскликнули Вел с Балом.— Никто даже не прикоснулся к ножу.

— Хорошо. А теперь, Бал, возьми остатки обруча чужеземца и разломай их на мелкие части. Ты ведь хорошо умеешь это делать...

Покрасневший Бал начал молча, со злостью ломать на колене злосчастные дужки обруча. Хитро щурясь, Колдун взвесил на ладони обломки.

— А что? Если добавить еще немного бронзы, выйдет отличный наконечник для копья. Как вы, молодые, считаете?

У парней глаза разгорелись. Кто же не мечтал о бронзовом наконечнике! Их имели в роду только самые лучшие охотники. Конечно, надо отлить наконечник! А там уже пусть Совет решает, кому он достанется.

Колдун посмотрел на солнце, подумал и закричал весело:

— Чего тянуть да откладывать? Бегите в лес за дровами, костер раскладывайте. Так и быть, покажу вам, как бронзу плавят.

Пока Бал и Вел таскали еще зимой заготовленные, расколотые вдоль березовые чурки, Колдун расчистил на песчаном берегу ручья ровное место. Потом торжественно вынес из пещеры каменную ступу. Тщательно установив, он обложил ее со всех сторон сухими дровами.

— Ну, Дух огня, помогай, силу набирай! — выкрикнул Колдун, вынося из пещеры тлеющую головешку.— Ты — нам, мы — тебе, чтоб не быть беде! А ну, давай, а ну, раздувай!

Запалив от головни бересту, Колдун сунул ее под дрова. Пламя весело затрещало, лизнуло поленья, с черной копотью взвилось вверх. Ворон, сердито каркнув, отлетел подальше, сел на засохшее дерево.

— Вот так! Вот так! — весело покрикивал Колдун, бегая вокруг костра и со всех сторон подпаливая бересту.— Постой, дай огню силу взять! Теперь вали еще дров. Не жалей! Вот сюда плаху подсунь. Вот так, вот так!

Повеселевшие, разгоряченные работой парни старались вовсю. Вместе с Колдуном прыгали вокруг гудевшего костра, подкладывали в него всё новые и новые поленья.

Когда огромный костер прогорел и куча раскаленных углей с верхом покрыла каменную ступу, Колдун строго поглядел на парней:

— Теперь самое главное начинается. Что скажу — быстро делайте!

Длинной свежесрезанной палкой он сгреб угли с каменной раскалившейся ступы, ловко очистил ее внутри и, укрываясь от жара локтем, бросил в ступу небольшой слиток бронзы и куски изломанного Балом обруча.

— Кладите снова дрова! — закричал он.— Быстро!

Вновь высоко взвилось пламя костра. Вновь запрыгал вокруг него Колдун, размахивая руками и бормоча заклинания. Долго горел костер жарким пламенем. Наконец старик воздел вверх руки и закричал:

— Берите палки, отгребайте угли!

Двумя деревянными рогульками он ловко поддел раскаленную ступу, быстро, но с величайшей осторожностью перенес ее от костра на чистое место, где уже была подготовлена каменная форма для отливки наконечника. Вел и Бал затаив дыхание следили за каждым движением Колдуна. А тот, бормоча себе что-то под нос, осторожно наклонил ступу над формой. Тоненькая, горячая и яркая, как солнце, струйка потекла в форму, заполнила ее всю до самого верха. Колдун отставил ступу, осторожно попятился:

— Не подходите! Не мешайте наконечнику родиться.

Все трое молча стояли, не сводя глаз с формы. Жидкое солнце в ней постепенно тускнело, словно облаком покрывалось. Связанная из двух половинок, форма дымилась, чуть слышно потрескивала. Трудно ей, больно. Сама вся горячая стала.

— Пусть отдыхает,— сказал Колдун.— А нам пока подкрепиться неплохо. Чего вы там принесли? Тащите сюда корзину!

В плетенке из ивовых прутьев оказалось несколько битых селезней. Бал выбрал трех покрупнее, завернул им головы под крылья и, прямо в перьях, не потроша, зарыл в горячий песок, под угли. Вел растянулся на земле, подставив лицо весеннему теплому солнцу. Смотрел на плывущие облака, на кружившую в вышине пару ястребов-канюков.

Вода в реке еще не вошла в берега. Мутная и быстрая, она сердито гнула прутья ив, несла сухие прошлогодние листья и всякий другой лесной мусор.

Никто не смотрел больше на форму с остывающим наконечником. Колдун сказал, что нельзя смотреть. От человеческого глаза наконечник мог плохо родиться, с трещинами. Балу наскучило ждать, полез на речной обрыв ласточкины гнезда смотреть.

— Не надо никому говорить про третий кусок обруча,— тихо сказал Вел Колдуну.— Не хочу, чтобы Бала из рода выгнали.

— О каком куске обруча говоришь? Разве был третий? — зевнув, отозвался Колдун.

Ну и старик! Ловко придумал: не было третьего куска, и все тут! Ничего Бал не прятал. И из рода его не выгонят. Может, для того Колдун и обломки обруча поспешил в огне растопить? Нет больше обруча. Нечего Совету думать, как поступить с ним. Обрадованный Вел вскочил на ноги, позвал друга:

— Не мешай ласточкам, Бал! Иди сюда, утки готовы.

Вдвоем они разгребли угли и золу, вытащили вкусно пахнущих, исходящих горячим паром уток. Самую большую подали Колдуну.

— Ух, хорошо! Жаль, соли нет...— вздохнул Бал.

Соль в роду еще зимой кончилась. Теперь старшие матери только малым ребятишкам изредка по щепотке давали. А взрослые уже давно ели пресное.

Колдун, кряхтя, встал, почесал в затылке.

— Забыл: то ли лежит она там, то ли нет?

— Кто?

— Соль. Комок маленький. С прошлого лета остался, когда Речного духа славили, солью одаривали. Мне она ни к чему. Я все без соли ем. Ну, а для гостей... Пойду поищу.

Соль действительно отыскалась. И комок оказался совсем не маленьким.

Обсосав горячие птичьи кости и бросив их ворону, Колдун погладил живот, хитро прищурился:

— А не спечь ли нам еще по одной крякуше? Только ты, Бал, их выпотроши да в нутро соли насыпь. Понял? Вкусней будут.

Пока жарили новых уток, солнце уже скрылось за лесом. Наступал тихий прохладный вечер. Колдун принес из пещеры горшок перебродившего, разбавленного клюквенным соком меда, отпил сам, потом передал Балу:

— Пей. Да старого Колдуна помни. Он добрый!

Вел тоже выпил свою долю. Совсем весело стало. Хороший сегодня день, удачливый. И Колдун, оказывается, не страшный совсем. С таким хорошо вместе быть. Жаль, не часто он в гости зовет.

— Вот было однажды,— заговорил вдруг старик.— Бежал

заяц по лесу. А навстречу ему волк: «Ты куда?» А тот испугался, обмануть волка решил. «Зайчиха, говорит, у меня заболела, бегу травки целебной добыть». Волк пасть разинул. «Съем, говорит, тебя!» — «Ешь,— отвечает заяц.— Твоя сила. А только зайчиха моя помрет, зайчат не принесет, тебе же зимой голодно станет». Подумал, подумал волк и говорит: «Ладно, беги за травкой, лечи свою зайчиху да побыстрей назад возвращайся. Я тут буду ждать». Заяц и убежал.

— А волк? — спросил Бал.

— Волк до сих пор там сидит, зайца ждет.

— Где?

— А тебе зачем?

— Так я сбегаю, убью волка!

Колдун посмотрел на Бала, спрятал улыбку в бороду. А Вел, давясь смехом, повалился на землю.

— Чего ты? — обиделся Бал.— Сказано же было, что волк до сих пор сидит.

— Ой, уморил! Это же сказка, Бал, сказка!

— Сказка, сказка... Так и говорить надо, что сказка. А то: «До сих пор сидит»!

Отдышавшись, Вел попросил старика:

— Расскажи еще что-нибудь.

— Хватит. Натешились. Да и крякуши давно готовы.

Когда съели еще по утке, уже темнеть стало. В реке тяжело бултыхнула крупная рыбина. На светлом еще небе появились первые звезды. Лес ко сну приготовился.

— Где же наконечник? — ахнул вдруг Колдун.

Бал и Вел кинулись к лежащей на песке каменной форме. Она была пустая. Все уставились друг на друга. Колдун испуганно вытаращил глаза:

— Убежал! Искать надо.

В ход снова пошел сучок-ведунок. Привел он старика прямо к кусту бузины, что рос неподалеку, в овраге.

— Ищите здесь...

В траве и вправду лежал наконечник.

— Хватайте его!

Парни кинулись, вцепились руками в беглеца.

— Давайте сюда. Заговорить его надо, чтобы не бегал больше.

Пошептав над наконечником, Колдун трижды сплюнул и совсем уже другим голосом, спокойно сказал:

— Теперь не убежит. Можно к древку приделывать.

У парней после такого дела весь хмель из головы выскочил. Опять стали Колдуна побаиваться. А тот посмотрел на темнеющее небо и приглушенным, таинственным голосом предложил:

— Пойдемте в воду смотреть... Самое время.

Пробираясь сквозь кусты, дошли до родника, откуда брал начало ручей. Ни Вел, ни Бал никогда еще тут не были. Страшное, запретное место. Одному Колдуну доступное. Без него пойдешь — загубят кровожадные, злые Духи. Тут их полным-полно в этом овраге.

У родника остановились несмело. Темно вокруг под деревьями, жутко.

— Глядите в воду,— шепнул Колдун.— Хорошенько глядите. Да нагнитесь, чтобы глаза ближе были.

В черной, гладкой воде все было перевернуто: и луна, и небо со звездами, и вершины деревьев, и головы Вела с Балом. И нельзя понять, где верх, где низ. То ли в воду смотришь, то ли летишь высоко-высоко, а под тобой небо с луной и звездами...

— Что видишь? — прошептал над ухом у Вела Колдун.

Вел только головой помотал. Ничего, мол, не вижу.

— Плохо глядишь. Не моргая надо смотреть.

Рябь по воде пошла. Заплясали, запрыгали звезды внизу, шевельнулись ветви и головы. Страшно.

— Видишь, челн по реке плывет и ты в нем? — шептал Колдун.— И Бал в том же челне. Вдвоем плывете. Челн нагружен сильно.

Вел изо всех сил напрягал глаза, стараясь рассмотреть в зыбких, дрожащих тенях очертания лодки. А Колдун все нашептывал:

— Соль сыплется. Много соли... А место совсем незнакомое. Деревьев нет, только трава растет. Люди на безрогих лосях

едут. Видишь? Опять лодка плывет. Двое в лодке: ты и Бал. Назад возвращаетесь. Бронзы куски везете, кожаные мешки с солью. Вот рука Бала, вот твоя. Вместе добычу держите...

— Какую добычу? Не вижу я ничего...— прохрипел Бал.

— Смотреть не умеешь! Мы с Велом видим, а ты нет?

Колдун вдруг пошатнулся, простер руки над родником, в страхе попятился:

— Не трогай, не трогай нас! Мы уходим...

Парни опрометью кинулись сквозь кусты подальше от страшного места. В себя пришли только у костра, совсем прогоревшего. Вел тут же принялся вновь раздувать огонь. Не спеша, с достоинством подошедший Колдун подсел к костру, долго думал о чем-то. Прощаясь, он, как о деле уже решенном, сказал:

— На этот раз к Торжищу вы поедете. Видели, что вода показала? Бронзы побольше выменяйте. И соли. Да меня, старика, не забудьте,— хитро подмигнул он.— Как назад поплывете, сначала ко мне заверните. Потолкуем кое о чем. Со мной в дружбе жить надо! А то, глядишь, и расскажут Духи про то, как Бал кусок обруча от всех утаил... Они ведь все видели! От них не скроешься. Только я помочь вам могу. Поняли? Ну ладно, идите теперь в жилище. Да никому чтоб ни слова!

Выбравшись из оврага, парни пошли не тропинкой, а лесом, кружным путем. Шли «повернув следы», пятясь задом. Хоть и добрый сегодня Колдун, а кто его знает, вдруг Порчу нашлет? Но Вел с Балом тоже хитрые: побежит Порча по их следам, да запутается, не в ту сторону ее следы уведут.

СОВЕТ РОДА

Из-под опущенных век Крисс смотрел на закопченные, из жердей сделанные стены жилища, слушал неторопливые голоса мужчин, смех женщин, плач и взвизгивания ребятишек. За долгие дни болезни он лучше стал понимать язык этого племени, привык к дымному, но зато теплому, врытому в землю жилищу.

В центральном проходе у каменных очагов хлопочут жен-

щины. Запах жареной дичи приятно щекочет ноздри. Как всегда, синеглазая сестра Вела — Геда протянет ему большой кусок мяса и горшочек с кисло-сладким напитком. И будет смотреть на него странным взглядом, в котором не поймешь, чего больше — жалости или насмешки.

Раны на груди уже зажили. И нога в порядке. Он мог бы встать, подойти к очагу, поесть вместе со всеми. Но зачем? Еще работать заставят... Каждый день после утренней еды в жилище остаются только несколько женщин да целая орава ребятишек. Все остальные куда-то уходят. Но не очень торопятся. Сидят, шутят, переговариваются. Крисс усмехнулся: сюда бы рыжего Бача с его сыромятным бичом. Он бы не дал залеживаться ни ему, Криссу, ни всем остальным!

Правда, иногда все мужчины уходят чуть свет и возвращаются только ночью, а то и на следующий день, принося с собой туши оленей, кабанов, коз или целые связки битой птицы. Странные люди! Нет у них не только надсмотрщика, но даже и своего предводителя, который у всех племен бывает. Похоже, что в жилище заправляют всем женщины. По крайней мере, у каждого из пяти очагов заметно выделяется одна, главная женщина. Ее слушаются даже охотники, эти добродушные бородатые великаны. И что самое удивительное: сколько уже дней наблюдает он жизнь этих людей, но не видел ни одной ссоры. А ведь тут живет много отдельных семей. У каждого очага по две-три. И только для ребятишек все большое жилище — родной дом. У любого очага их накормят и приласкают. С ребят постарше и спрос побольше. Молодые почтительны к старшим, но никто ни перед кем спину не гнет, страха не чувствует.

Неужели правду говорил старый Дук, с которым вместе бежали из рабства, что в его племени нет высокородных властителей, нет вождей, нет торговцев? Что здесь все равны, все работают сами на себя без всяких надсмотрщиков? Похоже, что так. Но ведь это варвары! Что они видят в жизни? Как пользуются своей свободой? Разве знают они, как много может дать человеку власть, какие утонченные блюда, напитки, зрелища, наслаждения бывают на свете...

Задумавшись, Крисс вздрогнул от громкого крика. Все вскочили с мест, бросились к выходу. Нападение? Но мужчины не брали с собой оружия и не было тревоги в этой сумятице. Наоборот, люди выбегали наружу весело, словно давно ждали и наконец дождались чего-то важного и хорошего. Крисс тоже вышел из опустевшего жилища. Голова закружилась от яркого света и чистого воздуха. Он постоял, стараясь унять гулкие удары сердца. Да, долгое лежание дало себя знать. Крисс огляделся вокруг. Прямо перед входом в жилище на зеленом лужке стоял врытый в землю столб с грубо вырезанными чертами человеческого лица. На торчащем вперед сучке, нарочно оставленном при обработке дерева, лежали подсохшие полевые цветы. За столбом близко к жилью подступали высокие сосны пронизанного солнцем бора. Позади жилища шел спуск к реке. На берегу торчали многочисленные колья для просушки сетей и вяления рыбы, лежали большие конические корзины из прутьев — верши, в песок уткнулись несколько долбленых лодок.

Туда-то и сбежалось сейчас все племя. Даже ребятишки и те были на берегу. Крисс понял: предстояла большая рыбная ловля. Ничего интересного. Пусть ловят. Он хотел снова уйти в жилище, в свой уютный, застеленный медвежьей шкурой уголок, но как раз в это время заметил наконец предводителя рода. Им оказался невзрачный худенький старичок, которого Крисс много раз видел и прежде, но никогда не обращал на него внимания. Слишком уж незаметно и скромно держался тот. Но сомнений быть не могло: именно он сейчас всеми распоряжался. По властному взмаху его руки молодые мужчины вошли по грудь в воду и установили верши в промежутках между вбитыми в дно кольями. Горделиво выпрямившись, старик глядел из-под ладони вниз по течению реки. Крисс тоже взглянул туда. Над рябившей водой с криком носились чайки. Крисс понял: вверх по реке поднимался на нерест большой косяк рыбы. Когда суматошная стая чаек вплотную приблизилась к забору из кольев, старик снова махнул рукой, и вторая группа мужчин, прыгнув в лодки, стала окружать сзади подошедший косяк.

По указанию старика женщины развели на берегу костры, ребятишки таскали хворост. Все работали быстро и весело. И только этот малосильный старичок стоял на пригорке да изредка покрикивал повелительно своим жиденьким голосом. «Да, конечно, он и есть предводитель! Выдра зовут его»,— вспомнил Крисс не раз слышанное имя.

Вел и еще какой-то парень вытащили из воды на берег первую вершу, полную серебристой, неистово бьющейся рыбы. Двое других парней тотчас поставили на освободившееся в заборе место новую вершу. Предводитель не спеша выбрал из груды рыб трех самых крупных, вдел им под жабры ивовый прут, связал его в кольцо и так же неспешно направился к священному столбу. Небрежно смахнув цветы, старичок повесил на сук связку рыбы и, повернувшись лицом к реке, в третий раз махнул рукой. Тотчас с радостными криками женщины и дети принялись за работу. Рыб распластывали надвое, выпускали икру в корыта, нанизывали на прутья и тут же вешали на жерди для провяливания.

Крисс по опыту знал, что заготовка и вяление рыбы — работа тяжелая, неприятная. А эти люди выполняли ее легко, весело, как бы играя. Женщины и девушки уселись вокруг куч рыбы. Время от времени одна из них вставала, подвешивала готовую связку рыб к шестам для просушки и опять возвращалась. Ребятишки жарили на кострах свежую добычу, ели сами и обильно угощали всех желающих. Озябшие, мокрые парни подбегали к кострам погреться, перебрасывались шутками с женщинами, наскоро проглатывали горячую пищу и снова лезли в воду.

Крисс и сам не заметил, как оказался на берегу, среди работающих. Хохот мужчин, звонкие голоса женщин, визг ребятишек, лай собак и крик чаек оглушили его. Никогда не видел он ничего подобного. Это была не работа, а буйный, веселый праздник, пиршество и в то же время состязание на ловкость и быстроту, на усердие и прилежность. Белозубая стройная Геда тут же сунула ему в руку ивовый прут и подвинулась, освобождая место рядом с собой.

Но работа у Крисса не шла. «Разве такую ораву прокормишь? — покосился он на беспечно резвившихся ребятишек.— А мне одному много ли надо? Рыбы полно в реке. Всегда для себя наловлю». Он встал и пошел к жилищу, ожидая, что на него закричат, вернут, заставят работать. Но никто не остановил Крисса. Даже старый Выдра, когда Крисс проходил мимо него, лишь мельком взглянул на чужеземца и тоже ничего не сказал. Только Вел, вытаскивая из воды очередную вершу с рыбой, крикнул вдогонку:

— Эй, Раб! Сегодня вечером назначен Совет рода. Приходи!

На Совет собрались все взрослые члены рода. Около столба с рыбинами, все еще висевшими на сучке, двумя тесными полукругами уселись самые старшие: по одну сторону женщины, по другую — мужчины. За ними встали те, что моложе,— женщины с грудными детьми, девушки, молодые охотники.

«А где предводитель?» — подумал Крисс, отыскивая глазами Выдру. Тот сидел вместе с другими мужчинами, снова тихий и незаметный. «Нет, он не предводитель. Он был старшим только на время ловли рыбы!» — понял Крисс.

В центр круга вышел Колдун. Все стихли. Колдун поднял руку, прокричал в сторону леса:

— Тени предков, войдите и вы в наш круг, послушайте, так ли говорить будем, так ли, как надо совет держать!

Дождавшись, когда из леса донеслось слабое эхо, Колдун спросил присутствующих:

— Родичи, все ли вы здесь?

— Все! — нестройным хором ответили несколько голосов.

— Можно начинать Совет?

— Можно!

— О чем сначала говорить будем: про чужеземца или про то, кому на Торжище ехать?

— О чужеземце! Про Торжище после решим.

— Все с этим согласны?

— Все!

— Да будет так! Кто хочет первым про чужеземца сказать?

— Я!

Из первого ряда поднялся Грач — немолодой, приземистый, плечистый охотник в куртке из козьего меха. Он посмотрел на безучастно стоявшего у столба Крисса и, загибая на могучей руке заскорузлые пальцы, начал перечислять его достоинства:

— Чужеземец, которого Рабом зовут, молодой. Не сильный, правда, но смелый. Ножом медведя убил, Вела выручил. Еще что? Нож у него большой, бронзовый. Очень хороший нож! И главное, имеет он амулет, которым можно быстро огонь добыть. Такой человек роду нужен. Пусть у нас остается.

Едва первый оратор сел, поднялась мать Вела — Дана. Все к ней повернулись, ждали, что скажет эта рослая, всеми уважаемая женщина, одна из пяти старших матерей рода.

— Про нож и амулет Грач верно сказал. Нужны они роду. Может, и охотник Раб смелый, не знаю. Только что же он сам, без Вела, медведя того не убил? Почему позволил товарища своего загубить, того, которого тоже Рабом звали? Где в то время большой его нож был? И еще скажу: не любит чужеземец работать. Сколько дней совсем здоровый в жилище отлеживался! Ленивый он. Не знаю, найдется ли среди нас такая, что в мужья этого человека взять согласится.

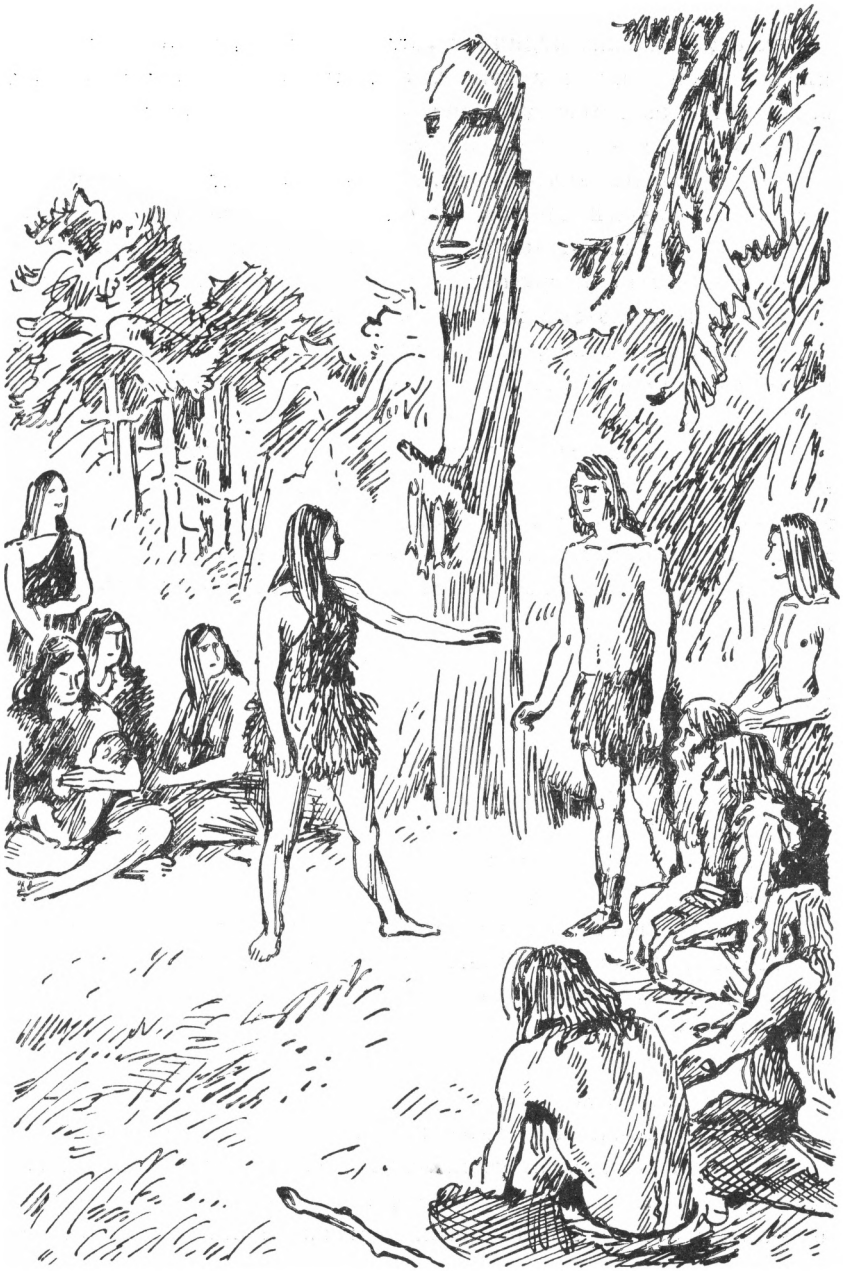
Вел с беспокойством посмотрел на мать. Зачем она так? Раб еще слабый. Что из того, что в жилище долго лежал? Он сил набирался. После слов матери ни одна женщина Раба не возьмет. Придется ему в другой род уходить.

Колдун снова поднялся. Опять, как и Грач, про нож и амулет говорил, про то, что нужен Раб роду. Но слова его не произвели впечатления на женщин. А от них многое зависело. И Колдун в конце концов вынужден был повернуться к молодым женщинам и девушкам рода:

— Кто из вас согласен взять в мужья вот этого человека по имени Раб?

Те молчали. Кому хочется стать посмешищем, взять мужчину, который только на мягких шкурах валяется да есть просит?

Вел не выдержал, протолкался на середину круга, с гневом заговорил о том, что нельзя ставить в вину Рабу то, в чем тот не виноват. Он из другой земли, обычаев наших не знает, не



успел еще показать себя на охоте. Зато как интересно он рассказывает про другие земли, про племена, что там живут. Неужели из-за них, девушек, такой человек в чужой род должен уйти?

— Глупые вы, как тетерки, дальше своего носа не видите! — сказал Вел и сердито пошел на свое место.

Среди женщин и девушек поднялся шум:

— Ты нас не учи, молод еще!

Молчавший до сих пор чужеземец поднял руку.

— Чтобы остаться, я должен жениться, да? — спросил он.

— Да,— кивнули головами охотники.— Без этого как же ты в род войдешь?

— Хорошо. Я беру женой ее! — показал чужеземец на сестру Вела, Геду.

Совсем растерялись охотники. Разве жен берут? Они сами мужей выбирают! Чудной этот Раб. В самом деле ни обычаев, ни законов не знает. А Колдун уже отыскал глазами среди девушек Геду, спросил громко:

— Согласна ли ты взять в мужья этого человека?

— Согласна! — сказала Геда и, подойдя к Рабу, взяла его за руку.— Я, Геда, выбираю себе в мужья этого человека по имени Раб.

— Да будет так! — быстро сказал Колдун, и вопрос был решен.

Геда потянула из круга своего мужа, но тот остановился, обвел всех взглядом и громко сказал:

— Я больше не раб! Не называйте меня рабом. Не хочу!

Что ж, если человек решил переменить имя, Совет вправе сделать это. И Колдун спросил:

— Какое имя ты выбрал себе?

Чужеземец пожал плечами:

— Мое имя — Крисс.

— Слышите, люди? Его зовут Крисс! — громко повторил Колдун.— Такое теперь у него имя. Ты и с этим именем согласна его взять, Геда?

— Да, я выбираю его с новым именем.

— Да будет так! — снова сказал Колдун и повернулся к охотникам, сидевшим в первом ряду: — Теперь надо решить, кто на Торжище поедет.

— Грач!

— Он прошлой весной ездил. Мало соли привез.

— Выдру надо послать!

— Выдра старый, не подняться ему по реке.

— Молодого охотника в помощь дадим!

— Две лодки надо послать...

— Много людей пошлем, кто охотиться будет?

На Торжище, в верховья реки, всегда ездили мужчины. Желающих было много. Кому не хочется новые места посмотреть, себя показать? Но женщины неохотно отпускали мужчин — главную опору и защиту рода. А женщин разве перекричишь? Вот и сейчас поднялись все, как одна, уперлись: больше четырех человек нельзя отпускать! Сладились на четырех, по два на лодку. И то хорошо. В прошлый год одна лодка ходила. Вот и не хватило соли в роду до нового Торжища. Женщины утихли, снова присели кто на камень, кто на лежащие на земле бревна. Осталась стоять одна только Дана, мать Вела и Геды.

— Так и быть, отпускаем две лодки на Торжище. Но с уговором: пустыми не возвращаться! А то знаем мы вас — меха не на соль променяете, а на гульбище... Вместо Грача пусть Выдра старшим плывет. А в помощь ему кого хотите выбирайте. В этом мы вам перечить не станем.

Сказала и пошла прочь, хотя и не закрыл еще Колдун общий Совет. Не по обычаю это, но уж очень рассердило Дану неожиданное решение дочери. За ней и другие женщины поднялись. Остались у столба одни охотники. Почесали в затылках, подумали. А чего думать? Дело решенное.

— Пусть вот хоть Вел с Балом плывут...— безразличным голосом подсказал Колдун.— Парни здоровые.

— И Выга третьим! — добавил кто-то.

На том и остановились. Порешили на завтра же лодки к походу готовить, а также меха, что на продажу пойдут. Оружие молодым надо получше наладить. Колдун тут же про новый

бронзовый наконечник сказал. Осмотрели его, решили Велу отдать. Он копьем из молодых лучше всех владеет. На этом и Совет рода закрыли.

«Нет, и этот старик, которого Колдуном называют, тоже не предводитель рода,— подумал Крисс.— Здесь и в самом деле нет предводителя. Не он, а Совет все решает».

Когда разошлись, Вел догнал Крисса и Геду, медленно шедших по берегу.

— Подождите! Дело есть,— широко улыбаясь, обратился он сразу и к сестре и к новому родичу.— Совет решил меня на Торжище вместе с Балом послать. А ты, Крисс, тут остаешься. Тебе амулет для добывания огня не понадобится. Дай его мне.

Крисс насупился, медленно, неохотно отвязал от пояса мешочек.

— Только тебе! Другому нет. Дай слово, что назад вернешь.

— Как я тебе слово дам? — удивился Вел.— А если в реке утону вместе с амулетом?

— Тогда не бери! — сердито сказал Крисс.— Потеряешь амулет — вместо него много соли мне дашь.

— Тебе? — удивился Вел.— Ты что-то не так говоришь, Крисс. Не тебе, а роду, всем нам привезу я соль.

— Нет! Всем не надо. Привези только себе, мне, Геде. У кого соли нет, к нам придут. Ты, я, Геда много мехов получим. За соль. Хорошо жить станем. Лучше всех! Отдельное жилище построим.

— Разве мы плохо живем?

— Можно лучше! Я знаю дорогу в другие земли. Поедем туда, мех повезем, много денег будет у нас.

— Денег? Что такое деньги, Крисс?

— Долго говорить. Ты не поймешь. Такие кружочки светлые. На них все менять можно: мех, соль, бронзу, оружие, много одежды всякой.

— Человеку нужны только две одежды: одна промокнет — другую надеть можно. Зачем третья? Разве пойдешь на охоту в двух, трех, четырех штанах и куртках? — И Вел, рассмеявшись, хлопнул Крисса по плечу: — Ладно! Идите в лес, стройте

себе хоть пять отдельных жилищ. Кто вам мешает? Пусть Геда пять одежд тебе сошьет, Крисс. Ходи в них, если так хочется!

И Вел, очень довольный своей шуткой, неторопливо, как подобает опытному охотнику, владельцу копья с бронзовым наконечником, зашагал к жилищу.

ВЕСЕННИЕ КОСТРЫ

Третий день плывут лодки по родной, с детства знакомой реке. Весло само раз за разом опускается в воду, толкает лодку вперед. Камень ли под берегом воду пенит, или мель песчаную нанесло, или коряга торчит — все видит Вел, вовремя лодку как надо поворачивает. Глаза свое дело делают, руки — свое. А мыслям нечего делать. Вот они и плутают, как отбившийся от стада лосенок. То вперед, на Торжище забегут, то назад в родовое жилище вернутся. Правильно Колдун предсказал: вот она, лодка с тюками мехов, а в ней Бал с Велом. Все верно! И бронзовый наконечник для копья ему, Велу, достался. Вот оно, новое прочное копье, вдоль борта лодки лежит. Не каждый из охотников такое имеет. Во всем роду только шесть таких наконечников. И четыре ножа бронзовых. Самый длинный — у Раба... Тьфу, у Крисса. Зачем было имя менять? Сменил имя и сам стал другим. Отдельный шалаш построил. Разве лучше жить в шалаше? И амулет для выбивания огня не хотел ему дать... Трудно понять Крисса. Он теперь как брат Велу, в род принят. Все у них общее. А он амулет давать не хотел! Неужели не понимает, что в походе он нужнее, чем дома? И соль... Разве можно так: себе все, а другим ничего? Может быть, не понял он Крисса? Наверно, не понял.

А на реке хорошо как! По обоим берегам сосны стоят, в воду смотрятся с обрывов крутых. Хвоей и смолой пахнет. И солнце светит вовсю, землю и воду в реке после зимних холодов отогреть спешит. Не только людям, каждому зверю, каждой птице, каждому дереву радостно: лето пришло! Вон выдра в воду

нырнула, а там, в устье маленькой речки, бобры плавают. Много их развелось, осенью надо ловушки сюда принести, поставить. Вон лоси к водопою пришли. Стоят смотрят, не убегают.

Бал, сидевший на носу лодки, поднял весло, рыкнул, завыл по-волчьи. Лосиха с теленком в лес кинулась, а самец не сробел, только из воды на сухое место вышел, где биться удобнее.

Дальше и дальше лодки плывут, оставляя за собой речные излучины да сосновые гривы на крутых берегах. Вел уперся ногой в упругую поперечину на дне лодки, крепче стал налегать на короткое, прочное весло. Бал, выгнув широкую спину, тоже наддал. Долбленая лодка рванулась вперед. Вода зажурчала, заговорила под бортами и днищем. «Ха!», «ха!», «ха!» — дружно, враз выдыхали парни при каждом гребке. Вторая лодка сразу отстала. Сидевший в ней Выг тоже начал грести со всей силы, да куда там! Старый Выдра как греб, так и продолжал грести потихоньку. Разве догнать им Вела и Бала!

А время уже к полудню. Солнце печет. Вел скинул с плеч легкую, сшитую матерью кожаную рубашку. Пусть ветерком обдувает. Посмотрел на лодку Выдры и удивился: гребли, гребли они с Балом, а та лодка все еще здесь, почти и не отстала. Хитрый старик Выдра — путь держит вдоль самого берега, где течение тише, на струю не лезет, как они с Балом.

И опять плывут мимо обрывистые берега с непролазным лесом, песчаные косы на поворотах, заросли ивняка. Утки взлетают, очумело носятся над водой. Рыба плещется у самых бортов. Жарко. Пот течет по спине. Надел Вел рубашку. Нельзя голое тело подолгу солнцу показывать — кожа сгорит, пузырями пойдет.

В полдень пристали у песчаной косы. Пожевав вяленой рыбы и запив ее прохладной чистой водой из реки, улеглись отдыхать на теплом сухом песке. Тело приятно ныло после долгой работы с веслом. Хорошо! Что может в жизни быть лучше вот такого ясного дня и простора?

— От этого места,— сказал Выдра,— дальше вверх по реке угодья рода Ичи пойдут. Зверя какого увидите — не бейте. Соседей нельзя обижать.

— Да знаем,— лениво протянул Бал.— Сколько раз нам про это говорили.

— А ты слушай! — рассердился старик.— Тебя не худому учат. Может, сам в род Ичи уйдешь, в этих местах охотиться станешь.

— А что? — усмехнулся Вел.— Заворожит нашего Бала какая-нибудь ичиха, вот и останется Бал у нее.

— Как бы тебя самого не заворожили! — рассмеялся Бал.— Забыл, как в прошлую весну ичи к нам приходили костры жечь? Ну-ка вспомни, с кем ты через огонь прыгал?

— А ты не прыгал?

— Ну, та из другого рода была. Не Ичи.

— А ведь мы от самого праздника уезжаем...— вздохнул молчаливый Выг. И получилось это у него так грустно, что все рассмеялись.

— Опять Выг без жены останется!

— Что же ты согласился на Торжище ехать? Сидел бы дома.

— Ничего. На Торжище еще лучше жену найдешь. Из чужих земель, узкоглазую! — тоненько рассмеялся Выдра.

— А ты, старший, видел тех узкоглазых людей, что в безлесых местах живут? — спросил Вел.

— Видеть не видел, а слышать приходилось. На Торжище чего не услышишь.

— Крисс говорил, что в тех местах люди на спинах зверей ездят. На лосей те звери похожи, только без рогов. Слыхал ты про это?

— Нет, не слыхал. Но раз человек говорит, значит, правда.

— Лось, он рогами со спины сбросит. А если рогов нет, почему не поехать? — раздумчиво произнес Бал.— Я бы поехал.

— Ну, молодые, пора дальше плыть. А то мы и к зиме до ваших ичей не доберемся,— заключил Выдра и первым маленькими стариковскими шажками засеменил к лодкам.

Еще через два дня стала заметна близость человеческого жилья: все чаще встречались ободранные на лыко деревья, порубки. Вот и дымом пахнуло. Еще поворот, и путники увидели такое же, как у них в роду, врытое в землю жилище с дерновой

крышей, родовой столб на пригорке, белоствольную березовую рощу.

Их уже ждали. На берегу толпились люди. Высокий, с окладистой бородой охотник в приветствии поднял руку. Встав в лодке, Выдра ответил тем же. Два рода одного племени, да еще соседи, все равно что два брата. Приехавшие сошли на берег. Выдра и старший охотник из рода Ичи — Дрок обняли друг друга. Вел, Бал и Выг переминались с ноги на ногу, не зная, как быть. Но смущение продолжалось не долго. Местные парни вытащили на берег тяжело нагруженные лодки гостей, первыми подошли к молодым чагам. Женщины поднесли каждому по куску холодного вареного мяса со щепоткой соли.

— Хоть соль у нас в роду на исходе, а для гостей всегда есть,— певуче сказала статная, чем-то похожая на мать Вела женщина.

— Благодарим за еду и за соль вашу! — ответил Выдра.— Пусть чаги и ичи всегда в мире живут!

— Праздник у нас сегодня,— сказала женщина.— Как стемнеет, костры жечь начнем. Приходите!

Вечером в березовой Священной роще запылали большие праздничные костры. Прежде чем войти в рощу, Вел, Бал, и Выг положили у крайнего дерева свои ножи, топоры, копья. Входить в Священные рощи с оружием не полагалось. Даже камень с собой нельзя взять. Случись с кем померяться силой — бейся просто так, без оружия.

Девушки и женщины принесли к кострам деревянные доски и корытца с жареным и вареным мясом кабанов, оленей, лосей, с утками, тетеревами и рыбой. Поставили на траву глиняные горшки с хмельным медом, настоянным на травах и ягодах. Первую чашу налили Выдре, как старшему из гостей. Он выпил и передал ее рядом сидевшему Дроку. От него чаша перешла к Велу, и так по всему кругу. Сидевшие у другого костра женщины тоже пустили по кругу свою чашу, поменьше. Не успели еще костры прогореть и до половины, как чинного порядка вокруг них уже не стало. Все смешались, переходя от костра к костру, все старались перекричать соседа, спорили, смеялись,

тащили с досок и из горшков куски повкуснее. Роща наполнилась хохотом и громкими выкриками.

В стороне от общих костров девушки разожгли еще один, с визгом стали прыгать через него. Парни вломились в девичий круг, разорвали его, расширили. Закружился хоровод вокруг костра. Один за другим кто-нибудь выскакивал из него, птицей проносился над костром и снова включался в круг пляшущих. Все выше взвивалось пламя костра, все меньше находилось желающих прыгать через него.

Бал и Выг давно уже кружились вместе со всеми у молодежного костра, а Вел все еще сидел среди старших. Приятно было чувствовать себя взрослым, сидеть рядом с этими бесстрашными бородатыми охотниками, слушать их мужской разговор, ждать — вдруг случится и самому сказать умное слово. Кто-то потянул его за рукав. Вел досадливо повел плечом. Дернули снова. Вел обернулся. Два больших лукавых глаза, отражая свет костра, смотрели на него из-под копны русых сбившихся волос. Девушка отскочила в темноту. Но не настолько быстро, чтобы Вел не узнал ее. Это была Веса, та самая, с которой Вел прыгал через костер прошлой весной. Тогда она убежала, спряталась от него. Теперь снова вздумала посмеяться? Не выйдет! Он поднялся, не спеша, как и подобает взрослому охотнику, пошел к хороводу. Через костер только что перепрыгнул высокий, могучий ичи с короткой курчавой бородкой. Это был один из лучших охотников, много раз в одиночку побеждавший медведей. Каждую весну он принимал участие в играх, выше всех прыгал через костер, дольше всех плясал, быстрее всех бегал. Вот и сейчас он подбросил новую охапку сучьев в огонь и задорно крикнул:

— Кто здесь смелый? Или опять мне прыгать придется?

Вел не раздумывая метнулся к костру, не закрывая лица руками, перелетел через пламя, только волосы на голове затрещали. Поляна огласилась восторженными криками. Теперь уже Вел имел право подбросить в костер охапку сучьев. Он набрал их столько, сколько сумел обхватить руками. И сразу всю ношу вывалил на костер. Пламя затихло, потом взвилось чуть не до

самых вершин деревьев. Все примолкли. Ждали, что будет. Бородатый ичи сбегал к реке, окунулся, чтобы одежду смочить, потом, пригнув голову, как разъяренный бык метнулся в огонь. Проскочил! Согнувшись пошел от костра, гася руками опаленную бороду.

Вновь настала очередь Вела. Он ждал, пока соперник добавит в костер хвороста. «Хоть сгорю, а не уступлю бородатому!» — решил он и тоже побежал к реке намочить одежду. На пологом спуске в кустах кто-то дотронулся до его руки. Распущенные волосы хлестнули по лицу. Вел попытался схватить девушку, но она увернулась, со смехом умчалась к костру.

Рассыпавшийся было хоровод тем временем снова возобновил пляску. Взявшись за руки, парни и девушки кружились вокруг костра. Все быстрее семенили по зеленой траве босые девичьи ноги, все задорнее топали кожаницы молодых охотников. Громче и громче крики, выше и выше прыжки теней на освещенных пламенем кронах деревьев. Нет конца неистовой удали, не разрывается хоровод, никто не хочет признать себя побежденным.

Но вот с четырех сторон сквозь цепочку танцующих метнулись к костру сгорбленные тени четырех старух. Плеснули в костер водой из четырех кувшинов. Пар и дым взвились к звездам. В наступившей темноте хоровод мгновенно распался, девушки с визгом бросились врассыпную, парни — за ними. Ночь раскололась криком и хохотом. И вот уже стих топот ног, тьма поглотила убегающих и их преследователей. Около догоравших костров остались лишь старики и старухи, да ребячьи глазенки удивленно таращились из-под вороха шкур.

Помня прошлогоднюю неудачу, Вел мчался во весь дух за мелькавшей среди белых берез белой одеждой Весы. Вот она уже совсем рядом, стоит только протянуть руку. Но что-то тяжело ударило сбоку, швырнуло Вела на землю.

— Пошел прочь, щенок!

Бородатый ичи, толкнув еще раз вскочившего на ноги Вела, пустился вслед за беглянкой. Глубоко укоренившееся с детства

почитание старших пригвоздило Вела к месту. Ему ли соперничать с этим могучим охотником?

— Ве-ел... А-у!

Веса звала его. Его, Вела, а не этого ичи! Стыд и злость толкнули его вперед. Он бросился прямо на голос. И снова встретился с бородатым.

— Ты еще здесь? — хрипло выдохнул тот и размахнулся, чтобы одним ударом свалить непочтительного мальчишку. Но Вел мгновенно пригнулся и сам ударил точно и быстро в скулу, чуть ниже уха. Бородатый рухнул на землю. Этого Вел не ожидал. Он стоял, растерявшись, и смотрел на большое, беспомощно распростертое тело противника. Он наклонился к нему, но тут же получил такой удар в живот, что в глазах потемнело. Рот напрасно хватал воздух, ноги стали чужими и мягкими. А бородатый уже вскочил, сгреб Вела своими ручищами. И вот они оба стоят, вцепившись друг в друга, мнут землю ногами, дрожат от натуги.

Вел отдышался. Холодная злость прояснила мысли. Да, это была уже не игра, не дурашливая борьба с одногодками. Даже про Весу забыл Вел. Опытный ичи неожиданно качнул его в одну сторону и тут же рванул в другую. Но Вел устоял и только крепче обхватил руками противника. Он вдруг с удивлением почувствовал, что сильнее ичи, ощутил это пальцами рук, мышцами плеч, спины, ног. Снова и снова бородатый охотник пытался сбить его то подножкой, то неожиданным рывком. Но руки Вела уже сцепились в прочный замок на спине противника. Да, он сильнее! И сам ичи понимал теперь это, но все еще продолжал яростно рваться из рук «мальчишки». Выставив одну ногу вперед, Вел приподнял противника и, крякнув, швырнул его боком, через бедро, на землю. Тот медленно, с трудом поднялся, пошатываясь пошел к мерцавшим вдали огонькам затушенных костров.

«Зря я его так о землю ударил,— с сожалением подумал Вел.— Может, кости ему сломал? А Веса все равно убежала. Сидит себе, наверно, в жилище да смеется над нами».

Хрустнула веточка под ногой. Или еще кто хочет силой по-

мериться с Велом? Он обернулся. Среди белых стволов берез, с белым венком из ромашек на голове, медленно шла к нему Веса...

Три дня плыли по реке венки из полевых цветов. Три ночи горели костры, отражаясь в темной воде. Старый Выдра, как ни был строг, ничего не мог сделать с разгулявшейся молодежью. «Ничего, еще успеем на Торжище,— успокаивал он сам себя.— Вода спала. Легче плыть будет. А в верховьях, где мелко, парни волоком лодки протащат». Пили и ели до тех пор, пока праздничные запасы у ичей не кончились. Тогда женщины рода и своих путников торопить начали:

— Хватит гулять! Ехать пора. Верхние роды, наверно, уже всю соль у урсулов на меха выменяли. Опять нам ничего не останется.

Собрались. Уложили в лодки кожаные мешки с мехами, взяли с собой вяленой рыбы, мяса сушеного. В дороге охотиться некогда. А плыть еще много дней. Намахаются парни веслами.

Прощаясь, Веса при всех подошла, обняла Вела:

— Возвращайся скорей, ждать буду!

Сели в лодки. Оттолкнулись от берега. Вот и все. Поплыли. Позади осталось большое жилище ичей. Опять медленно проходят берега мимо лодок, плещется рыба у самых бортов, звери убегают, завидев людей. Снова руки гребут, глаза вперед смотрят, а мысли назад бегут. Теперь уже только к одной, к Весе. Будто во сне пролетели дни эти. В ушах до сих пор голос звучит: «Пойдешь в наш род жить?» Легко сказать — в другой род идти. Разве родное жилище из сердца выкинешь? Но другие-то ведь уходят... И места тут ничуть не хуже. Только река не такая широкая. А зверя и птицы так же много, как и у них, в низовьях.

Вел еще раз, уже по-новому, как хозяин, огляделся вокруг. Вон ручей в реку впадает, совсем как у пещеры, где Колдун живет. Плохо в воду смотрел Колдун! Не угадал, что Вел в другой род уйдет. Не всегда, значит, и он правду угадывает. Вел засмеялся.

— Ты что? — обернулся Бал.

— Да так. Колдуна вспомнил.

— А я ничего, кроме праздника, вспоминать не хочу. Хорошо погуляли!

— То-то у тебя под глазом синяк с кулак. Кто подарил? Сказал бы!

— А кто знает... Парень какой-то. Темно было.

— Может, не парень, девушка?

— Тебе хорошо: Веса сама на шею кидается.

— А тебе побегать пришлось? — рассмеялся Вел.— Не за той, значит, погнался. Вот тебе и влепили.

— Не за той... Да разве сразу узнаешь, за какой нужно?

— Может, вместе в род Ичей пойдем?

— Нет, я еще подожду. А ты иди. Народ здесь веселый!

Хорошо, когда рядом с тобой верный друг. И поговорить можно с ним, и, случись что, не бросит, в огонь и в воду за товарищем кинется. Бал — он такой. Медлителен, да надежен.

ТОРЖИЩЕ

Река стала совсем узкой. Плывя посередине, они могли дотянуться веслами до берегов, Вел с одной стороны, Бал — с другой. Лес далеко ушел от реки. На топких берегах росли теперь только низкие сосенки, да у самой воды — кустики ивы. Душно пахло болотными травами. Весло путалось в тонких, как сыромятные ремешки, стеблях кувшинок. Круглые их листья мешали грести. Вел и Бал толкались веслами, упираясь в заросшее корневищами дно. На одном из поворотов Выдра, протянув вперед руку, крикнул с передней лодки:

— Вот оно, Торжище!

— Чего-о? Этот бугор? — разочарованно протянул Бал.

— Он самый. На нем столб врыт. Видишь? Вокруг столба и собираются люди мену вершить. А дыма не видно. Не пришли еще, значит, урсулы.

Пока на бугор смотрели, задние лодки к ним подошли. Десять лодок из десяти родов в одну кучу сгрудились. От комаров и мошек житья не стало.

— Чего встали? Плыть надо, а не рты разевать!

— Это Выг комаров ртом ловит. Не мешай!

— До места рукой подать. Двигай...

Тронулись дальше. Река то в одну сторону повернет, то в другую. Зачем она так петляет? Шла бы себе прямо к бугру. Так нет, опять в сторону повернула. Был бугор впереди, а теперь сзади остался. Выходит, реки тоже свой след путают, не дают сразу к нужному месту пройти?

Долго так плыли, петляя среди мхов и кустарников. Вспугнутые с гнезд утки, гуси и болотные кулики чертили небо, проносились над самыми головами. Наконец передний челн уткнулся носом в заросший осокой берег. Узкая тропинка вела к холму со столбом на вершине. Взвалив на спины мешки с мехами, охотники направились туда. На бугре захрустел под ногами сухой белый мох и низкорослый брусничник. Не обращая внимания на людей, краснобровые тетерева гонялись друг за другом по ягоднику. Мешки сложили недалеко от столба, по одну его сторону. С другой стороны — место урсулов. Старый Выдра никому не дал отдыхать: одних отправил за дровами, других — на охоту.

— Мы пришли первыми, нам и гостей принимать. Много дров надо принести, много мяса добыть.

Всю ночь жгли костер, ждали урсулов. Жарили куски оленины на ивовых прутьях, ели, хоть и сыты были, от нечего делать. Хорошо летом, когда дичи полно. Вот и ешь вволю, чтобы голодной зимой было что вспоминать.

На другой день пришлось опять за дровами идти. И еще день и ночь у столба просидели. Урсулов все не было. Еще одного оленя в лесу добыли. Животы у всех, как у сытых волков, раздулись, а все то один, то другой охотник, кряхтя, поднимался, шел к туше, отрезал кусок мякоти пожирней и, нанизав его на ивовый прут, возвращался к костру.

Капает жир на угли, синеньким огоньком горит, пахнет вкусно. Глядишь, и другой охотник поднялся, тоже к туше оленя пошел кусок полакомей выбрать. Один только Выдра вместо жареного мяса вареное ел. Для того с собой и горшок глиняный

привез. Хороший горшок, звонкий. На огне держать можно. В нем он рыбу и мясо варил, добавляя к ним кореньев и ягод.

— Жареное мясо в животе комом лежит,— объяснял он.— А жиденького поешь, и хорошо станет. Вам, молодым, все равно. А вот проживете столько зим, сколько я прожил, узнаете...

День ото дня старика все больше беспокоило, что не шли и не шли урсулы.

— Утки уже крепко в гнездах сидят,— размышлял он,— комары в силу вошли, кувшинки на реке распустились. А урсулов все нет и нет. В прошлые годы они всегда первыми приезжали.

Еще день прошел. Молодым охотникам надоело без дела сидеть, ворчать стали:

— Надо навстречу урсулам идти. Может, случилось что, помощь нужна? Что мы тут зря комаров кормим!

Кто постарше был, уговаривали еще подождать. На землю урсулов нельзя идти. Так уж издавна повелось. Урсулы на землю венов не ходят, и вены на их земле никогда не бывали.

— Потому и живем мирно, не ссоримся. Закон этот нельзя нарушать. Увидят они наши лодки, испугаются, засаду устроят. А прятаться они хорошо умеют. Пустят стрелу из кустов — и поминай как звали. Стрелы хоть и короче наших, зато почти все с бронзовыми наконечниками. Насквозь сохатого пробивают.

— Тогда один челн послать надо, а не всем плыть,— не унималась молодежь.— Одного челна не испугаются, с миром встретят.

Из молодых больше всех Вел спорил. Уж очень ему хотелось землю урсулов поглядеть. Да и предсказание Колдуна помнил. Чуть даже не сказал о нем, но одумался. Не велел Колдун о том говорить.

Еще день прошел. Совсем затомились охотники. Сидят, в огонь молча смотрят. Покачал головой старый Выдра:

— Дождались... Вместо урсулов Тоска-Печаль к нам пришла.

— Какая Печаль? — вяло спросил длинный Выг.

— Черная. Что людей мучает.

— Расскажи! — сгрудились вокруг старика молодые охотники.

— Ну, слушайте.

Выдра уселся поудобнее, подождал, когда все утихли, и начал:

— Давно это было. Люди, звери и птицы тогда на общем для всех языке говорили. Жила в то время одна женщина. И потерялись у нее дети, пошли в лес и не вернулись. Побежала она их искать. Пришла к белкам. «Не видели, спрашивает, детей моих?» — «Не видели»,— отвечают белки. Пришла к лисицам: «Не видели детей?» — «Нет, отвечают, не видели». Запрокинула голову женщина, стала у птиц спрашивать. «Нет,— отвечают птицы,— не видели мы детей твоих». Прибежала она к людям: «Не видели, куда мои дети делись?» — «Видели, отвечают, вон на то болото пошли». А сами смеются ей вслед. Обманули ее... Вот с тех пор и ходит женщина эта по лесам да болотам, детей своих ищет. От горя лицом почернела, высохла так, что невидимой стала. Говорить разучилась. Поняла, что обманули ее люди, мстить им стала. Птиц и зверей не трогает, а как увидит костер и одинокого охотника, подкрадется неслышно и мучить начнет, сердце рукой своей высохшей из груди вырывать... Вот так-то!— заключил старик свой рассказ и крикнул весело: — А ну, кто к чужой реке сбегать хочет? Поглядим, нет ли следов каких там.

Молодежь тотчас на ноги вскочила, оживились все, про Печаль-Тоску позабыли. Каждый за топор или копье ухватился.

— Оружие с собой не берите! — строго сказал Выдра.

От холма к лесу урсулов вела такая же, выстланная жердями тропинка. Да и лес оказался такой же, как у венов. И деревья такие же, и трава, и птицы. На стволах елей видны затески. С пути не собьешься! Вот и река урсулов. Такая же узенькая, только не по моховому болоту, а среди леса течет. Поперек реки деревья упавшие. Не так давно ветровал был: хвоя еще свежая. Нет, не проезжали урсулы, не было их здесь.

Вернулись вены на свою землю, к холму. Еще три дня и три ночи ждали гостей. Решили назавтра с зарей назад плыть.

— Вы как хотите, а я домой без соли не вернусь! — реши-

тельно сказал Вел.— Женщины нас засмеют. Да и как весь год жить без соли?

Долго молчали старшие охотники. Долго думали. Выдра наконец сказал:

— Да, плохо жить без соли. Но можно. Лучше бы ты не ходил в землю урсулов, Вел. Не по обычаю это... Но никто не может принуждать человека. Каждый волен делать что хочет, лишь бы это не принесло вреда роду и племени. Иди, если хочешь. Но не ссорь нас с урсулами! Иначе племя жестоко накажет тебя.

— Я не буду драться с урсулами. Я иду к ним, чтобы обменять на соль наши меха. Я иду! А ты, Бал, пойдешь со мной?

— «Топор и копье всегда должны быть вместе!» Или ты забыл этот закон охоты, Вел? — хитро подмигнув, ответил тот.

Прежде чем отправиться в обратный путь, охотники перетащили лодку Вела и Бала к реке урсулов, помогли расчистить лесной завал. Выдра, прощаясь, подарил Балу свой любимый горшок для варки пищи.

— Возьми. Жидкая пища не ложится комом в желудке... Ну, плывите! Мы с Выгом еще пять дней вас тут подождем. Может, вернетесь.

— Нет,— твердо сказал Вел.— Если вернемся, то только с урсулами. А не встретим их, поплывем дальше, до тех мест, где соли много. Без нее назад не поедем.

Вел оттолкнулся веслом от берега, и лодку медленно понесло течением. Оба молодых охотника подняли руки, прощаясь, потом сели на свои места: Бал на носу, Вел на корме лодки. Два весла неслышно вошли в воду, лодка тихо поплыла по темной, укрытой деревьями речке урсулов.

Плыть вниз по реке не то, что против течения. Вода сама несет лодку. Сиди себе да правь веслом, чтобы на корягу не наскочить. Хорошо, легко плыть. А на сердце легкости нет. Чужая река, незнакомая. На каждом повороте опасность подстерегает. Может, из-за кустов чужие глаза за тобой следят, может, кто-то уже тетиву лука натягивает... Ухо тревожно ловит каждый шорох в лесу. Но тихо вокруг. Птицы с ветки на ветку перепар-

хивают спокойно, лоси на водопой пришли. Значит, нет близко людей. А все-таки тревожно, боязно плыть по чужой реке. Без единого всплеска опускаются в воду весла, как тень скользит легкая лодка под нависшими сверху деревьями. Молчат Вел и Бал, только глазами каждый кустик обшаривают.

На обед не останавливались, плыли до тех пор, пока солнечный свет не погас на вершинах деревьев. Река урсулов к тому времени много шире стала. Самое высокое дерево через нее уже не перебросишь. Лес поредел. Меж сосновых стволов далеко видно. Вел вздохнул облегченно: засаду тут не устроишь.

На ночь остановились, затащив лодку в устье маленького ручейка. Прикрыли ее ветками, сами на берег вышли, подальше от лодки легли. А вокруг сучьев сухих набросали, чтобы слышно было, если ночью подкрадываться кто станет. Спали сторожко, вполглаза. А чуть рассвело, опять дальше поплыли. И все время молча, крадучись, как передовые воины перед встречей с врагом.

— Нельзя нам так плыть! — первым нарушил молчание Вел.— Увидят нас урсулы, решат, что не с добрыми мыслями мы плывем. Открыто плыть надо, не таясь. Пусть видят все, что без злого умысла Бал с Велом в чужую землю пришли.

Бал словно только и ждал этого, распрямил спину, свистнул громко, раскатисто. Из густой травы на берегу подскочил заяц, прижав уши, ошалело кинулся к лесу.

— Ух ты! Ух! — завопил Бал и еще громче, сунув в рот пальцы, свистнул вдогонку.

На другом берегу реки шарахнулись из кустов косули, только белые хвостики замелькали. Много дичи в лесу урсулов! Не меньше, чем в родных для Вела и Бала местах.

К вечеру третьего дня на небо наползли тучи. Дух грома сердито вдали заворчал. Но Вел с Балом не спешили приставать к берегу: знали — до ночи дождя не будет, мошки и комары не зря роем вьются. Плыли теперь открыто, быстро, по самой середине реки. А она становилась все шире. Лес то подходил к берегам, то отступал от воды, давая место лугам с высокой сочной травой. На лугах паслись стада круторогих косматых туров.

Только что народившиеся телята таращили бессмысленные глаза на проплывавшую лодку.

На пятый день впереди большая вода открылась. Парни пристали к берегу, влезли на покрытый редкими соснами холм, огляделись вокруг. Нет, не в озеро впадала река, по которой плыли, а в другую, большую реку. С холма далеко видно, но ни одного дымка в далеких лесах.

Решили здесь, на холме, ночь провести. Натаскали сухих сучьев, с помощью Криссового амулета добыли огонь, большой костер развели. Может, урсулы, издалека увидя, придут?

Сели ужинать вяленым мясом. Елось плохо. Беспокойные мысли одолевали. Почему урсулов нигде не видно? Куда дальше плыть: вверх или вниз по новой реке? Да и плыть ли? Все здесь чужое, молчаливо настороженное, неприютное. Хмурые тучи солнце закрыли. Урчит, сердится Дух неба, огненные стрелы в землю бросает, камни с небесных гор — облаков — вниз сыплет. Не видно их, а слышно хорошо. Вон как грохочут... Не зря сердится Дух неба: почему вены в землю урсулов без спроса пришли? А у кого спросить разрешения, если нет урсулов нигде!

Вел вытащил из чехла свой крепкий, сделанный из ясеня лук, потрогал пальцами тетиву. Она отозвалась глухим, печальным голосом. Вел вздохнул, задумался, потом снова дернул тетиву пальцами и тихо, словно прислушиваясь к рождавшимся внутри его словам, запел:

Что-то вроде ослабела
моего лука тетива.
Раньше звонко она пела,
а теперь уже не та...

Он снова сильно дернул тетиву, склонив голову, прислушался к медленно угасающему дребезжащему звуку и, распрямив плечи, запел во весь голос:

Чую сердцем, что подкралась
к нам злосчастная Тоска.
Видно, по лесу шатаясь,
на костер наш набрела.

Птицы сразу замолчали,
цветы сникли на лугах.
Чтоб не видеть злой Печали,
солнце скрылось в облаках.

Я не знаю, что нам делать,
злую как прогнать Тоску...

Вел замолчал, придумывая, какие бы еще слова вставить в песню, чтобы так же складно было, но Бал прервал его:

— Хватит, Вел... От такой песни Тоска только злее становится. Сердце у меня из груди вырвать хочет. Не так ее прогонять надо!

Бал схватил пылающую головню и, крутя ею, принялся бешено скакать и прыгать вокруг костра.

— Пошла прочь! Пошла! — выкрикивал он, сея вокруг себя искры и яростно топча землю. Бросив головню, он то приседал низко, выбрасывая вперед ноги в кожаных крепких поршнях, то подскакивал высоко, хлопая себя по толстым подошвам. Постепенно неистовые прыжки Бала стали приобретать ритм, превращаясь в лихую, разудалую пляску.

— Ух ты! Ух ты! — выкрикивал он, все более распаляясь.

Положив лук, Вел тоже вскочил. И вот уже оба они закружились вокруг костра, вскидывая ноги и размахивая руками.

Увлеченные пляской, ни Вел, ни Бал не видели, что к костру их все ближе и ближе подползали вооруженные копьями воины в широких кожаных накидках.

БОЛЬШАЯ РЕКА

Дома огонь — друг и защитник, в походе — врагу помощник. Тебя у костра хорошо видно, а сам ты — как слепой и глухой. Трещит, шипит огонь, поедая сучья, шаги врагов не дает услышать. Дым глаза ест, ноздри запахом своим забивает, врагов не дает учуять. Плохо с огнем на чужой земле.

И все-таки уловили, почуяли Вел с Балом запах дубленой

кожи, запах чужих людей. Сразу остановились. Вел поднял вверх руку, крикнул в темноту ясным и зычным голосом:

— Люди! Опустите ваши луки. Нас только двое. Мы пришли к вам не для войны!

Ночь настороженно молчала. Но Вел знал, что неизвестные люди рядом, что они со всех сторон окружили костер, рассматривают его и Бала. Внезапно, как из-под земли, поднялись, встали, вышли на свет воины в кожаных длинных накидках. Со всех сторон нацелились на Вела и Бала острые копья. Пламя костра отсвечивало на бронзовых наконечниках. Предводитель вышел вперед. По его знаку воины подняли копья остриями вверх, встали молчаливым тесным кольцом вокруг Вела и Бала.

— Я, Гул, военный предводитель рода Сык, рода Руг и рода Чуп, великого и могучего племени урсулов, спрашиваю: зачем пришли два молодых охотника венов на нашу землю?

— Великое и могучее племя венов, живущее вдоль реки и у озера, послало нас узнать: почему урсулы на Торжище не пришли? — ответил Вел.

Опустили головы Гул и его воины. Опершись на копья, молча смотрели в землю. Несчастье пришло в их племя, поняли Вел и Бал. Большое несчастье. Так молчат люди, думающие о близких, раньше времени к предкам ушедших.

— Сядем,— сказал Гул. И все, кто был тут, сели вокруг костра.— Кого из старших в племени вашем можете вы назвать? — спросил Гул, строго вперив глаза в Вела и Бала.

— Вот имена их,— ответил Вел.— Лось... Тур... Дрок... Выдра...

— Выдра? Живой он? Трижды мы с ним на торговом холме встречались. Знаю его. И Дрока тоже знаю.

— Мы с Выдрой из одного рода! — с гордостью вставил Бал, радуясь, что и он принимает участие в таком важном разговоре.

— Хорошо. Верю теперь, что не вражеские вы лазутчики, надевшие одежду венов. Урсулы и вены всегда в мире жили. Один язык у наших племен. Будем и дальше так жить! А что на Торжище не приехали, в этом вины нашей нет. Не с чем нам ехать. Ни соли, ни бронзы у нас больше нет.

Давно уже Бал прикорнул в тепле, на тюках с мехами, а воины урсулов разбрелись кто куда, устроившись на ночь, но Гул с Велом все говорили и говорили. Многое узнал в ту ночь Вел от старого воина. И чем больше слушал, тем шире глаза открывал.

— Река, которая впереди видна, Большой у нас называется,— ровным, спокойным голосом говорил Гул, и загорелое, изрезанное морщинами и шрамами лицо его словно светлее и мягче стало.— Шире и длиннее ее рек нет! Сначала она навстречу восходящему солнцу течет, потом на полдень поворачивает. Разные племена там живут. Ближе всех — изы. Нашего языка они не понимают. Глаза у них узкие, а волосы черные. Они-то и привозят нам соль. А где добывают ее — не говорят. Там, где они живут, леса нет и пушного зверя нет. Зато соли много. Меняют изы соль на меха. А мы, урсулы, не только для себя соль берем, но и для вас, венов, выменяваем. Своих мехов у нас меньше, чем у вас, в обширных лесах живущих...

А куда дальше Большая река течет, он, Гул, не знает. Сам в тех местах никогда не бывал, своими глазами не видел. Изы же говорят, что дальше на полдень она среди песков протекает и что земля там такая горячая, что птичьи яйца в ней, как в золе, можно печь. Край земли там. Потому и не растут ни травы, ни деревья в тех местах. Только песок один и озера с теплой, соленой водой. И живут там люди с головами волчьими. Злые очень. Соли никому не дают. Только им, изам, брать позволяют. А другим людям туда хода нет. Так изы рассказывают.

— А правда, что в тех землях, где лес не растет, а одна трава только, есть люди, которые на безрогих лосях ездят?

— Правда. Только не лоси это, а кони. Так они называются. Бегают быстрее оленя. На спину им те люди садятся и ездят. Много таких людей. Они-то и напали на нас. Налетели как туча, жилища наши пожгли, посевы повытоптали, много родичей наших убили и с собой увели. Бились мы с ними, но одолеть не могли. Ушли сюда, где леса глухие, родовые очаги свои бросили. И изов тоже разбили конные люди. Раньше, чем нас...

«Как же быть? — думал Вел, жалея урсулов.— Неужели до-

мой без соли возвращаться? И кто мог думать, что у соли путь такой длинный? От людей с волчьими головами к изам, от изов к урсулам, от урсулов к венам. Вот какой путь! Разве одолеть его нам?»

— Скажи, Гул, если доедем мы до людей, что изами себя называют, дадут они нам соли взамен мехов?

— Изы вас, венов, не знают. Они с нами, урсулами, привыкли мену вести. Убьют они вас. Или, отобрав меха, назад прогонят. Да и мало изов осталось. Обратно вам плыть надо!

— А если мимо изов тайком до тех мест по Большой реке плыть, где соль добывают? — не унимался Вел.

— Далеко это. Очень далеко. Поймают вас изы или конные люди. Даже мы, урсулы, в те земли не плавали. Пропадете там. Назад возвращайтесь.

— А как же роду нашему? Опять зиму без соли быть? Нет, мы с Балом поплывем дальше.

— Как знаешь. Я все сказал. Спать надо...

Утром воины урсулов отправились назад, к укрывшимся в лесах остаткам родов своих. Перед тем как попрощаться, Гул достал круглый лоскут кожи с вырезанными на нем в виде узора дырками.

— Возьми! Это наш родовой знак. Если люди нашего племени встретятся, покажи им — как друзей примут. Может, и изы этот знак вспомнят, помогут.

Вел посмотрел на лоскут, тщательно привязал его к своему ожерелью из медвежьих и волчьих клыков.

— Мы идем!

— Пусть всегда при вас будут добрые Духи! Плывите ночью, днем лодку прячьте, костров не жгите. Помните: за землей урсулов друзей не встретите. Будьте осторожны, как волки, хитры, как лисы, зорки, как ястребы!

— Хорошо, Гул. Мы не забудем твоих слов. Если встретите людей нашего племени, расскажите про нас с Балом.

Один за другим молчаливые воины урсулов спустились с холма. Последним шел Гул. У самого леса он обернулся, поднял на прощание руку и тоже исчез за деревьями. Бал и Вел снова

остались одни. Снова стала подкрадываться к их опустевшей стоянке Тоска-Печаль. Но утром, когда светит солнце, она немощна и слепа. Трудно ей выследить человека. Особенно если он молод и ходит быстро. А Вел с Балом хоть в гребле, хоть в шаге охотничьем никому не уступят! Быстро собравшись, они сели в лодку, и Малая река вынесла их в Большую.

Да, таких рек они еще не видели... Если с берега стрелу пустить, она и до середины не долетит! Сильное течение подхватило, понесло ставшую совсем маленькой лодку. Но недаром они, вены, с детства к воде приучены. И лодка их сделана знающими людьми. На такой можно не только по Большой реке плыть, но и по их родному озеру. А волны на нем еще выше, чем здесь, бывают.

И все же Большая река поразила парней своей величавой силой. Бросив весла, оба зачарованно смотрели на высокий, по крутым склонам до самой воды заросший лесом берег.

С жалобными криками носились над водой чайки, ловко, не замочив крыльев, выхватывали клювами рыбью мелочь. Вел достал из чехла лук, сбил стрелой одну из них. Ощипав, пустил белый пух по ветру.

— Река, река, Большая река! Хотим быть с тобой в дружбе. Неси нашу лодку так, как несет ветер эти пушинки. Прими от нас дар: птицу и две стрелы,— Вела и Бала. Будь добра к нам, Большая река, как мы добры к тебе!

Вел проткнул полуощипанное тельце чайки двумя стрелами, бросил в воду. Птица медленно начала погружаться в прозрачную синь, долго белела в глубине, потом внезапно исчезла.

— Приняла дар Большая река! Хорошо,— сказал Вел, выпрямляясь,— теперь можно плыть смело.

В полдень миновали одно из разоренных жилищ урсулов. Стояло оно в устье небольшой речки, где берег пониже был. Вел с Балом решили остановиться, сходили на пепелище. Да что там найдешь? Все сожжено. Обгорелые бревна из-под дерна торчат — крыша обрушена. А родовой столб стоит! Хоть и порублен весь, и набок покривился, а не хватило, видно, у захватчиков силы совсем его повалить. Выстоял родовой столб, выстоит и

сам род. Вернутся сюда урсулы, снова жилище построят, новые поля засеют, снова хорошо заживут. Да, большое несчастье постигло племя урсулов. Поля их вытоптаны, ловушки для зверей заброшены, жилища сожжены. Много зим пройдет, прежде чем окрепнут урсулы, опять начнут привозить на Торжище свои товары. Не могут так долго вены ждать. Самим надо за солью плыть!

В одном из углов обрушившегося, сгоревшего жилища Бал черепок глиняный углядел. Стал копать, а это горшок. И не пустой, а с солью! Немного соли, на донышке только, но все-таки очень радостная находка. Когда снова выплыли на середину реки, Вел щедрой рукой половину соли ей отдал. Пусть Большая река и дальше им помогает.

А река день ото дня становилась все шире, просторнее. Все новые реки и речки в нее вливались, все дальше берега ее расходились. На высоком берегу, что по правую руку, лес стоит. А на другом, низком, леса совсем нет, одна трава да отмели песчаные. За ними на просторных лугах большие стада незнакомых зверей пасутся. Всякие звери есть — и крупные, и маленькие. А людей не видно. Даже сожженные жилища урсулов перестали встречаться. Нет никого на Большой реке. Хорошо плыть, спокойно. Вел разулся, сбросил с себя кожаную рубашку с короткими рукавами, снял узкие кожаные штаны. Не качнув лодки, мягким прыжком перемахнул через борт, головой вниз ушел в воду. Вынырнув, забил ладонями по воде, зарычал от радости по-медвежьи. Набрав воздуха, снова нырнул. Бал спокойно ждал, где покажется голова друга. Далеко Вел нырять умеет! А тот вынырнул вдруг у самой лодки, ухватившись за борт рукой, выдохнул:

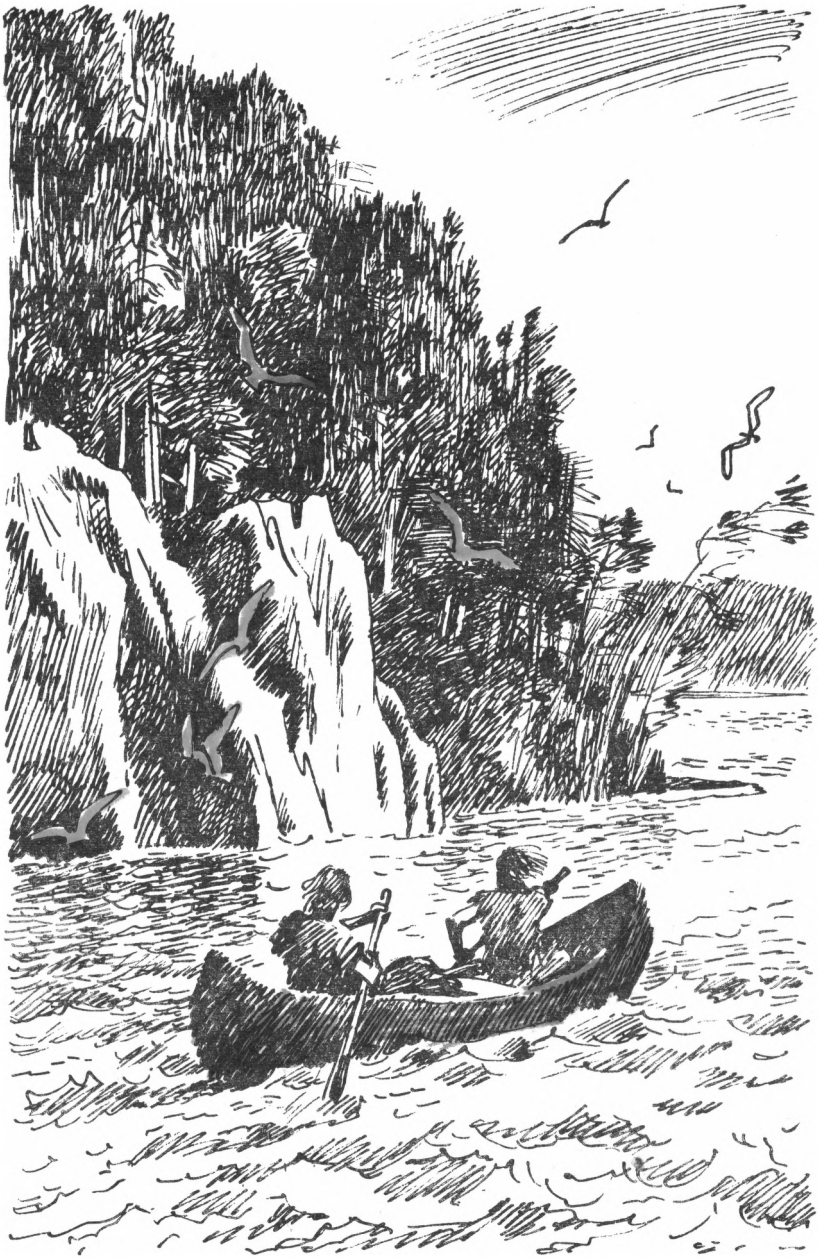
— Дай острогу!

— Чего там?

— Рыбы большие у дна стоят!

— Обожди. Я тоже! Я сейчас...— Бал принялся стаскивать с себя рубашку, торопливо разматывать ремешки на обуви.

Снять штаны у него не хватило терпения, прямо в них плюхнулся в воду, нырнул вслед за Велом. В прохладной прозрачной



глубине открыл глаза. У самого дна, шевеля плавниками, чуть не вплотную стояли, терлись о песок и мелкую гальку огромные рыбины. Везде, по всему дну,— только рыбы, рыбы и рыбы... Вел ударил острогой в самую ближнюю, обхватил добычу руками, потащил ее вверх. А Бал за хвост ухватился. Ух, какая сильная рыба!

Вынырнув, парни устроили веселую возню со своей добычей. Почти с Бала ростом рыба была! Заостренное, хрящеватое рыло вперед выдается, хвост острый, высокий. Спина зубчатая. А все тело вместо чешуи какими-то бляшками покрыто. Никогда такой рыбы не видели!

Держась на воде только с помощью ног, Вел и Бал, хохоча и отфыркиваясь, боролись с могучей рыбой. А лодку уносило все дальше и дальше. Первым вспомнил о ней Вел. Оглушив добычу ударом кулака, он поглубже воткнул в нее костяной, с тремя большими зазубринами наконечник остроги, крикнул Балу:

— За лодкой плыви. Догоняй!

Ухватив рыбу за грудной плавник, Вел медленно, с трудом волоча добычу, поплыл вслед за Балом. А тот, налегке, размашисто выбрасывая вперед руки, быстро настигал беспомощно качавшуюся на волнах лодку. Догнал, влез, стал грести навстречу плывущему другу. Втащив почти двухметрового осетра, оба, не сговариваясь, погнали лодку к видневшейся невдалеке песчаной косе. Тут, на открытом со всех сторон месте, можно было, не опасаясь внезапного нападения, сварить невиданную добычу. Много дней не ели уже парни горячего. Да еще с солью! Ради этого стоило развести огонь даже на чужой, враждебной земле.

Черную икру незнакомой рыбы есть не решились. В их реке у всех рыб икра была желтая, а у некоторых, из озера приходивших,— красная. К той икре вены привыкли. А эта — черная как уголь, страшная. Лучше ее не трогать. Хватит им и рыбьего мяса. А оно оказалось удивительно вкусным и жирным. Наевшись до отвала, нарезали рыбу пластами, подсолили, подвесили на ивовых прутьях. Пусть на ветру и солнце подсохнет, провялится.

Обед, приготовленный на огне, не прошел даром для Вела и Бала. Видно, прогневалась Большая река, что забыли ей часть добычи отдать. Нехорошо вышло. Вот и расплата: едва доплыли до поворота реки, как из кустов, густо росших на ее правом высоком берегу, выскочили, пустились наперерез две лодки с людьми. В каждой по четыре гребца, а на носу воин стоит с луком в руках. На головах людей остроконечные шапки. У каждого — наплечник и нагрудник из толстой кожи. «Изы, наверное!» — решил Вел и встал в своей лодке. Надо им лоскут кожи с дырками показать, подаренный Гулом. Пусть знают, что не враги к ним приехали, а посланцы урсулов. Он помахал приветственно рукой приближавшимся воинам, растянул руками над головой лоскут кожи так, чтобы узор из дырок был виден. Но стоявший на носу первой лодки воин стал натягивать лук, целясь в Вела. Если бы не уклонился внезапно Вел, стрела неминуемо вошла бы ему в грудь. Но Вел внимательно следил за движениями стрелка, уловил мгновение, когда тот спускал тетиву.

Успеть-то успел, но легкая лодка — не твердая земля. От резкого движения Вела она качнулась, а Вел, чувствуя, что падает, как рысь подскочил вверх, изогнулся в воздухе и уже не упал, а нырнул в воду, успев при этом так сделать, что со стороны показалось, будто упал человек за борт, сраженный стрелой. Уже под водой Вел понял, как надо действовать дальше. Не выныривая, он со всей скоростью, на какую был способен, поплыл под водой навстречу вражеским лодкам. Увидев над собой черное днище первой из них, он ухватился рукой за борт и изо всей силы рванул его вниз, на себя. Неожиданный рывок перевернул шаткую, с округлым днищем долбленку. Воины изов очутились в воде. Их копья и боевые топоры пошли ко дну, а сами воины барахтались в воде, не зная, куда плыть,— то ли к берегу, то ли ко второй лодке, которая все равно не выдержала бы их всех.

А Вел уже снова нырнул, уходя под водой вниз по течению, куда, как он успел заметить, изо всех сил греб Бал, остававшийся в лодке. Большая лодка изов задержалась, вылавливая

тонувших, и Бал благополучно проскочил мимо нее. Тогда изы, бросив грести, подняли луки. Две стрелы с глухим чмоканьем впились в разбухшую древесину бортов лодки Бала, две просвистели выше. Но Бала в лодке уже не было. Едва изы натянули тетивы своих луков, как он мгновенно оказался в воде и теперь, выглядывая из-за борта, толкал лодку все дальше от изов. Увидев это, изы снова схватились за весла. Но державшиеся за борта их лодки пятеро воинов были слишком большой помехой. Изы поняли, что им не догнать легкую лодку чужеземцев. И снова взялись за луки.

А Вел и Бал уже были вместе. Оба, прячась за лодкой, уводили ее все дальше и дальше. Протянув через борт свою длинную руку, Вел достал из лодки лук и, захватив под локоть борт, приподнялся, ловко и неожиданно пустил стрелу в того иза, который в это время, отвернувшись от них, кричал что-то своим товарищам. Когда не видишь, как в тебя целятся, от стрелы не спасешься. Если, конечно, послана она твердой рукой. А у Вела рука была твердой. Воин изов упал, помешав другому выстрелить в Вела, и Вел снова успел прицелиться и пустить вторую стрелу. И еще один воин свалился в лодку. На этом стычка и кончилась. Слишком велико стало расстояние между лодками. Когда стрелы изов уже не могли достать их, Вел и Бал влезли в лодку и дружно взялись за весла.

Миновав селение изов, парни перестали грести, посмотрели один на другого и принялись хохотать.

— А здорово ты, Вел, в воду прыгнул! Даже я поверил, что ты упал, не удержался. Изы такой крик подняли! Решили, что убили тебя...

Вел вытащил из борта одну из стрел изов, осмотрел наконечник. Из такого же светлого металла сделан, как и амулет Крисса. Вел поцарапал наконечник кремнем: крепкий! Хорошие, острые наконечники. Жаль только, что коротковаты стрелы у изов. Надо будет наконечники эти к своим стрелам приладить. Чужой стрелой разве попадешь туда, куда метишь?

КОННЫЕ ЛЮДИ

Утки уже птенцов вывели, лето в свою середину вступило, а Вел с Балом все плыли и плыли. После стычки с изами костров больше не разводили, плыть стали только ночью. А днем спали, спрятав лодку в кустах или зарослях камыша. Чем дальше на полдень, тем сильнее солнце палило. Кожа на носу облупилась, голову то и дело приходилось водой смачивать. Зря шапок с собой не взяли! Да это беда поправимая. Вел распорол тюк с мехами, достал шкуру куницы что похуже, брюшко вдоль разрезал, лапки вместе связал. Примерил Балу на голову — очень хорошо получилось: спереди морда куницы, белые зубы скалит, сзади куний хвост свешивается, комаров с шеи сгоняет. И для себя такую же шапку сделал умелый и хитрый Вел.

— Очень сердитое солнце стало,— сокрушался Бал.— Ночью хорошо плыть, днем — плохо.

Вел отмалчивался. Если плыть только ночами, все лето пройдет, прежде чем они с Балом до соленых озер, до людей с волчьими головами доберутся. А назад как? Зима по дороге застанет. Нет, хоть и жарко днем и опасно, а надо спешить. И Вел чаще и чаще отваживался плыть в светлое время. Лодка стрелой неслась, а далекие безлесные берега неоглядной реки, казалось, стояли на месте.

Бесчисленные стада косматых степных быков спускались по оврагам на водопой. Кружили орлы в нестерпимо голубом поднебесье. А берег, что с левой руки, сплошь камышом зарос. Птиц над ним разных видимо-невидимо. И утки, и журавли, и белые лебеди. Из камышовых зарослей высовывались кабаньи морды. Добыв для прокорма одного-двух гусей, Вел с Балом отплывали дальше от берега. Кто знает, может, не одни только кабаны в камышах рыщут. Пустит какой-нибудь камышовый охотник стрелу из зарослей — мигнуть не успеешь.

На отдых останавливались теперь только на островках, все чаще встречавшихся на пути. Выбрав укромное место, валились на горячий песок, давая расслабнуть натруженным спинам.

Нехотя жевали сырую гусятину да плохо провяленную, с душком уже, рыбу. Спали в лодке. Один гребет, а другой дремлет на тюках с мехом, от солнца млея.

В один из таких пышащих жаром полдней и увидели они конных людей. Вел спал, Бал неторопливыми, сильными гребками гнал лодку по рябившей под солнцем воде, зорко поглядывал на пустынный обрывистый берег. Сначала ему показалось, что там, на обрыве, стадо каких-то странных животных спешит на водопой. Но, приглядевшись, он понял, что это люди сидят на спинах безрогих лосей.

Проснувшийся Вел из-за борта лодки тоже смотрел на конных людей. По пояс голые, в накинутых на плечи звериных шкурах, они крепко сидели на безрогих лосях, сжимая ногами бока животных. В руках у конных людей были короткие метательные копья. Они размахивали ими, что-то кричали, показывали на лодку руками. Безрогие лоси вставали на задние ноги, звонко кричали, кусали друг друга. Люди били их ремешками, привязанными к коротким палкам, ловко держались на их спинах. Один из конных людей подъехал ближе к обрыву, помахал Велу и Балу рукой.

Вел встал в лодке, в ответ помахал.

— Ближе к берегу, Бал. Кажется, конные люди хотят говорить с нами.

Подняв над головой связку бобровых шкурок, Вел еще раз приветственно помахал свободной рукой, крикнул громко:

— Конные люди! Мы, вены, пришли к вам мех на соль обменять. Дадите нам соли? Будем торг устраивать?

Закричали, замахали копьями конные люди, а понять ничего нельзя. Но и без слов ясно, что к себе зовут. Подплыли ближе. Лица у конных людей безбородые, широкие. Глаза узкие. Черные волосы в косицы заплетены. Кроме копья, у каждого лук за спиной в чехле. Из другого чехла оперенные концы стрел выглядывают. Хорошо вооружены конные люди. Много их. Как решиться идти к ним торг вершить? Знают ли они, что на Торжище без оружия выходить надо? Знают! Старший воин конных людей что-то своим крикнул, те отстали, сгрудились на берегу.

А сам он поехал вслед за медленно плывшей лодкой. Обогнав, слез с коня, воткнул в землю копье, снял с себя чехол с луком, пояс с ножом на траву бросил. Потом с обрыва к самой воде спустился. Знает закон! Все правильно сделал.

Бал тут же направил лодку к берегу. Вел соскочил на песок, безоружный, широко улыбаясь, пошел навстречу конному человеку. Сошлись, показали один другому ладони пустые, пожали руки. Вел вздохнул с облегчением: согласились, значит, конные люди мирный торг начинать. Засмеялся Вел, похлопал конного человека по плечу, обнял его. Был тот сух телом, жилист, темен. Голова его с черными, смазанными жиром косичками едва до плеча доставала Велу. Белый шрам пересекал лицо предводителя конных людей от лба до уголка рта. Казалось от этого, что он все время куда-то в сторону смотрит.

Отвязав от пояса мешочек с солью, Вел высыпал ее на ладонь, показал конному человеку.

Тот посмотрел, взял щепотку, попробовал, закивал головой, заулыбался.

— Мы вам — меха, вы нам — соль! — сказал Вел, потряхивая серебристыми бобровыми шкурками.

Конный человек пощупал одну шкурку, подул на нее, проверяя подшерсток, залопотал что-то быстро, рукой то на соль, то на своих людей показывая.

— Там соль? У них? — догадался Вел.— Ладно, пойдем туда. Бери меха, Бал. И для соли мешки возьми.

Вот как хорошо получилось! Совсем и не злые конные люди, если с ними по-хорошему. Надо подарки им сделать. А угощение они сами приготовить должны, потому что к ним гости для торга приехали.

Пока Бал выгружал из лодки тюки с пушниной, нетерпеливый Вел вслед за предводителем конных людей поднялся на кручу. Конные люди со своих безрогих лосей на землю слезли, стояли в сторонке, смотрели. Вел им рукой помахал. Хорошо наверху, привольно. Куда ни посмотришь — везде трава под ветром колышется. Высокая трава, выше пояса. А низкорослым конным людям почти до плеч. Рассмеялся Вел. Вот почему

конные люди на животных ездят! При их росте далеко ли по такой высокой траве уйдешь?

Конные люди еще ближе придвинулись. Вел им опять рукой помахал. Пусть подходят, если без оружия. А конные люди копья свои и луки у коней оставили, без них идут. Только у каждого в руке веревка черная кольцами свернута. Так ведь веревка — не оружие. Повернулся Вел, чтобы Бала поторопить, а человек со шрамом вдруг взвизгнул пронзительно, кинулся в ноги Велу, сжал их, вцепился словно хорек. И тут же свистнуло что-то, обвилось вокруг Вела, рвануло. Все-таки устоял Вел, не упал, удержался. Что делают конные люди? Как можно закон торга рушить?!

Не сразу понял Вел, что обманул его человек со шрамом. А когда понял, что свершилось небывалое, неслыханное преступление, страшная ярость поднялась в нем. Отшвырнув ногой полуголого человека, бросился Вел на конных людей, а на него сзади еще одну веревку накинули, потом еще и еще... От могучих рывков Вела падали конные люди, но веревок не выпускали, в разные стороны тянули. Бал в это время как раз на кручу поднялся. Увидел, что конные люди Вела веревками вяжут, бросил тюки, кубарем вниз скатился, схватил в лодке топор, друга кинулся выручать. А конные люди уже и к Балу с черными веревками подступают. От первой петли Бал увернулся, вторую рукой успел с шеи сбросить. В два прыжка подскочил, сшиб топором одного, другого... А конных людей все больше и больше сбегается.

— Назад, Бал, назад беги! К лодке! — кричал ему Вел, весь опутанный веревками конных людей.

— Бегу, Вел, бегу! Я сейчас... Держись!

— Не ко мне, к лодке беги!

— Держись, Вел, держись!

Но где там держаться! Свалили Вела конные люди. Предводитель их на безрогого лося вскочил, носится вокруг, кричит тонким, пронзительным голосом. А конные люди ничего с Балом сделать не могут, никак петлю на него не набросят. Прыгает Бал, крушит своим каменным топором всех подряд. Испугались,

отпрянули от него конные люди. Тогда предводитель их сзади заехал, метнул в Бала копье. В спину метнул! И еще два копья тут же в Бала вонзились. Вырвал Бал одно копье из себя, замахнулся, чтобы в конных людей его бросить, но обмякла рука, свалился Бал на истоптанную траву. Кровь из него ручьями бежит, а он все подняться хочет, и кажется ему, что громко, зычным голосом кричит он другу, а не шепчет мертвеющими губами:

— Я сейчас, Вел... сейчас... топор и копье... всегда вместе.

Напрасно рвался Вел, как медведь, в западню попавший. Напрасно зубами грыз путы, рычал от бессильной ярости, видя гибель друга. Петли волосяных веревок только туже затягивались. Одолели его конные люди. Связали, взвалили на спину безрогого лося, обступили со всех сторон, повезли. Перед глазами копыта безрогого лося мелькают: одно — другое, одно — другое. А видится Велу Бал с копьями в груди и в спине. Мелькают копыта, совсем не такие, как у лосей настоящих,— круглые, не раздвоенные. Льется кровь из груди Бала. Комочки земли из-под копыт вылетают. Лежит Бал на примятой траве. Сухие метелки царапают лоб и правую щеку Вела. Куда везут его конные люди? Но что увидишь под брюхом безрогого лося? Да и глаза нельзя открытыми долго держать: сухая трава выколоть может. А закроешь их, и опять встает Бал как живой, слышится его голос: «Я сейчас, Вел... сейчас!»

Безрогий лось все бежит и бежит. Круглые копыта его все мелькают и мелькают перед глазами. Метелки травы все хлещут и хлещут по лицу Вела. Голова кровью набрякла, в ушах звон. А безрогий лось все не останавливается. Вот уже и жара спала. Солнце к самой земле спустилось. А они все едут и едут...

Наконец у речки какой-то остановились. Зашел безрогий лось в воду, пить стал. Совсем рядом вода, а не дотянуться до нее Велу. Кто-то подошел, плеснул водой на голову. Вел изловчился, наверх взглянул. Стоит рядом человек со шрамом, конных людей предводитель, тот самый, что Бала убил, метнув копье ему в спину.

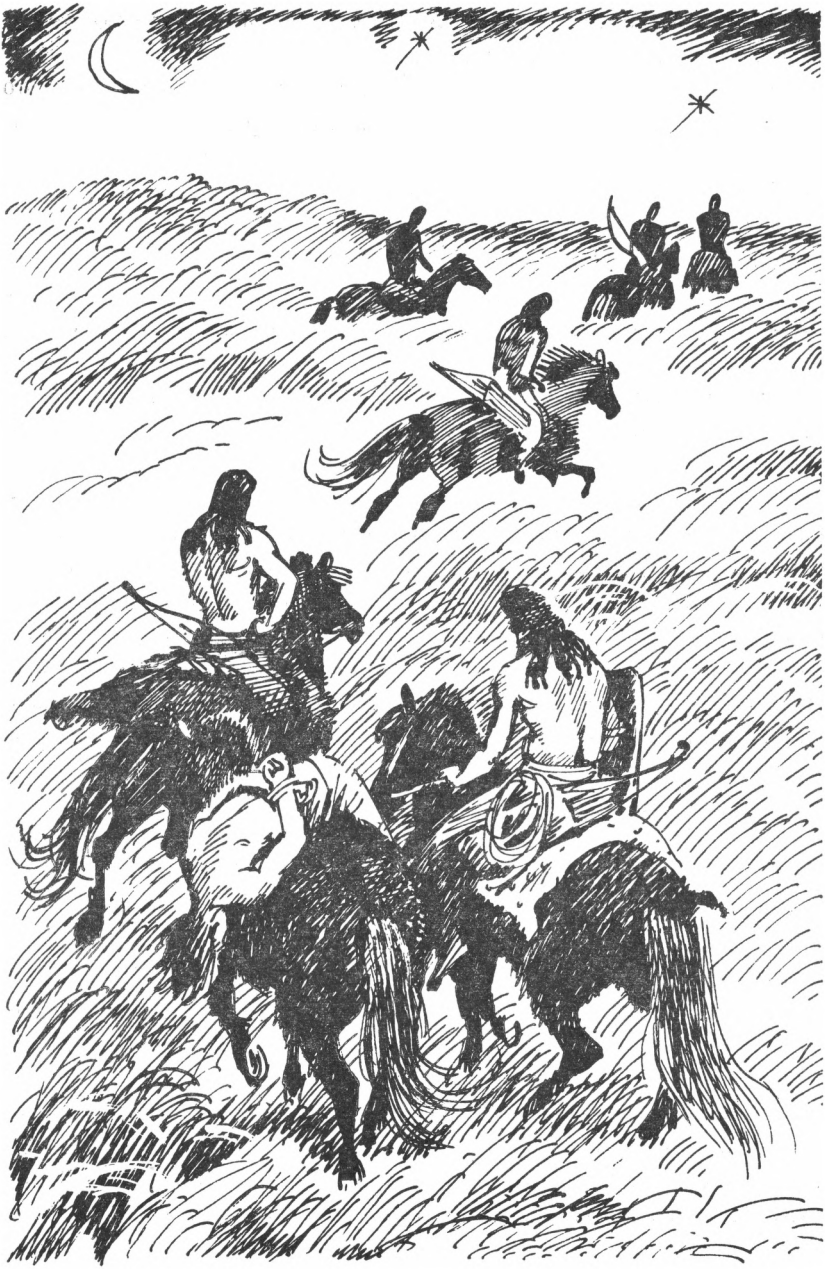
— Бойся меня! — прохрипел Вел, с ненавистью глядя в темные глаза человека со шрамом.

Хоть и не знал предводитель конных людей языка венов, но все-таки понял, что грозит ему пленник. Смешно это предводителю показалось. Ногой он еще раз плеснул водой на Вела, рассмеялся заливисто. Зря рассмеялся. Не знал он обычая венов. Не знал, что, произнеся такие слова, обрек его Вел на неизбежную гибель...

А конные люди меж тем перевалили тяжелого пленника на другого коня, опять привязали его волосяными веревками так, что голова и ноги Вела к земле свешивались, и снова в путь тронулись. Ночью, когда во второй раз коня под Велом меняли, увидел он по звездам, что все дальше и дальше на полдень и немного к заходу солнца увозят его конные люди.

Только утром до места доехали. Сбросили Вела на землю. Он нарочно лежал точно мертвый, к чужим голосам прислушивался. Кто-то ногой его в бок ткнул, потом воду на голову до тех пор лили, пока не открыл он глаза. Много воинов кругом столпилось. У всех копья, бронзовые топорики за поясами, ножи. Глаза злые. Вот расступились воины, пропустили к Велу двоих. Один — тот самый, что закон торга нарушил, тот, что Бала в спину копьем ударил. Второй — толстый, выше ростом, с бородой и без косичек. Кожаная одежда на груди красивой застежкой закреплена. Маленький, со шрамом, тоже богато одет: на голые плечи шкура пятнистого зверя наброшена, передние лапы крест-накрест на груди скреплены металлической заколкой блестящей. А на заколке — камень зеленый. И топорик у него весь разноцветными маленькими камешками украшен, и чехол для ножа в узорах.

Двое воинов с косичками нагнулись над Велом, начали веревки распутывать. Сел Вел, стал руки затекшие растирать. Принесли миску с водой и мясо. Раз еду предлагают, значит, живым решили оставить, в род свой принять. Только не пойдет к ним Вел, не станет их пищу есть. Закон торга эти люди нарушили, слово свое сломали, Бала обманом убили. Нет между ними мира! Встал Вел, сделал вид, что шатается, что ноги его не



держат. Шагнул раз, другой ближе к низкорослому предводителю. Незаметно глазом расстояние смерил и вдруг выбросил вперед руку, схватил за горло убийцу Бала. Через мгновение бросил обмякшее тело на сухую вытоптанную траву.

— Этот человек закон торга нарушил! — объяснил Вел замершим от неожиданности воинам.

Сразу несколько копий замахнулись на Вела. Но Толстый поднял руку, выкрикнул что-то. Воины опустили копья, глухо ворча, отступили. Знает Толстый обычаи. Видит, что справедливо Вел поступил. Теперь можно с конными людьми и мир установить, еду их принять.

Вел поднял с земли глиняную миску с водой, отпил не спеша, чтобы все видели. Потом начал есть мясо. Съев кусок, огляделся. В большое становище его привезли. Вокруг, как большие грибы без ножек, круглые жилища стоят. Дым от многих костров поднимается. Много безрогих лосей, больших и маленьких, вокруг жилищ бродят. А люди все около Вела собрались. Вот три женщины прибежали, начали выть над трупом, волосы на себе рвать, лица царапать. Воины с косичками опять угрожать стали Велу. Толстый на коня влез, закричал что-то грозно, напрягая жирную шею. Другие воины, бородатые, без косичек, к нему придвинулись, на защиту встали. А те, что с косичками, тело убитого подняли, понесли, угрожая оружием. И хоть больше их было, а видно, что боялись они Толстого и его воинов. Повернув коня, Толстый поехал не торопясь. И Вел тоже за ним пошел, потому что двое конных воинов в спину его древками копий подтолкнули.

Подошли к самому большому жилищу. Из него вышли две женщины в длинных одеждах, низко склонились, раздвинули перед Толстым полотнища, закрывавшие вход. Тот слез с коня, ни на кого не глядя, важно прошел вперед. Вел тоже хотел за ним в жилище войти, но воины закричали сердито, оттолкнули его конями. Ладно, Велу и здесь, под открытым небом, неплохо. Он прилег на траву рядом с жилищем. Надо отдохнуть, подумать обо всем не спеша. Как теперь быть? Толстый предводитель человек справедливый, обычаи знает. Надо у него соль по-

просить взамен привезенной пушнины. Вот они, тюки, здесь, у жилища лежат. Вел объяснит Толстому, что не хочет у конных людей жить, что ему надо в свое племя вернуться, что ждут его там...

Трудно понять конных людей. Кто такой у них этот Толстый? Почему он одет лучше всех? Почему кланяются ему до земли? Если он выбран предводителем, старшим воином на время войны, значит, воюют с кем-то конные люди. Но кто же на войну вместе с женщинами и детьми ходит? Если нет войны, значит, Толстый старшим охотником выбран. Но какая здесь, среди жилищ, охота? И почему он одет так празднично и богато, когда остальные чуть не полуголые ходят? И почему так боятся все Толстого? Чуть не на животах перед ним ползают.

Вел потрогал стену жилища. Мягкая, из шерсти животных сделана.

Вел стал ковырять пальцем стену жилища. Надо же посмотреть, как она устроена...

— У-р-р-р, у-рр! — закричали воины, все еще почему-то стоявшие рядом с ним на своих конях.

Один копьем замахнулся, другой мохнатым боком коня оттеснил Вела от круглой стенки жилища. Что ж, нельзя так нельзя. Вел отошел. Не понимают конные люди, что ему только посмотреть хотелось. Не собирался он жилище ломать. Плохо, что объяснить им нельзя. Простых слов не могут понять. А у самих слова очень трудные, не выговорить никак. Зачем конные люди на таком трудном языке говорят? Наверное, потому, что о нашем, таком простом и удобном, не знают. Надо бы научить их. Вел повернулся к одному из конных людей, ткнул пальцем себя в грудь.

— Я — Вел! А ты? Тебя как зовут?

— У-ррр! — крикнул воин и наставил копье на Вела.

Не хочет говорить. Сердится. И второй тоже как волк смотрит. Ну и ладно, Вел к другим конным людям пойдет. Вон там, за жилищами, их много собралось. Делают что-то. Вел отстранил копье рукой, пошел, не оглядываясь, от жилища. Воины совсем разъярились, вздыбили коней, закрыли дорогу. Один

ударил Вела по голове тонким, но жестким ремешком, привязанным к палке. Вел рассердился, вырвал ремень с палкой из рук воина. Тогда тот его копьем ткнул. Хоть и не сильно ткнул, но рубашку порвал и плечо до крови поранил. Вырвал Вел у него копье, переломил пополам и толстым концом древка по голове ударил. И безрогого лося тоже ударил. По самым ноздрям, чтобы тот копытами на Вела не замахивался. Закричал жалобно лось, встал на задние ноги и умчался, волоча за собой упавшего воина. А второй воин в это время на Вела со спины наскочил. Орет, копьем в спину тычет. Совсем рассердился Вел. Этого воина тоже ударил он древком. Не сильно. Нельзя сильно бить. Ведь он с конными людьми, которые без косичек, мир заключил. А этот воин тоже с коня свалился. Ну кто мог знать, что у конных людей головы такие некрепкие?

Бросил Вел сломанное древко копья, кожаную рубашку с себя стащил, начал рану на плече зализывать. Больно кольнул конный воин, чтоб ему на охоте удачи не было!

А вокруг уже люди сбежались. На крик и шум вышел из жилища Толстый. Крикнул он что-то, и кинулись на Вела со всех сторон, снова связали, поволокли по земле, ногами пинали, по лицу, по голове били. Потом поставили на ноги, к столбу прикрутили волосяными веревками. Толстый поставил рядом с Велом двух воинов, отогнал толпу. А веревок не снял. Так и оставил Вела к столбу привязанным.

Да, трудно понять этих людей. Зачем связанным Вела держат? Взятого в плен человека надо или сразу убить, или отпустить его, волю дать. Пусть как хочет живет. Почему же конные люди не так, как все, поступают? А ведь Вел из их рук пищу принял! И эти воины, которых он палкой ударил, не умерли, живы остались. Да и сами они виноваты: не пускали Вела по стойбищу пройтись, с другими людьми побеседовать. За что же грозят ему? Почему связанным держат?

Непонятные они, эти конные люди. Не по правильным законам живут.

ГОРОД

Степь колыхалась от ветра, сверкала на солнце волнами серебристой травы, кружила голову пряными запахами цветов.

Уже много дней ехали толстый Фабан, Вел и много-много конных воинов, Фабана сопровождавших. Много маленьких рек пересекли они вброд, а одну, очень большую, вплавь одолели, держась за гривы коней. Вел полюбил этих умных безрогих лосей, подружился с ними. Особенно с тем, на котором сейчас ехал. Серый, с черным хвостом и черной гривой, этот конь тянулся к нему мордой, мягкими теплыми губами трогал раскрытую ладонь Вела, искал и часто находил в ней кусок лепешки. Толстый Фабан кормил воинов сытно. А Вела сытнее всех.

— Ешь! Ты большой. Много мяса есть надо! — говорил он и хлопал Вела по могучим плечам.

Он сам есть садился всегда отдельно, Велу только большие куски мяса кидал. И с другими воинами рядом сидеть не хотел. Словно не люди это, а собаки приблудные.

Простому, очень понятному языку венов ни Фабан, ни другие воины учиться не захотели. Пришлось Велу их трудные слова запоминать. Многое он уже понимать стал. И на безрогом лосе, на коне, научился Вел ездить. Сначала зад стер до крови. Фабан, держась за живот, хохотал над ним. Потом привык Вел, понял, как надо на спину коня залезать, чтобы привязанная ремнями мягкая шкура под брюхо коню не сползла. Многому научился Вел. Даже к безлесной равнине привык.

Ехали они к морю, за солью. Так Фабан Велу сказал. В их племени соль тоже кончилась. Надо за ней ехать к морю соленому. Море — это много-много воды. Больше, чем в озере. И вода в нем соленая, так много соли в местах тех! Конные люди тюки Вела с мехами и свои товары к морю везли. Там продавать, обменивать будут. Об этом тоже Фабан сказал. И другие воины головами кивали:

— Море! Город! Много соли. Много людей. Много товаров.

Как же туда не поехать? Может, потом Фабан на родину дорогу найти поможет? Да и сам Вел дорогу наидет. Они все

время на полдень едут. Значит, чтобы домой попасть, на полночь надо идти. Далеко! Но не возвращаться же теперь, когда соль совсем близко.

Ехали быстро. Часто меняли коней. Пока на одном воин сидит, другой конь рядом бежит, отдыхает. Костров по ночам не жгли, мясо сырым ели, вкусными лепешками заедали. Лепешек много с собой из стойбища взяли конные люди. Воду, когда рек долго не было, из кожаных мешков пили. Если мясо кончалось, охоту устраивали: разъедутся по равнине воины, широкий загон устроят, разных зверей нагоняют на спрятавшихся охотников. А те их из луков или копьями метательными бьют. За одну такую охоту много добывают козлов длиннорогих, диких коней и быков.

Одно не нравилось Велу: толстый Фабан на каждой стоянке ложился на подстилку из шкур и ничего не хотел делать. Только приказывал: «Почисти коня!», «Приготовь еду!» А сам какой-то напиток красный из кожаного мешка сосет да мясо ест. Каждый раз столько съедал, что на трех воинов бы хватило. Мяса не жалко, пускай ест. А вот с работой несправедливо получалось. Работать надо всем. А предводителю больше всех. Потому он и старшим выбран, что сильнее и опытнее других. Плохо, если предводитель ничего сам не делает, а других заставляет. Да еще кричит на своих воинов. Вел знает: молчат они, угождают Фабану, в честь его хвалебные песни поют, а придет трудное время — кто из них на вражеские копья, чтобы его защитить, бросится? Никто. Отвернутся они от своего предводителя. Сейчас хвалят, а потом смеяться над ним будут. И правильно. Потому что забыл Фабан главный закон жизни: каждый работать должен. Не понимает этого толстый Фабан. А объяснить ему Вел не умеет.

В остальном же хороший Фабан человек. Лучше других конных людей. Если бы не он, не ехал бы сейчас Вел на коне по этой травянистой равнине. Убили бы его конные люди во время похорон человека со шрамом. Зарезали бы Вела так же, как тех женщин и юношей. Никогда не забыть Велу, как это было. Никогда бы не поверил, что так может быть.

...Два дня охстились тогда конные люди в степи. Два дня варили темный хмельной напиток в котлах. В полдень третьего дня вынесли из жилища тело убитого, с воплями понесли его к вырытой яме. Опустили в нее украшенный лучшим оружием, одетый в самые лучшие одежды труп человека со шрамом. Самого лучшего коня привели. Убив, положили его рядом с хозяином. Потом двух юношей подвели. Один молчал, опустив голову. Другой закричал вдруг, словно от сна очнулся, рваться из рук стал. Высокий воин стукнул его сзади чем-то тяжелым. Упал юноша. Женский голос взвился в толпе. И замер, словно кто-то зажал рот рукой. Воины, что вокруг ямы стояли, посыпали себе землей головы, женщины рвали волосы, в кровь царапали лица. Заглушая крики людей, глухо и страшно разносились удары в натянутую на обруч кожу. А к открытой могиле одну за другой подвели трех женщин. Черные одежды их трепал степной ветер...

Вел отвернулся тогда, не стал смотреть. Только по новым, все более жутким крикам толпы понимал, когда убивали первую, вторую, третью... Но вот крики переменились. Уже не горе и боль, а злоба и ненависть слышались в них. Вел поднял голову. Толпа медленно подвигалась к нему. И тут впереди Вела встал толстый Фабан. Его воины, выставив перед собой копья, загородили Фабана и Вела. Поверх их голов Вел видел, как остановилась толпа. Ярость ее стала стихать. Фабан сказал что-то, и другие его воины бегом пронесли мимо них туда, к толпе, на толстых жердях две туши целиком зажаренных быков.

Так Фабан вторично спас Вела. Он велел тогда развязать веревки, ткнул Вела кулаком в живот, рассмеялся. И вот теперь они едут и едут по бесконечной, высохшей под солнцем равнине, которую конные люди степью зовут. Да, хороший человек Фабан. Лучше других конных людей. Вот почему Вел и помогает ему во всем: чистит его коней, вещи увязывает, воду приносит. Может быть, Фабан больной, сам работать не может? Потому и толстый такой? Все может быть. А Велу работа не в тягость. Пусть Фабан на подстилке валяется, жир копит.

Едет на коне Вел, зорко степь оглядывает, на жирную спину

Фабана смотрит. Толстый, а на коне ловко сидит! Они, бородатые конные люди, кафами себя называющие, с малых лет на безрогих лосях ездить приучены. Зато бегать совсем не умеют. Ноги у них короткие. А из луков стреляют метко и копья хорошо бросают.

Вот вдали деревья стали видны. Не велик лес, только вдоль реки тянется, а все-таки радостно его видеть. Так бы и помчался туда, в лесную прохладу. Нельзя, Фабан не пустит. Он старший над всеми воинами. Его слушаться надо.

В траве хорошо протоптанная широкая тропа появилась. На нее Фабан повернул. Большая тропа, сразу три конных воина рядом по ней ехать могут. Трава копытами коней выбита. Часто ездят по этой тропе.

Оглянулся Фабан, свистнул, пустил своего коня бегом бежать. Трясет на бегу. Шагом лучше ехать. А вскачь пуститься — еще веселей. Но тогда кони устанут быстро.

Как село солнце, остановились у брода через небольшую, тихую речку, к которой широкая тропа привела. Развели костры, стали мясо каждый себе над огнем жарить. Только Вел, как всегда, сначала для Фабана еду готовил, потом уже для себя.

Стемнело. С той стороны реки голоса послышались, стук копыт, скрип какой-то. Воины Фабана взялись за оружие, начали с теми, что на другом берегу, перекликаться. Потом снова к кострам вернулись.

— Хорошие люди едут. Готовь много мяса! — приказал Велу Фабан.

Вытащив из кожаного мешка освежеванную тушу барана, Вел приготовился было рубить ее на куски, да так и застыл с поднятым топором в руке. От реки к лагерю двигались привязанные к быкам удивительные, непонятные устройства. Вел бросил топор, пошел посмотреть, что это такое. Оказалось — передвижные жилища: два больших, сколоченных из досок круга, между ними настил, а на нем — жилище из войлока. Да, умны, хитры конные люди! Очень удобные жилища придумали. Дождь ли, ветер — тепло в них. Где остановились, там и дом.

Только не годятся такие жилища в лесных местах, где вены живут. Не проехать им между деревьями.

— Эй! — закричал Фабан.— Чего стоишь? Мясо готовить надо!

Гость Фабана, с такой же, как у него, большой бородой клином и длинными, до плеч, волосами, только не жирный и ростом повыше, улегся на подстилку рядом с Фабаном. Начали жареное мясо есть, красный хмельной напиток из кожаного мешка пить. Двое едят и пьют, остальные сидят, смотрят. У воинов Фабана свои, отдельные костры. И лежат они без подстилок. И мясо сами себе жарят. И коней сами чистят. Все так, как нужно. Один Фабан ничего сам не делает, только ест, пьет да на шкурах валяется. И гость его тоже. Никак Вел привыкнуть не может к такой несправедливости: кто ничего не делает, тому все самое лучшее достается! Почему?

Вел отошел от костров, сел на ствол старого, упавшего в воду дерева. Листья у дерева такие же, как у ивы. И пахнет оно так же, как ива. А ствол толстый, как у дуба. Никогда Вел таких больших ив не встречал. Все здесь другое. И деревья, и трава, и даже звезды на небе. «Черпак» совсем низко к земле опустился, и «Дорога предков» не так в небе проходит. Чужое небо над Велом. И земля чужая. Черная, в трещинах вся, сухая и твердая. И трава тоже сухая, колючая. Только осока на берегу речки зеленая, сочная. Ей хорошо: у воды растет.

Раздевшись, Вел вошел в теплую тихую речку, с головой окунулся в воду. Набрав в пригоршни ила, стал растираться им, смывать накопившиеся за долгие дни степного похода пот и грязь. Хорошо! Почему конные люди воды боятся? А вены воду любят. Даже зимой, когда лед на реке, натопят сильно жилище, плеснут водой на очажные камни и, раздевшись, в пару тела греют. Потом наружу выскакивают, в снегу катаются. Вот бы снегу сюда! Ночь уже, а все равно жарко, душно в степи. Даже вода в речке и та теплая.

Спугнув жирную водяную крысу, Вел вырвал прошлогоднюю камышинку, вылез на берег. При свете луны сделал из камышинки дудочку-пищалку, на каких в детстве играл. Хоро-

шо поет дудочка, жалостно. Про далекие родные леса напоминает, про костры весенние у воды, про Весу, про цветы и душистые, как мед, травы в лугах... И опять сами собой слова песни пришли:

Далеко остались род мой и жилище,
и река родная тоже далеко.
Есть у Вела конь и много пищи,
да не радостно на сердце у него...

Еще хотелось спеть про сухую, выжженную солнцем степь, про то, как Бала убили, да пьяный голос Фабана помешал:

— Эй ты, раб! Перестань выть.

Откуда Фабану прежнее имя Крисса известно? И кому он кричит? Никого нет рядом с таким именем... Вел подошел к костру. Кислым вином пахло и мясом горелым. Фабан и гость лежали на подстилках, бараньи кости обгладывали.

— Эй, раб! — опять закричал Фабан.— Глухой стал?

— Меня зовут Вел, а не Раб. Где ты видишь Раба?

— Ха-ха-ха! Ты слышал, Сукул? — подмигнул Фабан гостю.— Он не раб! Ха-ха-ха!

Толстый живот Фабана так и прыгал от смеха.

— В город приедем, продам тебя, на золото обменяю. Слышишь? Ты большой, сильный. За тебя много денег дадут.

Совсем одолели Фабана Духи вина. Глупые, бессмысленные слова говорит. Как можно Вела на что-то обменять? Разве он бронзы кусок, или соль, или шкурка бобровая? Смешно даже. Плюнул Вел и от костра отошел, спать улегся.

И приснился в ту ночь Велу город: большая яма глубокая. А вокруг нее на обрыве люди стоят. И то один, то другой вниз срывается, в яму падает, прямо в гущу каких-то шевелящихся тварей... А Фабан тянет Вела к обрыву, вниз показывает. «Прыгай,— кричит,— там соль! Много соли!»

Город совсем не таким оказался. Множество жилищ, из камней сделанных, вплотную друг к другу стоят. У жилищ деревья растут за каменными оградами. И людей много. Разные люди. Одни в белых одеждах красивых, другие почти голые. У одних оружие и украшения удивительные, блестящие, у других ниче-

го нет; руку к прохожим за едой протягивают, по глазам видно, что голодны. А над головами у них на деревьях плоды висят разные. Ешь — не хочу! Всем бы хватило. Но голодные люди их почему-то не трогают.

Перед тем как в город войти, приказал Фабан с коня Велу сойти. Так и шел теперь Вел, ведя за головные ремни двух коней — своего и Фабана. А все остальные воины на конях, как и Фабан, ехали. Узкий, выложенный плоскими камнями промежуток между стоящими в ряд каменными жилищами вывел их на большое пустое место, где множество людей и животных толпилось. Быки, кони и еще какие-то маленькие кони с большими ушами стояли привязанные к вкопанным в землю столбам. На подстилках из камыша и соломы целые горы плодов разных лежали. В другом месте на столбах висели ободранные туши быков, баранов и целые связки битой птицы. В третьем — рыба разложена всякая. Еще дальше — шкуры и кожи, украшения из меди и бронзы, глиняные горшки разной формы, большие и маленькие. У Вела глаза разбежались. Может быть, не на соль лучше меха обменять, а на что-нибудь другое? Бронза ведь даже нужнее роду, чем соль. А тут у всех воинов ножи с бронзовыми рукоятками, большие, широкие. Вот бы на пушнину их обменять!

Впереди Вела и Фабана три воина теперь шли, толпу расталкивали. Подошли к тому месту, где никаких товаров не было. Одни только люди стоят. Мужчины и женщины, старые и молодые. У многих такие же, как у Крисса, ошейники бронзовые. И одежда такая же, как у него была. Вокруг них люди в белых тонких одеждах ходят, трогают их руками, в рот заглядывают. Смешно стало Велу. Зачем это? Как дети малые. Ну что во рту интересного?

— Пойдем отсюда! — потянул он Фабана за рукав.— Пойдем туда, где товары.

Но Фабан вырвал сердито руку, рубашку снять приказал. Вел снял. Жарко в рубашке.

— Сюда встань! — показал Фабан на деревянное возвышение.

Вел встал. Отсюда ему еще виднее вокруг, еще интереснее. Никогда столько людей в одном месте не видел. Вон одного, в белых одеждах, на носилках несут. Видно, больной, сам ходить не может. А на такой большой торг и ему посмотреть хочется. Вот и вынесли его родичи. А вон там другие носилки. Черные люди несут их. Совсем черные, словно сажей вымазанные. Может, они нарочно себя измазали?

Вел так засмотрелся на черных людей, что не слышал, как Фабан сказал ему что-то. Почувствовал только, что чужие руки его ощупывают. Посмотрел Вел вниз. Стоит перед ним человек в белой накидке через плечо и короткими руками плечи его ощупывает. Едва достает. Старый уже, голова совсем без волос, как кость гладкая. Отошел Безволосый от Вела, издали на него смотреть стал. Потом с Фабаном они спорить о чем-то начали. Безволосый то отходил, то опять возвращался. Наконец по рукам один другого ударили. Торг, значит, между собой закончили. Начал Безволосый в руку Фабана желтые блестящие кругляшки одну за другой класть. Фабан Вела по спине похлопал, рубашку надеть велел, приказал с Безволосым идти. А сам, довольный, смеется. Куда идти? Зачем?

— Иди, иди... Там тебе соли дадут!

И опять засмеялся. Понял Вел: Фабан его пушнину Безволосому на соль обменял. Надо идти соль взять. Подошел Вел к коню, погладил его по шее, в умные глаза заглянул:

— Подожди меня здесь, Конь. Я вернусь скоро. Принесу соль, домой поедем. Тебе там хорошо будет!

Покивал головой Конь, в руку Вела теплыми губами сунулся. Но на этот раз не было там лепешки...

Вслед за Безволосым выбрался Вел из толпы. Свернули за один угол, потом за второй. Вдоль каменного забора пошли. Из-за него свешивались ветки деревьев с плодами. «Яблоки!» — по запаху понял Вел. Только большие очень, не такие, как в лесу бывают. Сорвал одно яблоко, надкусил. Вкусно! А Безволосый вдруг закричал на Вела, замахнулся на него ременным бичом. Засмеялся Вел, отнял бич и через каменный забор его кинул. Почему Безволосый сердится? Почему бичом замахнул-

ся? Может, потому, что он маленький, ему яблоко не достать? Вел сорвал еще одно яблоко, самое лучшее, протянул его Безволосому. А тот еще сильнее рассердился, ногами затопал. Что еще ему надо? Почему сердится?

Во дворе большого каменного жилища, куда Безволосый привел Вела, к ним важно подошел высокий человек в белой длинной одежде, с длинным и тонким носом. Безволосый склонился перед ним еще ниже, чем воины перед Фабаном склонялись. Быстро заговорил о чем-то. Ни одного слова понять нельзя. Опять незнакомый язык. Сколько людей кругом, и все по-разному говорят.

— Давай соль! — сказал Вел Безволосому на языке конных людей, кафов.— Мне назад пора. Меня Конь и Фабан ждут.

Безволосый крикнул кому-то. Из жилища вышли трое рослых мужчин с веревками в руках, в таких же, как у Крисса, ошейниках. Вел насторожился. Хоть и не из конского волоса были веревки, не черные, но... Так и есть, связать его эти люди хотят!

Он не стал медлить. Сшиб кулаком одного, оттолкнул другого, бросился к каменной стене, птицей перелетел через нее, легким стремительным бегом пустился к торговой площади. Вот один поворот, другой... Там, где однажды прошел охотник, он уже никогда с пути не собьется: Даже здесь, в каменном городе. Вот оно, место торга. Расталкивая встречных, Вел ворвался в толпу. Где обманщик Фабан? Где Конь? Где тюки с мехом? Нет никого. Незнакомые люди толпятся на площади. Воины в блестящих металлических шапках сбежались откуда-то, окружили Вела. Он прыгнул к одному, вырвал у него короткий и широкий меч, взмахнул им. Все, все они обманщики! И человек со шрамом, Бала убивший, и Фабан, и Безволосый. И эти люди в металлических шапках, что окружили его. Не люди это, а Злые Духи, облик людей принявшие. Смерть им!

Вел закричал, как всегда кричали вены, идущие в бой. Звериный вопль его разнесся над площадью. Шарахнулись кони на привязях, бросились кто куда люди города. Только воины в

сверкающих шапках не испугались, еще ближе придвинулись, мечи свои подняв. Бросился на них Вел, сразил одного, увернулся от удара другого, подхватил меч убитого и, уже двумя мечами нанося удары направо и налево, стал пробивать себе путь с торга. Ярость его была так велика, что он не чувствовал ответных ударов, не замечал, как течет кровь по груди и спине. Он рубил и прыгал, увертывался и снова рубил до тех пор, пока не потемнело вдруг в глазах и не исчезли куда-то воины, площадь, сверкающие медные шапки и голубое небо над ними.

СОЛЕНОЕ МОРЕ

Открыв глаза и увидев вокруг себя темноту, Вел понял, что находится в стране предков. Хотелось пить, и он пошарил рядом с собой руками. Где-то здесь должна стоять чаша с погребальным напитком. И еда, и оружие должны быть. Но ничего не нашлось. Плохо похоронили Вела, плохо снарядили в дорогу! Да и кто мог позаботиться о нем? Одни враги кругом были. Придется самому и воду, и еду добывать, пока не найдет он родичей в этой темноте, в незнакомой еще стране предков.

Болели грудь, спина, плечи. Вел ощупал себя. Раны стянуло сухой корочкой, жгло, словно угли на них положены. Язык во рту не ворочался. Воды, воды достать надо! Вел повернулся на бок, потом на живот лег, пополз. Что-то холодное за ногу схватило, держит. Дотянулся, пощупал рукой: металлическое кольцо на ноге. Другой конец цепи в каменной стене закреплен. Удивился Вел. Не знает, что и подумать. Кто привязал его за ногу? Разве бывает такое в стране предков?

Тут голоса умерших послышались. И шаги. Свет в глаза ударил. А когда Вел снова открыл их, еще больше удивился: перед ним стоял Безволосый и еще один человек, из тех, которые веревками хотели его связать. Почему они здесь? Вел их не убивал. Может, сами умерли? Или кто другой их в страну мертвых отправил? Поставили перед Велом два глиняных горшка и ушли.

В одном горшке вода оказалась. Вел всю ее выпил. Во втором — еда. Месиво какое-то из муки. Невкусно. Но есть надо. Когда еще родичей тут разыщешь! Поев, Вел думать начал, жилище, в котором лежал, разглядывать. Стены каменные, пол земляной, сам он на куче соломы лежит. В открытые двери часть двора видна. Того самого, где связать его собирались. Вон и стена, через которую он перепрыгнул. Нет, это не страна предков! Вон и сам Длинноносый по двору мимо прошел. Не могли же они все одновременно с Велом умереть! И раны Вела болят, не исчезли. Как он раньше об этом не подумал? Ведь умерший, попав в страну предков, невредимым из могилы встает. Значит, не умер он. Люди города у себя его держат. Потому и цепь на ноге. Конные люди — кафы — к столбу его привязали, а люди города — к стене каменной.

Снова неволя... Сильнее, чем нож в сердце, поразило Вела это открытие. Застонал он, завыл от тоски, словно одинокий волк зимней, холодной ночью. Прибежал Безволосый и еще какие-то люди с бронзовыми ошейниками, как у Крисса. Смотрят на Вела, смеются. Рванулся он к ним, хотел схватить. Цепь не пустила. Из открывшихся ран кровь потекла. А Безволосый стал бить его длинным ременным бичом по лицу, по плечам, по кровоточащим ранам. До тех пор бил, пока сам не устал.

Кончили бить, ушли Безволосый и люди с ошейниками. Один в темноте Вел остался. Чем провинился он перед Смертью? Почему не берет она его? Сколько ран нанесли ему конные люди и городские воины, а ни одна из них не смертельна. Почему живым его оставляют?

Два раза в день приходил к нему человек с ошейником, ставил на землю горшок с мучной болтушкой и уходил, не сказав ни слова. Не трогая еду, ко всему безразличный лежал Вел на мятой соломе. Даже глаз не открывал, когда приходили к нему. Виделись ему родные леса, большое родовое жилище, слышались голоса матери, Бала, сестры. Видел, как встает солнце над лесом, как стаи гусей и уток в светлом небе летят...

День проходил за днем, а Смерть все не шла. И тогда решился Вел на страшное, запретное: сам стал ее звать.

«Смерть, Смерть! Где ты бродишь сейчас, почему следы мои потеряла? Вернись на Торжище городское, у большого столба направо сверни в промежуток между каменными жилищами. Потом еще раз сверни на правую руку. Увидишь большое жилище, каменной стеной обнесенное. Перелезь через нее, мимо колодца пройди. Вход открытый увидишь... Здесь я!»

Но Смерть не шла. Снова и снова звал ее Вел, чувствовал, что совсем близко она, вокруг каменного жилища бродит. А не берет к себе Вела...

Однажды вместе с Безволосым пришел еще один человек в белом, спускавшемся длинными складками одеянии. Высокий и сильный, он смело подошел к «дикому человеку», нагнулся, отомкнул замок на цепи.

Шатаясь от слабости, поднялся Вел на ноги, вслед за Высоким вышел из темного каменного жилища. От свежего осеннего ветра и яркого солнца закружилась голова. Вел оперся о каменную стену, вдохнул глубоко, смерил глазом расстояние до морщинистой шеи Безволосого. Далеко... Да и руки совсем слабы, ноги с трудом держат Вела. А высокий человек, внимательно осмотрев его со всех сторон, вынул из кожаного мешочка пригоршню блестящих желтых кружков, один за другим положил несколько штук на ладонь Безволосого.

— Иди за мной! — по-кафски сказал он Велу.

И Вел послушно пошел вслед за ним. Недоверчиво и настороженно смотрел он на встречавшихся по пути людей. Не верил теперь никому, даже спокойно идущему впереди Высокому. Так дошли они до каменного жилища на самом краю города. С опаской вступил Вел на утоптанную землю просторного четырехугольного двора, обнесенного крепким высоким забором. Не любил он их, эти каменные и деревянные заборы. Зачем делают их городские люди? Зачем себя от всех отгораживают?

Сильно пахло зверями. За прочными деревянными решетками Вел увидел желтые свирепые глаза, рычащие пасти. В темных зарешеченных жилищах сидели звери. Так же, как Вел у Безволосого... В плохое место привел его Высокий! Бежать надо. Но как бежать, если сил нет? Выпрямившись, он показал

рукой на висевший на поясе Высокого большой и широкий нож с костяной рукояткой, сказал по-кафски:

— Ты поступил справедливо: нельзя держать человека на привязи. Теперь вынь из чехла свой нож и убей меня.

Высокий усмехнулся, взял Вела за руку, провел внутрь каменного жилища, показал на сделанное из досок возвышение, устланное звериными шкурами:

— Ложись. Отдыхай!

По зову Высокого пришел юноша с блюдом, на котором была целая гора дымящегося вареного мяса. Потом он же принес горшок с каким-то напитком и еще блюдо — с теплыми, вкусно пахнущими лепешками. Высокий сам есть не стал, всю еду отдал Велу. Внимательно, строго смотрел на него. Есть не мешал. Ничего не приказывал.

Совсем другая жизнь началась с того дня у Вела. Кормили его обильно и вкусно. Окреп Вел, силу в руках почувствовал. Радовался теперь, что Смерть дороги к нему не нашла. Пора и работать начинать. Хватит на постели из шкур валяться, надо роду Высокого помогать.

Но работать Велу не дали. Вместо того заставил его Высокий, которого Теоклом все называли, большой камень с земли поднимать. Сначала один раз, потом два, три раза подряд. И так каждый день. Смеялся Вел: зачем это нужно? А Теокл каждое утро бегать его заставлял вдоль забора. Потом опять камень тяжелый по многу раз поднимать.

Теокл хвалил Вела, руки его ощупывал, по спине хлопал. Волосы отросшие двойным щелкающим ножом подрезал. И кормил сытно. Хороший человек Теокл! Только глупый. Почему Велу настоящей работы не дает? Не хочет Вел зря его пищу есть. Силы у него теперь много стало, а Теокл только камень по многу раз поднимать заставляет. Ну не глупый ли? Сколько ни спрашивал у него Вел, почему настоящей работы ему не дают, тот в ответ лишь смеется:

— Ешь, пей, силу в руках копи!

Хорошо жить у Теокла в роду. Одно плохо: не отпускают его. А домой давно пора. Осень уже наступила. Долгая осень

в этих местах. Очень долгая. Никак Вел зимы не дождется. То выпадет снег мокрый, то растает. Однажды залез Вел на крышу жилища. Посмотрел вокруг, и даже дух захватило: сразу за деревьями, за каменными жилищами небо на землю опрокинулось. Только приглядевшись как следует, понял Вел, что это вода, синяя, как небо, без конца и без края. Много-много воды. Больше, чем в их озере. Может быть, это и есть море? А шум, который давно Вел слышал, от волн идет. Волны на берег набегают, бьются в него. Сбоку, город излучиной огибая, река течет, в море впадает. Очень хотелось Велу к морю пойти, к волнам. Но Теокл не пустил.

И опять день за днем потянулись, мокрые, серые, скучные. То снег, то дождь с неба сыплются, а зима все никак не приходит. Наоборот: все теплей и теплей становится, солнце все выше по небу поднимается. Похоже, что весна наступает. А где же зима? Почему не пришла? Потерялась где-то, заблудилась, наверно. Или в этих местах совсем ее не бывает?

Каждый день залезал Вел на крышу жилища море смотреть. Слушал, как волны шумят. Домой сильно хотел. Нельзя больше в городе жить. В каменных жилищах, среди заборов и стен, дышать нечем, тесно. Убежать отсюда легко. Но как убежишь? Теокл плохо о нем думать будет. Не может его Вел обмануть. Теокл с него цепь снял, заботится о нем, кормит. Нет, надо еще подождать, поговорить с ним, рассказать, как Велу домой, в свой род, в свои леса хочется. Поймет Теокл, отпустит.

Однажды в теплый, погожий день пришел Теокл к Велу, велел раздеться. Вместо кожаных штанов узкую кожаную повязку дал. Повел за жилище, к большой, круглой загородке из крепких, вбитых в землю кольев. Вокруг загородки людей собралось больше, чем на торговой площади. Провел Теокл Вела через толпу, поднял решетку у входа, на огороженный круг вместе с ним вышел. Люди за оградой на Вела смотрят, кричат, свистят, руками размахивают. Когда стихли немного, Теокл на языке людей города говорить начал, на Вела рукой показывая. Опять все вокруг закричали громко. А Теокл, еще раз по плечам Вела похлопав, из загородки вышел, решетку за собой опустил.

Один Вел остался. Люди города за оградой толпятся, на него смотрят, ждут чего-то.

Вот снаружи клетку с пятнистым зверем придвинули. Интересно, зачем тут зверь? Вдруг кто-то поднял решетку. Случайно, наверно, поднял. А зверь тут же и выскочил к Велу. Очень большой зверь. Больше рыси. Глаза желтые, злые. У длинного хвоста кончик от злости подрагивает. Кинулся зверь к ограде. Перескочить хотел. Не вышло. Тогда на людей, что сквозь ограду дразнили его, рычать стал, лапой замахиваться. Отскочили те люди. А зверь вдоль ограды кинулся большими прыжками, выход ищет. Нет выхода. Кругом высокий забор стоит. И тут зверь Вела увидел. Про тех, что за оградой, сразу забыл, глаз с Вела не сводит. Припав к земле, ближе стал подбираться. Вел, не глядя, протянул назад руку:

— Теокл! Дай копье.

Молчит Теокл, за оградой стоя. Нет у него копья.

— Меч дай! Он у тебя на поясе.

Прижался Вел к забору спиной, просунул, не глядя, руку между кольями, ждет, что ляжет сейчас в ладонь холодная, бронзовая рукоятка меча. А зверь все ближе и ближе. Вот уже задние ноги под себя подобрал, к прыжку готовится. Нельзя больше ждать...

— Что же ты, Теокл?!

Повернулся к нему на мгновение Вел, хотя и нельзя было от зверя взгляд отводить. Повернулся и обмер, глазам своим не поверив: стоял высокий, статный Теокл за оградой, сложив на груди руки, вместе со всеми смеялся над Велом.

...Зверь прыгнул, как только человек отвел глаза от него. Но Вел и не видя почувствовал, угадал прыжок, успел выбросить вперед безоружную руку. Духи леса, Духи охоты помогли Велу: направили его руку прямо на горло зверя. Вел сжал его. И второй рукой тоже шею зверя схватил. Чтобы тот когтями задних лап не мог распороть ему живот, выставил перед собой Вел колено, повернул зверя спиной, прижал к себе. Крики толпы, хрип и движения зверя — все слышал, все видел Вел. Руки его все делали как надо, а мысль металась и билась, словно

птица в силке: «И Теокл обманул! И он предал! Нарочно зверя впустил. Нарочно оружия не дал. Люди города собрались, чтобы посмотреть, как пятнистый зверь Вела терзать будет... Разве люди они?!»

Вел наступил на хвост зверя, присев, сдавил коленями его бока. Передние лапы с выпущенными острыми когтями судорожно били по воздуху. Повернутый спиной, зверь никак не мог достать Вела. Но и руки человека не могли преодолеть сопротивление мышц могучей шеи животного. Вел вдавливал пальцы в жесткую шерсть, ждал, прислонившись спиной к ограде, когда зверь задохнется.

Заскрипела подъемная решетка. Теокл, нагнувшись, пролез в ограду. Сейчас Вела уведут. А может быть, выпустят нового зверя. Их ведь много в клетках сидит. И Вел не стал медлить. Бросив задушенного леопарда прямо на грудь Теоклу, он нырнул под решетку, выхватил из ножен у одного воина большой, широкий нож и, нанося удары вокруг себя, вырвался из толпы ненавистных ему людей города.

С ножом в руке бежал он по узким, выложенным каменными плитами промежуткам между жилищами и каменными заборами. Сзади слышались топот и крики преследователей. Где-то там, впереди, манила, звала к себе запахами воды река. Вел бежал к ней напрямик. Горе тому, кто встретился бы на его пути, будь то человек или злобно лающая собака. Но никто из встречных даже и не пытался остановить его.

На берегу реки Вел увидел воинов города, бежавших наперерез слева и справа двумя группами. Сзади тоже приближалась толпа. Не раздумывая, Вел прямо с кручи бросился в воду. Набрав в грудь как можно больше воздуха, он нырнул и долго плыл под водой. Вынырнув, увидел воинов на обрыве и тут же снова нырнул. Быстрое течение несло его мимо стен города, мимо деревьев, мимо камней и зарослей камыша туда, где голубело, как небо, сливаясь вдалеке вместе с ним, бескрайнее, шумящее волнами море.

Город, с его белыми каменными жилищами, отходил все дальше и дальше. Волны качали Вела, то поднимая его, так что

он мог видеть все далеко вокруг, то опуская вниз, и тогда только небо да солнце между двумя вздыбленными гребнями волн видны были Велу. Он лег на спину, дал отдохнуть рукам. Пусть качают его волны, пусть несут подальше от этих белых жилищ, в которых живут люди с черными сердцами... Вода то и дело захлестывала лицо Вела, попадала в глаза, в рот, в уши. Да ведь она соленая! Значит, все-таки правду говорили конные люди. Как много соленой воды! Вел стал ее пить жадно, большими глотками. Но на вкус вода оказалась не очень приятная. В реках лучше. Не хочется пить такую.

Взлетев на гребень, Вел осмотрелся. Его несло вдоль берега. Пустынный берег, обрывистый. Город уже едва виден. Хорошо! Духи моря добры к Велу. Пусть все дальше и дальше несут его волны соленого моря.

Убедившись, что его никто не преследует, Вел рассмеялся. Трусы! Никто не решился прыгнуть с кручи за ним. Трусливы, злобны и лживы люди города. Злобны и лживы конные люди с косичками. Лживы кафы. Лжив язык всех этих людей, лживы слова их, коварны и лживы поступки. Никому не доверится больше Вел. Никому!

Увидев в воде причудливой формы прозрачный комок, Вел взял его в руку. И тут же отбросил. Жжется! А с виду такой красивый. Все здесь такое — с виду красивое, а на самом деле злое, колючее. Опустив лицо в воду, Вел открыл глаза. Глубоко. Дна не видно, хоть вода и прозрачная. Зажав нож в зубах, Вел стал помогать волнам, поплыл не торопясь, рассекая воду широкими взмахами рук. Надо подальше проплыть вдоль берега. Только ночью он выйдет на сушу, только по ночам будет пробираться навстречу Неподвижной звезде, на полночь, туда, где ждут его родные леса. Пусть без соли вернется он, без мехов, без одежды, но зато он расскажет родичам про конных людей и про город, предостережет, научит не верить лживым словам их.

Устав плыть, Вел опять перевернулся на спину, вынул нож из зубов, стал рассматривать свою добычу. Очень хороший нож. Такой, как у Крисса. Нет, лучше. Широкий, крепкий, с двух сторон острый. Рукоятка из бронзы сделана. Между рукояткой

и светлым клинком бронзовая перекладина, чтобы рука, при ударе, на нее опиралась. С таким ножом на любого врага, на любого зверя можно пойти.

Большое черное тело мелькнуло в воде. Вел мгновенно перевернулся, перехватил нож в правую руку. Темные, с человека величиной морские рыбы ныряли и выпрыгивали из воды вокруг Вела. Испугался Вел: очень много этих рыб собралось, совсем рядом ныряют. Если нападут, не справиться с ними. Бросился Вел к берегу плыть. А черные огромные рыбы не отстают, рядом держатся. Не нападают пока. И морды у них не страшные, добрые, даже вроде как улыбаются. А все-таки лучше подальше от них.

И Вел стремительно, но с оглядкой поплыл к освещенному заходящим солнцем берегу.

«РАБ — ЭТО НЕ ИМЯ»

Утренний, только что проснувшийся ветер притронулся невидимыми ладонями к лицу Вела, пригнул высокие стебли трав, волной пробежал по их светлым метелкам. Вел перестал раскапывать нору земляного зайца. Ветер донес до него едва уловимый запах дыма и печеного хлеба, запах жилья. Вел осторожно привстал над высокой травой. Так и есть! В той стороне, куда он шел и откуда сейчас прилетел ветер, виднелись крыши жилищ. Одна, две, три... Пять крыш. Большой род в тех жилищах живет!

Вел снова прилег на землю, крепким, широким ножом принялся дальше раскапывать нору. Но запах хлеба лез в ноздри, дразнил, смеялся над Велом. Жилища людей неудержимо влекли к себе его мысли. Может быть, он сумеет раздобыть там не только хлеб, но и одежду? Плохо ему в одной только набедренной повязке. Правда, кожа его за то время, что он скитался в степях, уже привыкла к жаркому солнцу, стала темной и крепкой. Да и тепло уже стало, лето пришло. Но как без одежды ходить? Нельзя без нее...

Посмотрев на глубоко уже разрытую нору земляного зайца, Вел усмехнулся:

— Хороший, заботливый у тебя Дух-хранитель! Ладно, оставайся живой, заяц. Вел к жилищам людей пойдет, не тронет тебя.

Встав на колени, Вел еще раз внимательно осмотрелся. До жилищ было не меньше десяти полетов стрелы. Вот почему ночью не видел их Вел. И ветер тогда с другой стороны дул. Из всех жилищ только над двумя дымок поднимался. Нет, не так уж много людей в тех жилищах живет. Обернув пучком травы нож, чтобы не блеснул случайно на солнце, Вел взял его в зубы и, пригнувшись, стал на локтях и коленях быстро пробираться сквозь травяные заросли. Ему не надо было вставать и осматриваться, чутье и слух безошибочно вели его к жилищам конных людей. Все слышнее ржание коней, тявканье собак у жилищ. И чем ближе, тем осторожнее полз Вел. Хорошо, что против ветра заходить не надо, навстречу Велу ветер дует, помогает ему, запах Вела назад относит.

Двое конных воинов гнали табун коней от жилищ. Вел лег в траве, стал дожидаться, когда подальше они отъедут. Ближе к Велу кормился еще один конь. Время от времени он поднимал голову, неуклюже прыгал, потом снова начинал кормиться. Вел знал, что это значит. Конные люди, когда пускают коня пастись, передние ноги ему ремнем связывают, чтобы не мог далеко убежать. Значит, где-то рядом должен быть воин, хозяин коня. На коне чехол с луком висит, но воина не видно. Наверно, в траве лежит, отдыхает. Немного в стороне от коня женщины в ряд двигаются, низко склонившись. Делают что-то. Плохо их видно, высокая трава смотреть не дает.

Вел подполз ближе. Вот и конец травяным зарослям. Дальше черное, взрыхленное поле идет. Вел пересчитал женщин. Два раза по пять получилось и еще две. Но они далеко, дальше, чем конь со связанными ногами и воин, у коня отдыхающий. Вот он! На подстилке из шкур бараньих лежит, как Фабан во время ночевок. И одежда у него как у Фабана, и борода, и длинные волосы. Каф это! А женщины все плохо одеты, в лох-

мотьях. Да и не нужна Велу одежда женщин. Ему надо воина этого захватить. Какое копье у него! Наконечник как нож большой — широкий, блестящий. Лежит воин, не ждет нападения. Видно, женщин работающих сторожит. Даже стыдно убивать такого беспечного воина. Вел прикинул на глаз расстояние. Не больше пяти прыжков до него.

Бородатый воин повернулся на своей подстилке, посмотрел на женщин и опять, зевнув, закрыл глаза. Вел ждал. Пусть заснет. Всегда у кафов и людей города так: одни работают, другие лежат, ничего не делая. Сколько уж раз видел такое Вел! И всегда те, что работают, в отрепья одеты, а те, что лежат,— в самые лучшие одежды. Почему так?!

Когда воин захрапел, Вел поднялся, неслышными шагами пошел по мягкой, взрыхленной земле прямо к спящему. Смотрел не на него, а мимо, чтобы тот не проснулся, почувствовав взгляд человека. Вел подошел так близко, что ногой мог наступить на копье воина. Он так и сделал. И тут же крикнул вдруг страшным голосом. Воин дернулся всем телом, вскочил, уставился на Вела круглыми от страха глазами.

Так ничего и не успев понять, ушел кафский воин в страну предков. Оцепеневшие от боевого клича Вела женщины увидели только, как обнаженный большой человек, перешагнув через труп, не торопясь шел к стреноженному коню. С криком кинулись женщины бежать. Вел ждал этого. Пусть кричат. Пусть бегут. Конь, копье, подстилка из бараньих шкур, одежда кафского воина теперь у него. Кто догонит Вела на коне, да еще луком и стрелами вооруженного?

Не дойдя до коня, Вел остановился. Одна из женщин почему-то не убежала. Почему? Вел посмотрел на нее. Волосы светлые, длинные, ноги босые... А! Вот почему не убежала она: на ногах кольца и цепь между ними.

Вел подошел к женщине, нагнулся, потрогал цепь. Короткая. Не только бежать — шагом идти с трудом позволяет. Вел воткнул копье в землю, присел на корточки, перекрутил цепь так, чтобы одно кольцо на другое легло, чтобы одно другое ломало. Нажал. Крепкая цепь. Но и у Вела теперь сила была!

Лопнуло кольцо, разошлось. На каждой ноге по браслету осталось и по обрывку цепи. Встал Вел, посмотрел в лицо женщины, улыбнулся:

— Беги теперь! Иди куда хочешь.

Она откинула волосы, и Вел удивился: совсем молодая, девчонка. А он думал — старуха.

— Куда бежать? Поймают меня кафы.

Еще больше Вел удивился: откуда она язык венов знает? Хоть и не очень правильно некоторые слова говорит. И на женщин его племени похожа. Светлые волосы у нее и глаза синие. Красивая.

— Смотри! — тронула девушка Вела за руку.

Тот обернулся. От жилищ к ним скакали четыре конных воина.

Хитры и коварны кафы. Но и они допускают ошибки. Видя перед собой только одного пешего, обнаженного человека, они захотели поймать его живым. Это их и сгубило. Откуда им было знать, как ловко умеет Вел действовать мечом и копьем, как быстры его движения, как точен глаз и сильна рука? Конные воины ничего не знали об этом. И вот уже двое из них на земле лежат, а двое других, испуганные, подальше отъехали, за черные веревки свои взялись. Но Вел уже хорошо знал эти веревки. Он их тут же мечом рассек, едва его первая петля захватила. Тогда воины за луки взялись, с двух сторон заехали. Плохо стало Велу. Как ни крутись, а не уследить сразу за двумя лучниками. Вот уже одна стрела ему в бедро вонзилась, другая совсем рядом прошла. И не достать ему конных воинов ни копьем, ни мечом. Кружатся они, близко к нему не приближаются, все хотят в ноги Велу попасть, чтобы свалился он. Неожиданно в грудь одному из них стрела впилась. Потом второй воин на шею коня упал со стрелой в спине. Как и когда девушка с разорванной цепью подобрала лук и стрелы убитого кафского воина, Вел не видел, слишком занят был противниками.

Вдвоем с девушкой они быстро подобрали оружие, поймали коней. Вел привязал к спинам животных завернутые в кафские

меховые подстилки копья, колчаны, одежду. Потом, прихватив каждый по луку со стрелами и по ножу в чехлах, оба сели на коней, взяв в повод по второму.

— Едем! — воскликнул Вел, направляя своего черного, как уголь, коня по прежнему пути, на полночь.

— Нет! Туда нельзя ехать. Кафы догонят. Вот сюда ехать надо, на заход солнца!

Видя, что Вел колеблется, девушка подъехала к нему ближе, обтерла ему кровь на бедре, сказала тихо:

— Я знаю. Два раза от кафов убегала. На полночь нельзя ехать. Там степь, воды нет. И спрятаться негде.

Вел думал. Да, эта меткая лучница правильно говорит. Надо к реке, к лесу ехать, если есть они здесь. Но не сейчас, на глазах у кафов, а ночью.

— Ничего. Пусть видят, что мы поскакали не на заход солнца, а на полночь! — сказал Вел и пустил своего коня вскачь.

Когда крыши кафских жилищ скрылись из вида, Вел слез с коня, надел на себя одежду кафского воина. И девушка тоже рубашку кожаную кафскую на себя натянула, сбросив свои отрепья. Дальше поехали рядом, не торопясь.

— Ты кто? Как тебя зовут, какого ты рода и племени? — спросил Вел.— Откуда язык венов знаешь?

— Язык венов? — удивилась та.— Значит, ты вен, а не ивич?

— Да, вен. Наше племя живет там, далеко в лесах,— показал Вел рукой на север.

— Знаю. Вас кожеедами называют! — прыснула в ладонь девушка.— Значит, ты вен. Вот почему ты так неправильно слова произносишь.

— Неправда! Это ты неправильно на языке венов говоришь! — рассердился Вел. Он почему-то не мог прямо смотреть на свою спутницу, все украдкой поглядывал, прячась. Потому и рассердился сам на себя.— Это тебе надо учиться правильно наши слова говорить.

Подавив улыбку, девушка согласно кивнула головой:

— Хорошо. Я буду учиться. Скажи, как правильно произносить твое имя?

— Вел. Не Вель, как ты говоришь, а В-е-л...

— Я поняла: Вел. А меня — Лана.

Вел опять украдкой посмотрел на ее длинные, рассыпавшиеся по спине волосы, на брови, как ласточкины крылья, на смеющиеся губы. И ему стало хорошо. Он усмехнулся добродушно.

— Смелая ты. Ловкая. Из лука метко стреляешь. И красивая. Никогда еще не видел таких.

Лана притворилась, что не расслышала этих последних слов. Повернулась назад, сказала задумчиво:

— Кафы, наверно, уже в погоню за нами пустились...

— Нет. Я их знаю. Ночью спать они любят. Утром каждый возьмет двух коней. Помчатся тогда по нашему следу. Надо запутать их. В лесу следы назад повернем, покружим, не найдут они нас... Я хитрый!

— Да, ты очень хитрый: взял да и вышел прямо из травы! Мы так испугались, я и другие рабыни.

— Рабыни? Тебя же Ланой зовут! Скажи: почему у кафов так много людей с именем Раб и Раба? Я только и слышал везде: Раб да Раб... Даже меня там, в городе, Рабом называли. Путали с кем-то.

Онемев от удивления, Лана широко раскрытыми глазами смотрела на Вела. Поняв, что он не шутит и не смеется над ней, подъехала совсем близко к нему, сказала печально:

— Раб — это не имя. Так называют побежденных в бою, живыми захваченных. Их кормят и заставляют работать вместо себя. Каф может убить раба, или обменять на другого, или за деньги продать... Ты не знал этого?

— Нет... Но ведь такого не может быть! Пленных или убивают, или отпускают на волю.

— Тебя кафы не отпустили? И меня тоже. А когда убежала, поймали и на ноги цепь надели.

Вел замолчал, задумался. Так вот почему Фабан не дал убить его людям с косичками! Он сохранил Велу жизнь, привез в город, чтобы там обменять на те блестящие кружочки, которые деньгами зовутся. А потом Безволосый Теоклу его продал. Но

почему Теокл сначала так хорошо кормил Вела, а потом пятнистого зверя к нему пустил? Зачем?

Спрашивать об этом ему не хотелось. И думать больше ни о чем не хотелось. Хотелось пить. И лечь на траву, вытянуть в покое болевшую ногу. Ранка маленькая совсем, а нога вся распухла. Трудно бока у коня сжимать. А ослабить ноги нельзя, конь может на землю сбросить ослабевшего всадника. Так учили его конные воины Фабана. Конные воины... Раб... Зверь пятнистый... Море... Прохладные соленые волны...

— Что с тобой, Вел? Ты спишь?

— Нет...

— Скоро река. Слышишь запах воды?

— Слышу. К реке ехать надо. Напиться...

Вечерело. Кони, почувствовав близость воды, сами пустились вскачь. Из темноты выплыли черные кроны деревьев. Сильно запахло тиной. Копыта коней зачавкали по влажной земле. Сквозь кусты кони один за другим вышли к реке, опустив головы, начали жадно пить. Вел соскочил, скрипнув от боли зубами. Стоя на одной ноге, нагнулся, захватил пригоршней воду, освежил сухой рот, обтер лицо влажной рукой. В голове прояснилось. Плохо! Хворь на него напала. Забыл он тогда, перед боем, Духов степных одарить. Да и нечем было. Вот и мстят они Велу. Хворь на него наслали. Через рану в бедре она вошла. Надо бы трав поискать, приложить к ране да в укромном месте залечь, ждать, пока Хворь выйдет. Нельзя: с рассветом кафы по следу поедут, догонят, найдут, снова рабами их сделают. Всю ночь надо ехать, следы хорошо запутать. Река небольшая, мелкая. На конях можно прямо по воде скакать вверх или вниз. Лучше вниз, на полдень, назад. Ведь кафы знают, что им с Ланой на полночь надо. Вот и обманем их, в другую сторогу поедем.

Напившись, Вел с трудом влез на коня, первым выехал на середину реки, повернул вниз по течению. Вода местами была глубокой, но чаще они ехали по быстрым и мелким перекатам, подгоняя коней, все время пытавшихся выбраться то на один, то на другой берег. На одной из песчаных кос кони все-таки выско-

чили на берег. С большим трудом Лане и Велу удалось снова загнать их в воду. Плохо: следы остались. Поймут теперь кафы, что вниз по реке беглецы пустились. Это он, Вел, виноват. Коней своих не сдержал.

На берегу реки лес густой, темный. И чудится Велу, что снова в родных местах он. Голос Бала из леса звучит: «Иду, Вел, иду... Держись!» Потом Колдун откуда-то сзади сказал шепотом: «Соль! Много соли...» Прохладная, ласковая рука обняла Вела за шею. Веса, с белым венком на голове, сказала голосом Ланы:

— Потерпи. Скоро приедем!

Лана давно уже заметила, что с Велом происходит что-то неладное. Рана небольшая, легкая, а сидеть на коне не может, обмяк весь. И жар сильный у Вела, горячий он. Неужели стрела с ядом была? Есть у кафов такие стрелы... Если так, то погоня уже не главное. От яда надо Вела спасать! А река все шире, все глубже делалась. Наконец хорошее место нашлось, островок, дубами заросший. Кони вылезли из воды, встряхнулись, сразу же принялись щипать траву. Пусть кормятся. Уложив Вела на подстилку из шкур, девушка с ножом в руке нырнула в кустарник. На запах, на вкус в ночной темноте искала нужные травы. Весь островок на коленях исползала, а нашла то, что нужно. Нажевала одной травы, к ране на бедре приложила, перевязала потуже. Другую траву, истерев на камне, водой развела, заставила Вела выпить. Потом, укрыв его всеми шкурами, что у них были, сняла с коней груз, села верхом на самого рослого жеребца, схватила уздечки других коней и погнала назад, снова по реке, но уже против течения. Стегала ремнем без жалости, торопила, на зарю начинавшуюся смотрела: подожди, не торопись, заря алая! Дай врагов обмануть, Вела спасти. А заря не слушает, все ярче и ярче разгорается, ночь прогоняет.

Гонит коней Лана, хлещет ремнем по их мокрым спинам. Вода от копыт во все стороны брызжет. Еще не вырвалось солнце на волю, когда добралась она до того места, где кони на берег вышли, следы на песке оставили. Тут выехала она из реки, по-

крутилась, натоптала следов еще больше, потом через кусты со всеми конями выехала, пустила их вскачь по привольной степи. Отъехав подальше, соскочила со своего скакуна, сняла уздечки с коней, хлестнула их по спинам: скачите, кони, в степь, уводите погоню от реки, от острова, где ее Вел лежит! Вскинулся вороной жеребец, почувствовав волю, заржал звонко, обскакал вокруг табунка и повел его за собой в степные просторы.

Умчались кони. А Лана, закинув на плечо связку уздечек и поплотнее привязав к ногам обрывки цепей, легким, стремительным бегом пустилась к реке. Но не прямо, не по прежним следам, а далеко стороной от них. Теперь надо было до реки раньше погони добраться, чтобы не видел ее никто. Босые ноги девушки почти не оставляли следов на сухой степной почве. Нет, не заметят кафы то место, где соскочила она с коня. Дальше по конским следам поедут, думая, что за беглецами они идут.

Только в полдень, мокрая и усталая, добралась Лана до островка, где лежал Вел. Шла по воде, чтобы следов не оставить. Вздрагивала каждый раз, как утка взлетит или косуля из кустов выскочит. Все казалось, что кафы ее выслеживают. У островка остановилась, долго прислушивалась, озиралась вокруг. Нет, все тихо, спокойно на заросшей камышом и черно-лесьем реке... Только когда вышла на остров, склонилась над Велом. Живой! Губы от жара иссохли, а лоб мокрый, холодный. Прижалась к щеке, старый рубец от раны на плече Вела поцеловала.

Сняв и расстелив на траве одежду, чтобы просохла, Лана снова пошла за травой, помогающей от кафского яда. Надо часто повязку менять, все время настоем травы Вела поить. Теперь, отведя погоню, она уже ни на шаг не отходила от Вела, не давала ему заснуть, то и дело заглядывала в помутневшие, бессмысленные глаза его, поила настоем травы.

К вечеру у Вела усилился озноб, начались судороги. Лана легла рядом с ним, обхватила руками, согревала дыханием, накинула сверху все меховые подстилки кафов. И все-таки дрожал Вел под ними, как только что родившийся ягненок.

— Не умирай! — шептала ему на ухо Лана.— Не уходи в

страну предков. Вернись! Иди на мой голос... Слышишь? Я здесь, в стране живых. Иди ко мне!

И Вел услышал ее. Он открыл глаза, улыбнулся слабой, беспомощной улыбкой и тут же уснул. Теперь Лана не мешала ему. Знала, что не тот это сон, от которого не просыпаются.

ИВИЧИ

В долгом пешем походе прошло целое лето. Чем дальше продвигались на север Вел и Лана, тем больше деревьев появлялось в степи. Лес рос уже не только вдоль рек и ручьев. Сосновые боры и тенистые дубравы все чаще встречались путникам на открытых травянистых равнинах. Горбатые, круторогие зубры настороженно косились на проходивших мимо людей. Ветер осыпал с деревьев уже начавшие желтеть листья. В рощах и дубравах много было грибов, черных и красных ягод. Зато давно уже не встречали Лана и Вел возделанных полей и глинобитных жилищ кафов. Не встречались им больше и кочевые становища конных людей с косичками. Ничья земля! Даже охотники сюда не заходят. Вот почему для всякого зверя тут раздолье. И зубры, и туры, и дикие кони, и бараны степные огромными стадами паслись на сочных лугах среди перелесков. Повсюду виднелись следы животных. Вел даже смотреть на них перестал. Зачем следы изучать, если сами животные прямо на глазах ходят? Но однажды следы все-таки привлекли его внимание. Шли они широкой, прямой полосой. Дикие табуны коней так не ходят. Люди конные ехали... Полоса следов вела на полночь, туда же, куда путь Ланы и Вела лежит. Прошлым днем дождь сильный шел. А следы не размыты. Значит, после дождя люди ехали. Но запаха уже не осталось, на следах роса лежит. Выходит, ночью ехали люди. Нет, не охотники это. Зачем охотникам ночью ездить? Да и много их слишком. Может, погоня? Но кто же пошлет столько воинов в погоню за двумя беглецами?

— В набег кафы пошли,— с тревогой сказала Лана, словно поняв мысли Вела.— К нашему племени путь держат...

Полоса следов вела прямо к темневшему вдали лесу.

— Они там! — показал на него Вел.— Ночью ехали, днем в лесу прячутся, отдыхают.

— Бежим! Предупредить надо наших. Лишь несколько дней пути нам осталось.

— Разве можем мы обогнать коней?— возразил Вел.— Раньше нас туда кафы придут. А у тебя кольца железные на ногах. Нельзя быстро бежать.

Лане и в самом деле идти было трудно. Железо на щиколотках уже в который раз сбило до крови кожу. Лана подкладывала под кольца кусочки шкур, туго привязывала ремешками бившие по ногам обрывки цепей, но все равно бежать, как раньше, легко и быстро, уже не могла.

— Неужели так и носить всю жизнь это железо?! — не раз спрашивала она.

Но Вел ничего не мог сделать с железными кольцами. Не поддавались они его могучим рукам. Но сейчас Лана и про ненавистное железо забыла. Надо племя свое предупредить. Прав Вел: без коней кафов не обогнать. Хоть умри, а надо коней добыть!

Осторожно, пригнувшись, а то и ползком подбирались Вел и Лана к лесу. Любят кафы вино. Даже в военные походы с собой в кожаных мешках его возят. Но караульные у них зоркие. Заметят в степи людей — все пропало: не только коней не добудешь, самим смерти не избежать.

Когда среди деревьев стали видны привязанные к стволам кони и фигуры неторопливо бродивших воинов, Вел оставил Лану лежать в траве и пополз к лесу один. Копье, лук со стрелами, всю поклажу, что на себе нес, оставил он рядом с ней. Только нож большой взял. Посмотрел на Лану, весело подмигнул ей и уполз, скрылся в траве беззвучно.

Очень хотелось Лане приподняться над высокой травой, посмотреть на кафов, может быть, Вела увидеть. Но она хорошо помнила его наказ, да и сама понимала: даже головы нельзя поднять над травой. Лежать надо. Ждать. Столько ждать, сколько потребуется. До тех пор ждать, пока Вел не придет.

А солнце будто остановилось на небе, никак не хочет спрятаться, в землю уйти. Лежит Лана в траве, на облака смотрит. Плывут облака мягкие, белые, словно взбитая, чистая шерсть с белых овец. Куда плывут? Зачем? Или у них тоже свои заботы есть? Кажется, медленно плывут, не торопятся, а если по земле за ними бежать — не догонишь! Вот бы прыгнуть высоко-высоко, ухватиться за облако и плыть, как на плоту по реке, до самого жилища родного... А Вел как же? Один среди кафов останется? Рассмеялась Лана от глупых мыслей своих. Совсем как девчонка малая! Разве допрыгнешь до облаков? Одни только птицы могут туда подняться. Интересно, почему птицы у самых облаков летают, а никогда не садятся на них? Наверное, потому, что мягкие облака очень, крылья запутаться могут.

— Ой, что же я без дела лежу! — спохватилась Лана.— Надо все вещи собрать, увязать так, чтобы на коней положить их легко и удобно было.

Лежа на боку, осторожно, не пошевелив ни травинки, она принялась за работу. Связав вещи, достала маленький кремень с острым краем, принялась, как уже не раз делала, царапать и скрести ненавистные железные кольца. Из лагеря кафов доносились ржание коней, выкрики воинов. Солнце опустилось уже к самой земле. Кафские воины готовились к выступлению. Стемнело совсем. Вот уже сели на коней своих кафы. А Вела все нет. Вот уже стихли голоса воинов, топота лошадей их не стало слышно. Ушли кафы. Туда ушли, где селения ивичей...

Из темноты вынырнул Вел на коне, держа в поводу другого. Живой, невредимый! Быстро подала ему Лана копье и лук со стрелами, вскочила сама на коня:

— Скачем?

— Показывай путь! — весело откликнулся Вел.

Снова, как в первый день бегства, скакали они рядом по темной ночной степи. Снова, теперь уже не таясь, смотрела Лана на могучего, смелого своего спутника восхищенными, радостными глазами. А сытые, хорошо отдохнувшие кафские кони несли их в обход вражеского отряда по высокой траве мимо темневших то слева, то справа перелесков.

— Кафы меня за своего приняли,— весело рассказывал Вел,— их одежда на мне! Вместе с ними коней поил. Темно. Одного воина отправил я к предкам, а обоих коней его взял. Отвел их в сторону, подождал, пока кафы отъехали, и — сюда! Совсем глупые кафы, ребенок их проведет!

Лана хорошо знала эти места. Не задумываясь, гнала она своего коня через ручьи и овраги, через кустарник и тихие сумрачные дубравы. За ночь покрыли трехдневный путь пеших, обошли стороной кафов. На рассвете дали коням немного отдохнуть, а потом — снова в путь. Наконец выбрались на тропу, что вилась вдоль реки.

— Успели! — облегченно вздохнула Лана.— Вон за той излучиной сторожевое жилье на горе стоит. Выедем из леса — увидишь.

И верно: едва измученные кони вышли на опушку, увидел Вел на другой стороне реки, на высоком месте, небольшое жилище среди старых высоких сосен. На одной из них человек сидел. Заметил их, что-то вниз крикнул. Тотчас из жилья вылезли еще двое. Стали смотреть из-под рук на них с Ланой. Загнанные лошади, стоя на берегу, дрожали мелкой дрожью, тянулись к воде. Вел не пускал их, проваживал. А Лана, зайдя в воду по пояс, кричала на тот берег:

— Кафы! Кафы идут! Зажигайте костры сигнальные!

— Врешь! — ответили с того берега.— Ты откуда такая? Плыви сюда! А парень пускай там остается. Не нужен он нам...

Пока Вел остужал коней, водил их по берегу, Лана переплыла реку. Мокрая и усталая, влезла на крутой холм, откинув с лица волосы, посмотрела на сторожевых воинов.

— Не узнали? Лана я, Гира и Лоды дочка.

— И вправду Лана! Неужто от кафов сбежала?

— А это с тобой кто? Кафа в мужья привела?

— Болтуны! Костры скорей зажигайте. Кафы близко! Сюда идут,— устало проговорила Лана, опускаясь на землю.

Воины бросились в жилище, запалили в очаге палки с сухой берестой, прикрученной на концах, разбежались каждый к заранее приготовленному костру. Над холмом поднялись вверх три

дыма. От смолья и трухлявых пеньков, сверху на костры положенных, пошел густой черный дым. Такой дым далеко виден.

Вел с конями тоже переплыл реку. Он не спешил, разделся на том берегу, чтобы одежду зря не мочить, и теперь спокойно одевался рядом с костром. Воины-ивичи молча, с уважением смотрели на многочисленные рубцы и шрамы, покрывавшие могучую грудь и бугристые плечи незнакомца. Сразу видно, что бывалый воин вместе с Ланой пришел.

Кун, старший из сторожевых воинов, принес из жилища большой закопченный горшок с горячим варевом из кореньев и глухариного мяса. Вел и Лана с наслаждением стали черпать его деревянными ложками воинов.

— После глухариной похлебки жареной медвежатиной угостим! — сказал Кун.— Вчера на Светлом ручье завалили. Матерый! А много ли кафов идет?

— Много,— сказала Лана.— Надо дальние роды на помощь звать.

— Уж послали, наверно. Видишь дымы ответные?

Вдали над лесами в разных местах поднимались темные струйки дыма. Это раскиданные вдоль реки селения ивичей сообщали, что сигнал замечен, что готовятся они к бою.

— Теперь кафов скоро ждать надо,— сказал Кун.— Увидят дымы, поймут, что заметили их, не прячась дальше пойдут, ночи не станут ждать.

— А не могут обойти они нас? — спросил Вел, всегда осмотрительный в делах боя.

— Могут. Только далеко идти надо. Теперь это им ни к чему. Здесь, напрямки, пойдут. Вот два лета назад, когда ее,— кивнул Кун на Лану,— и еще многих кафы увели, удалось им внезапно на нас напасть. Двое воинов тогда на этой горе дозор несли. Да, видно, уснули оба...

Пока Вел и Лана ели и грелись у костра, дозорные вынесли из жилища нехитрые свои пожитки, привели пасшихся на лугу коней, приготовили все к отъезду. Привязанные к деревьям кони вдруг захрапели, забились. Особенно рвались с привязи кони Ланы и Вела.

«А, вот в чем причина! — подумал Вел, увидев, что один из молодых ивичей вытащил из жилища шкуру недавно убитого медведя.— Сильно же кафские кони зверя боятся!»

С трудом успокоив своего коня, долговязый молодой ивич сложил и привязал шкуру вместо седла. А кафские кони Ланы и Вела все никак не могли успокоиться. Пришлось их Велу подальше от других коней отвести.

— Идут! Вот они! — закричал с дерева дозорный воин.— Черную грязь миновали.

— Слезай! — крикнул Кун и пояснил Велу: — Теперь скоро из леса покажутся, прямо сюда выйдут.

Ждать не долго пришлось. На той же тропе, по которой приехали Вел с Ланой, показались передовые кафские конники. Ивичи тоже на коней сели. А кафских воинов все больше и больше выходило из леса. Кун три раза по десять всадников насчитал, а потом сбился со счета, перестал пальцы на руках загибать.

— Поехали, что ли? Больше тут делать нечего...

Один за другим ивичи и Вел с Ланой выбрались на тропу, шедшую по сосновому бору. Вел вдыхал смолистый запах хвои, подмигивал шустрым рыженьким белкам, безбоязненно цокавшим с деревьев на проезжавших людей, радостно смотрел на такой же в точности лес, как и в родных для него местах. Тропа шла по холмам, то приближаясь к блестевшей за стволами сосен реке, то вновь отходя в глубь леса.

Солнце уже середину пути своего миновало, когда выехали наконец на простор. Пологий спуск вел к ручью, пересекавшему их путь. За ручьем тропа снова пошла вверх. Здесь, на открытом месте, раскинулись убранные уже поля ивичей. За ними виднелись холмики жилищ, покрытых дерном, загоны с навесами для скота. На краю селения стояли два конных воина с копьями.

— Свои! — помахал рукой Кун.

Всадники подскакали. Один из них, вскрикнув, бросился обнимать Лану:

— Нашлась! Убежала?

— Это брат мой, Ул! — сказала Лана Велу.— Смотри ты, как вырос!

Вид родного селения опечалил ее. Сколько раз в мыслях своих стремилась на эти луга и жнитва! А увидела — и нерадостно стало. Селение как мертвое: двери жилищ-землянок настежь распахнуты, загоны для скота опустели. Все, что можно, родичи с собой унесли и угнали, спасаясь от кафов. Хорошо, что вовремя успели в Городец уйти. И все-таки тяжело смотреть на покинутое, пустое селение.

Из леса, сзади, выскочили со свистом и гиканьем кафские воины. Рассыпались по лугу и полю. Запылали стожки приготовленного на зиму сена. Маленький отряд ивичей, оставив родное селение Ланы, отступил вдоль реки. На опушке леса остановились, подпустили вырвавшихся вперед вражеских всадников, ударили по ним сразу из семи луков, потом вскачь понеслись по узкой лесной тропе к укрепленному Городцу.

Если бы не видел Вел большого каменного города на берегу моря, то, наверно, подивился бы строительному умению ивичей. Городец поставлен был на высоком, обрывистом берегу реки между двумя глубокими оврагами. За рвом, соединявшим овраги, был насыпан земляной вал, а на нем поставлен крепкий частокол из бревен. И с других трех сторон вдоль реки и оврагов тоже частокол установлен. Ниоткуда к Городцу не подступиться!

Через ров устроен мостик. Едва переехали по нему, воины ивичей раскидали его, крепкими бревнами вход в Городец заложили. Пусть теперь кафы попробуют сунуться. А кафские воины уже по полю перед рвом скачут, видом своим и криками хотят напугать. Все больше и больше их, все новые всадники из леса выскакивают. Но ивичам не страшно: вовремя успели в Городце запереться.

— Было бы вам вчера прийти! — кричали ивичи с вала.— Хмельное питье варили мы. Теперь не осталось.

— Идите сюда, копьями вас накормим!

— Стрелами угостим!

— Спать любят кафы! Проспали дымы сигнальные.

Кафы съехались на середину поля военный совет держать. Потом один подскакал ко рву, вздыбив злого серого коня, прокричал на языке ивичей:

— Дайте нам молодых рабов столько и еще раз столько! — Каф два раза показал растопыренные пятерни обеих рук. — И еще каждого второго быка, каждую вторую корову. Тогда без боя назад уйдем!

— А этого не хотите? — ответили ивичи, потрясая копьями.

Кто-то угрожающе натянул лук, кто-то пустил в кафа камень. Тот огрел коня плетью, умчался к своим. Тотчас кафы начали готовиться к бою. Отъехали всем скопищем вправо, за овраг, спешились, пустили коней пастись. Там, за оврагом, было лучшее пастбище ивичей. Чтобы зря скот его не травил и зубры из леса не наведывались, огорожено оно было с напольной стороны жердями. К реке только в одном месте пологий спуск был, по нему коровы и овцы на водопой ходили. А с других двух сторон пастбища — крутые обрывы.

Стоя на валу среди ивичей, Вел смотрел, что делают кафы. А они разделились на две равные части: одни со стороны пастбища в овраг стали спускаться, другие наверху, на краю оврага остались, луки к стрельбе приготовили. Ивичи, оставив на валу только сторожевых воинов, тоже все перешли к оврагу, встали за частоколом на земляную насыпь. С нее как раз взрослому человеку через частокол смотреть хорошо. А с наружной стороны, где нет земляной приступки, до верха частокола и самый высокий человек рукой не дотянется. Хитро придумано. За такой оградой стоя, удобно врагов отбивать.

Вот закричали, завыли кафы, яростно полезли по крутому склону оврага к стене Городца. А лучники кафские, что на другой стороне оврага остались, начали стрелами частокол осыпать, не дают ивичам из-за него высунуться. Но защитники Городца и не высовывались. Ждали, когда нападавшие через частокол полезут. Тут-то и пошли в дело топоры и колья, дубины и рогатины. Чтобы в своих не попасть, перестали кафы стрелы из-за оврага пускать. Тогда начали ивичи вниз камни бросать, копьями кафов в овраг сбрасывать. Откатились кафы, отступи-

ли. А по частоколу снова вражеские лучники ударили. Всю стену утыкали своими красными с белым оперением стрелами. Но второй раз идти на приступ не решились.

— Теперь или ночью, или на рассвете надо их ждать,— сказал седобородый Тук, старший воин у ивичей.— Пусть встанут сторожевые воины вдоль всего частокола, пусть зорко за кафами смотрят. А женщины еду приготовят.

Целых четыре рода, оставив свои жилища со скотом и домашним скарбом, собрались в Городце. Два больших жилища были битком набиты детьми и женщинами. Воины отдыхали прямо на земле, под открытым небом. За жердевыми загородками густо стоял скот. Собаки, поджав хвосты, озабоченно бегали по лагерю, но между собой не грызлись, понимали, что сейчас не до ссор и драк. Еды в Городце было в достатке. И корма для скота запасено. Хорошо, что большую часть ячменных снопов еще раньше успели обмолотить. Но с водой было плохо: маленького родничка внутри ограды только людям на питье хватало. Скотина же стояла непоеная. Что же будет через несколько дней, если не уйдут кафы?

А кафы к вечеру снова собрались на поле перед Городцом. На пастбище за оврагом только нескольких воинов оставили коней сторожить. А все остальные за рвом костры развели, сели вокруг них, начали пить и есть. Вел то на них, то на пасшихся за оврагом коней смотрел. Дикие кони у кафов, пугливые...

— Эй, Кол! — окликнул он высокого парня, с которым вместе ехали от сторожевого жилища.— Ты шкуру медведя не бросил?

— Нет. Здесь она.

— Дай ее мне.

— Зачем?

— Неси, неси. После узнаешь.

Только старому Туку рассказал Вел о том, что задумал. Мудрый, бывалый воин одобрительно усмехнулся:

— У тебя, парень, и руки крепкие, и голова не пустая. Иди, пробуй! Возьми с собой сколько надо воинов.

— Они помешать могут. Один пойду.

— Как знаешь. Но к реке тебя Кун с Колом проводят. Там спуск крутой, а ты тропинки не знаешь.

— Тогда еще Ула дай, брата Ланы.

— Бери. Он рад будет.

Ул и в самом деле обрадовался, что такой сильный и смелый воин с собой его взять захотел. Куда и зачем, Ул не спрашивал. Не годится воину нетерпеливым и любопытным быть. А разве он не воин, если его на тайное и опасное дело берут?

БИТВА

Духам неба жаль стало ивичей. Видели они, как горели с таким трудом выращенные и собранные хлеба, видели, как разорялись жилища, как бежали к Городцу женщины с детьми на руках, чтобы укрыться за рвом и валом. Видели Духи и могучую силу кафов. Много их, вдвое, втрое больше, чем ивичей. Да к тому же все они на конях. А у ивичей коней совсем мало. Потому и нахмурилось небо, темными тучами себя и луну закрыло. Для того это, чтобы легче было Велу задуманное исполнить, ивичам крепко помочь. Главный воин Тук молодого бычка не пожалел, Духам неба, ветра и туч кровь его отдал. Просил, чтобы темной и тихой была эта ночь, чтобы запах далеко было слышно. Приняли Духи дар Тука, сделали все как надо: тихая и темная ночь на землю пришла.

Четыре тени бесшумно скользнули от частокола вниз по галечной круче к темной реке. Ни один камушек не скатился, не загремел. Первым вдоль берега пошел Кун, за ним Вел со шкурой медведя на плече. Был он совсем голый, только нож большой висел на ремне. Сзади неслышно ступали Ул и Кол с копьями. Миновали устье оврага, под береговой кручей прошли. Вот и место для водопоя. Здесь, у пологого спуска, Кун остановился, прошептал на ухо Велу:

— Тут тебя ждать будем.

Вел снял с плеча не успевшую еще высохнуть сырую шкуру медведя, расправил ее, натянул на себя, прикрыв голову пус-

той головой зверя. Раскрытую пасть и дыры от глаз так приладил, чтобы смотреть было можно. Ничего не сказав на прощание, встал Вел на четвереньки и медленно пошел в гору. Подивились ивичи искусству чужого воина: будто живой, настоящий медведь в гору лезет, даже головой покачивает, из стороны в сторону поводит, словно принюхивается...

Взошел в гору Вел, огляделся, начал к табуну лошадей подкрадываться. Ближе и ближе табун. Вот один конь тревожно голову поднял, втянул ноздрями воздух. Вот второй, третий перестали траву щипать. Еще чуть поближе... Теперь пора, уже все кони встревожились, чуя запах зверя. Поднявшись во весь рост, Вел вскинул когтистые лапы, заревел по-медвежьи. Тут как раз луна из-за туч выглянула, осветила его. Завизжала от страха молоденькая кобылка, в ужасе шарахнулась в самую середину табуна, вскинулась на дыбы. И тотчас весь табун с места сорвался. Давя и кусая друг друга, кони ринулись к ограде. Наткнувшись на нее, повернули, очумело помчались прямо к оврагу, к невидимому в ночной тьме обрыву. А огромный медведь гнался прыжками следом, ревел во всю глотку. Увидев овраг, передние кони хотели повернуть, но задние, обезумев, били их копытами, сталкивали с кручи и сами валились туда же, ломая хребты и ноги. Кафские сторожа с копьями наперевес кинулись на медведя. А тот вдруг ударился оземь, и встал на том месте не медведь, а голый, освещенный луной человек.

— Оборотень! — закричали кафские воины и побежали что было сил прочь. А вслед им неслась дикий, нечеловеческий хохот...

Подобрав шкуру, не спеша спустился Вел вниз к поджидавшим его товарищам.

— Нет больше у кафов коней! — сказал он.— А без коней они воины слабые.

Сияющими глазами смотрел на него Ул. Как хорошо, что сестра выбрала себе в мужья этого чужеродного воина! Как хорошо, что он всегда теперь будет с ними рядом.

Нападение «медведя» дорого обошлось кафам. Больше половины коней потеряли они этой ночью. До утра ссорились и дра-

лись между собой, пытаясь отыскать и вывести со дна оврага уцелевших при падении лошадей. А ивичи на слух в темноте разили их стрелами.

Утром снова собрались кафы на военный совет. Кричали и спорили долго. А тут из-за леса вылетели вдруг конные воины ивичей. Впереди в распахнутой ветром накидке мчался всадник с длинным копьем в руке.

— Яр с дружиной пришел! — закричали ивичи и бросились через ров бить растерявшихся кафов.

Много их, бесконных, полегло в этот день на широком поле перед Городцом. Только те, у которых уцелели их быстрые кони, смогли скрыться, уйти назад, в степи.

А на поле перед Городцом, едва кончилась битва, победный пир начался. Принесли котлы и дрова, костры запалили. Кто раненых перевязывал, кто быков и баранов для пиршества свежевал. Девятерых погибших воинов, при всем оружии, омыв от крови, на самое почетное место ивичи усадили: пусть со всеми победу празднуют, пусть видят, как радуется их племя.

Сам Тук каменным топором (старик не любил бронзовых и железных новинок) ударил жертвенного быка по лбу. Тот упал как подкошенный. Подскочил молодой воин с ножом, пустил кровь из широкого бычьего горла. Тук большую деревянную чашу подставил. С чашей дымящейся крови подошел старый воин к Священному развесистому дубу, щедро окропил его ствол жертвенной кровью.

— Будьте и дальше милостивы к нам, ивичам, Духи войны и победы! Примите хвалу от нас!

Потом подошел к павшим воинам, из той же чаши каждому губы кровью помазал.

— Сегодня ночью уйдете вы в страну предков. Скажите им, что отбили мы набег кафов, что по-прежнему сильны наши воины. Пусть спокойно живут они в стране мертвых, не беспокоятся за племя свое. А вас хорошо мы в последний путь снарядим. Каждый коня получит. И мяса, и меда с собой дадим, и оружие ваше. Чтобы не было у вас ни в чем недостатка, когда в страну мертвых придете...

Поклонился покойникам Тук, чашу с кровью у ног их поставил. Сели рядом с убитыми их жены, сестры и матери. Обнимать стали, говорить с ними. И плачут и гордятся своими близкими, что за племя и род свой раньше срока к предкам ушли. Молчат мертвые воины. Закрыла Смерть их уста, тайным словом неподвижными сделала.

Сидят мертвые воины на почетном месте у главного костра, безжизненными глазами на поле, на лес, на небо и тучи смотрят. А вокруг них пир победный идет, резные деревянные чаши с хмельным медом из рук в руки ходят. Над углями целые туши быков и баранов жарятся, луком лесным и солью щедро приправленные. А пока не поспело горячее, угощают женщины воинов копченой рыбой, солеными грибами, моченой брусникой в меду. Все громче разговоры вокруг костров. Кто старыми, кто свежими ранами хвалится, спорят между собой, Духов и предков в свидетели призывают.

Больше всех пил и куражился молодой и кудрявый Яр — предводитель конных воинов племени. В легкой накидке из куньих шкурок поверх кафского боевого доспеха, плотно облегавшего его широкую грудь, ходил он с чашей от костра к костру, и везде встречали его приветственными возгласами. Заигрывал Яр с девушками, шутил, смеялся, лучших воинов из своей чаши угощал. Подошел он и к Велу.

— В обиде я на тебя!

Стоял Яр перед Велом, посмеивался, уперев руку в бок. На губах улыбка, а глаза как у коршуна — желтые, злые. И не поймешь, то ли шутит Яр, то ли вправду на Вела сердится.

— Перенял ты, воин чужого племени, кафского предводителя. Мой он был. А ты раньше успел. Будь славен, воин! Выпей из чаши моей.

Встал Вел, взял из рук Яра чашу резную, с хитро закрученными держалками, усмехнулся:

— Видно, не очень спешил ты, если пеший быстрее тебя, конного, с предводителем кафским управился.

Засмеялись сидевшие и стоявшие вокруг ивичи, но тут же

спрятали ухмылки в густые бороды. Дерзок, смел этот пришлый парень. Не знает, видно, с кем говорит.

А Вел выпил всю чашу до дна, протянул ее Лане, чтобы снова наполнила.

— Теперь ты выпей, предводитель. Не любят вены в долгу оставаться.

— Смел ты, воин. Смел и силен. Иди в дружину ко мне!

— Когда для племени нужда настанет, приду.

— Сейчас иди. Кончим тут пировать, по другим селениям поедем. Жизнь у нас, у дружинников, вольная!

Удивился Вел: скоро снег ляжет, новых набегов до весны ждать нечего. Зачем же постоянную дружину держать, зря кормить столько ртов? По родовым селениям воинам расходиться надо. Там работы сейчас хватит.

— Молчишь? — усмехнулся Яр.— Смотри, в другой раз звать не буду.

И пошел не спеша, высокий, плечистый, к другому костру.

Долго пировали ивичи. Еще одного быка зажарили. Мальчишки от реки таскали свежую, только что пойманную рыбу. Женщины снова и снова хлебные зерна мололи, лепешки пекли. Наконец Тук поднялся, к вечерней заре руки простер, еще раз слова благодарности Духам войны произнес, потом повернулся к людям:

— Пора добычу делить!

Юноши привели кафских коней. Оружие, одежду, доспехи — все на пять равных частей старики разделили: по одной части каждому роду, пятую — конной дружине Яра. Так всегда, исстари, делалось. Но тут Яр вышел вперед, подняв руку, властным голосом произнес:

— Люди! Почему кафские воины неожиданно нападают? Потому что у каждого из них по два коня. Сегодня они здесь, а завтра — далеко в другом месте. Коней они на ходу меняют. А у моих воинов только по одному коню. Вот почему и к вам мы так долго добирались. Хорошо, что все-таки вовремя прискакали. А в другой раз и опоздать можем. Надо, чтобы каждый воин моей дружины по два коня имел. И еще скажу: почему

кафы в бою сильны? Потому что у них самое лучшее оружие. Каждый из них и топор, и нож, и копье имеет. А у меня в дружине кто с железным топором, а кто и с каменным или с рогатиной старой, дедовской... Самое лучшее оружие надо дружине отдать!

Сказал Яр и к дружине вернулся. Воины его крик подняли:

— Правильно Яр сказал!

— Лучшее оружие нам отдайте!

— И коней тоже.

Тук и старшие воины четырех родов сами понимали, что правильно Яр сказал. Надо, чтобы дружина сильной и быстрой была. Но ведь и самим надо от врагов отбиваться! С чем роды останутся? Не так уж много железных топоров у них есть да и копий хороших. Про коней и говорить нечего — как без них роду прожить? Долго спорили и ругались между собой ивичи, наконец приняли такое решение: каждому воину дружины по второму коню дать, у кого хорошего копья и топора боевого нет, тоже из общей добычи выдать. А что останется — на четыре части по числу участвовавших в битве родов поделить.

Воины Яра тут же самое лучшее оружие себе выбрали, самых лучших коней в сторону отвели. По три коня захудалых да по пять топоров после того на каждый из родов осталось. Совсем обозлились ивичи. Тут кто-то про коней Вела вспомнил: почему они на дележ не поставлены? Тук сказал, что те кони в другом бою Велом взяты, без помощи ивичей. Но его и слушать никто не хотел. Стали и этих двух коней делить. Вел молчал. А Лана не вытерпела:

— Стыдно вам, родичи! Разве не Вел кафского предводителя убил, разве не он ночью коней кафских в овраг загнал? А вы, вместо того чтобы часть добычи ему отдать, еще коней у него забрать хотите!

Опустили головы Тук, Кун и еще несколько ивичей. Стыдно им было. Но другие по-иному судили. Со всех сторон сердитые, злые выкрики понеслись:

— Ты, девка, молчи! Не твоего ума дело.

— Мы бы и сами с предводителем кафским управились!

— И коней кафских он зря загубил. Сейчас бы вон их сколько было у нас!

Плюнул с досады Вел при этих словах, ушел за вал, в Городец. Л ивичи, закончив дележ, начали собирать своих павших воинов в последний путь. Тут же на месте битвы и пиршества выкопали девять ям. Потом привели девять коней в уздечках и со звериными шкурами на спинах. Глиняную посуду принесли и еду. Жердей натаскали из леса. Сделали из них в ямах небольшие жилища без крыш.

Закричали, заплакали женщины, прощаясь с уходящими сыновьями, мужьями, братьями. Воины отстранили их, подняли тела погибших и понесли от места пиршества к их новым жилищам. Как сидел мертвый воин на пиру, так и лег на бок в могилу, будто уснул после множества выпитых чар. Рядом с каждым кувшин с водой поставили, лучшие куски мяса положили, копья, луки, ножи — все, что понадобится воину, когда снимет с него Смерть заклятье молчания и снова поднимется он для жизни в неведомой стране предков.

— Вот,— сказал Тук,— каждому из вас даем по коню. Юноши, подведите коней к могилам, пусть запомнят их воины, чтобы сразу узнать потом. Когда станут нужны вам кони, к себе позовите их. А пока пусть ваши кони у нас побудут, пусть пасутся вместе с другими, силу на сочной траве набирают. Юноши, уведите коней!

Настилом из крепких жердей закрыли сверху каждую могилу. Плотно закрыли, чтобы звери лесные — барсуки и лисицы — не проникли к ним, не потревожили сна умерших. А сверху землей засыпали. Много земли натаскали. Каждый, и старый и малый, всю ночь носил землю. Кто в совке деревянном, кто в пригоршнях. До самой зари носили, большие кучи земли над могилами насыпали.

Когда взошло солнце, старый Тук приказал:

— Снова костры разжигайте! Проводим в дальний путь братьев и сыновей наших. Готовьте еду, женщины, несите вино и мед.

Второй после битвы день начался новым, погребальным пи-

ром. А Вел и Лана сидели в это время на берегу тихой, спокойной реки, слушали доносившиеся сюда печальные погребальные песни. Им не хотелось идти на пир.

— Железные кольца на ногах до самых костей вгрызлись. Снять их хочу! — жаловалась Лана, тесно прижавшись к Велу.

Вел молчал, только еще плотнее укутывал ее в теплую кафскую накидку, сшитую из бараньих шкур. Не знал он, что с железными кольцами делать. Не может он железо сломать. Сколько раз пробовал.

— В тайном месте, в лесу,— нашептывала Лана,— старый колдун живет. Никто не знает дороги к нему. Раз в году приходит он в наши селения, приносит ножи, наконечники для стрел из железа. Только он может кольца с моих ног снять. К нему надо идти.

— Завтра же пойдем в лес искать его,— сказал Вел.— Попроси у родичей зерна и соли, в путь приготовься. Найдем мы того колдуна!

— Ты найдешь, Вел, я знаю...— доверчиво улыбнулась ему Лана.— Ты все можешь, ничего не боишься.

Наутро Лана и Вел по уже наведенному мосту вышли из Городца. Их сопровождал Ул с конем, на котором лежала поклажа. У свежих могил и Священного дуба понуро стояли под мелким моросящим дождем быки, коровы, овцы. Тут же толпились воины Яра и поселяне.

— Что они делают? — спросил Вел.

— Скот делят,— сказала Лана.— С каждого рода Яр по быку, по две коровы и по пять овец берет.

— Почему? За что?

— За то, что от кафов спас.

Вел остановился, хотел что-то сказать, да так и остался стоять с открытым ртом. Такое удивление было у него на лице, что Лана расхохоталась. А он рассердился:

— Не хочу у ивичей жить! Не останусь у вас. Глупые вы, сами у себя скот отнимаете. Разве Яр и его воины не из вашего племени? Разве не все ивичи наравне с ними против кафов дрались?

Вел пошел было дальше, но к ним подбежал молодой воин из дружины Яра.

— Предводитель тебя зовет!

— Нет войны сейчас! — сердито ответил Вел.— Не должен я больше исполнять приказы предводителя. Если нужен ему, пусть сам подойдет.

Недобрая улыбка тронула губы Яра, слышавшего эти слова. Погладив светлую, курчавую бородку свою, не спеша подъехал он к Велу.

— Куда путь держишь, воин? Что гостил мало? Или еда наша не по вкусу пришлась, по вареной коже соскучился?

Гневно сдвинулись брови Ланы, а стоявшие вокруг воины засмеялись. Вел же насмешки не понял. Забыл он, что ивичи их, венов, кожеедами называют.

— Идем мы в лес,— спокойно ответил он.— Колдуна искать вашего. Пусть железные кольца у Ланы с ног снимет. Еда же у вас хорошая. И по коже я не соскучился. Ее только во время большого голода люди едят. О чем еще спросить хочешь?

В цепких ястребиных глазах Яра отразилась растерянность. Что сказать этому странному парню? Глуп он как пень или хитер чрезмерно? Никак на ссору его не вызовешь. Да и стоит ли с таким ссориться?..

А Вел ясным, чуть презрительным взглядом смотрел на него и ждал новых вопросов. Что надо этому человеку? Почему мысли прячет? Почему и он, и Фабан, и Теокл, и Безволосый, и даже многие ивичи между собой постоянно враждуют? Неужели из-за вещей, из-за коней и быков, из-за этих баранов мокрых?

Вел повернулся, молча пошел в лес. И Лана за ним, и Ул с конем. На опушке Вел снял поклажу с коня, перекинул себе через плечо.

— Поезжай назад, Ул. Дальше мы с Ланой одни пойдем. Пусть не думают ивичи, что их коня с собой Вел забрал.

Попрощались брат и сестра. Поехал назад Ул. А Вел и Лана по густому темному лесу пошли. Куда — оба они не знали. Зато хорошо знали, за чем идут. Надо им, обязательно надо разыскать колдуна, что железом повелевал.

СВОЕ ЖИЛИЩЕ

Тяжкие думы мучали Вела. Лежа у костра, он смотрел, как прыгают отблески огня на стволах деревьев, слушал знакомые, понятные голоса леса. Вот филин вдалеке ухнул, сова засмеялась человеческим голосом. Вот белка с дерева уронила шишку. А это мышь тоненько пискнула. Совсем рядом, с другой стороны костра, слышится мерное дыхание спящей Ланы. Хорошо спит она, тихо. И в лесу тихо, спокойно. Совсем по-домашнему потрескивают сучья в огне. Некого здесь бояться. Никто не может напасть на них с Ланой. А сон не идет к Велу. Лежит он, как спящий, закрыв глаза, а сам все думает, думает... То Бала вспомнит, то теплое море соленое, то встречу с Ланой, то недавнюю битву с кафами.

Хорошо могут жить люди города и степных племен. Всего у них много. А живут плохо. Одни объедаются до тошноты, другие голодными ходят. Для одних — каменные жилища красивые, для других — клетки звериные. Одних на носилках носят, других плетьми бьют. Почему так? Разве нельзя всем жить одинаково, по-братски, как у них в племени? Вот и Лана, хорошая, добрая Лана, не понимает его, сердится. «Ты смелый и сильный, сразу несколько воинов победить можешь. На охоте больше других дичи всегда добываешь. Поэтому и доля твоя должна быть больше». Вот как она говорит. А зачем Велу большая доля? Разве могут они вдвоем съесть все, что он добудет? «Можно впрок заготовить, на другие нужные тебе вещи обменять: на бронзу, железо, соль, украшения для меня...» Так Лана ответила. Знакомые слова... Кто еще ему так говорил? Крисс! Когда Вел с Балом на Торжище собирались. Он тогда амулет для добывания огня попросил у Крисса. Пропал этот амулет. В день, когда Бал погиб, забрали амулет конные люди. Хорошо, что теперь у Вела новые кремень и кресало для добывания огня есть. А Крисс тогда те же самые слова говорил, что и Лана теперь твердит. Может быть, в самом деле лишние вещи менять надо? А женщины, дети, старики с чем останутся, если Вел начнет добычу свою себе оставлять? Уф! Даже жарко

от стыда Велу стало. Никогда такого не будет. Никогда!

Вел повернулся на другой бок, подставил спину огню и, успокоенный своим решением, незаметно уснул.

Немало дней прошло с тех пор, как они с Улом простились. В глухие места зашли, а никаких следов Повелителя железа не встретили. Лана все грустней становилась. Уже не собирала она на ходу грибы и ягоды, не угощала ими Вела. На остановках отходила в сторонку, долго возилась со своими ногами, перевязывала их полосками мягких шкурок. По запаху Вел знал — загноились ноги у Ланы. Однажды, перед тем как тронуться с места ночевки, он подошел к ней, решительно размотал с ног повязки.

— Почему молчала об этом? Ноги погубить хочешь?

— Нет, Вел. Я могу идти... Могу!

— Иди! — усмехнулся Вел.— Иди, я посмотрю.

Не охнув и не поморщившись, встала Лана на ноги. Только лицом побелела, а подняла все-таки свою поклажу, пошла вперед. Вел снял у нее с плеча узел, бросил на землю рядом со своим тяжелым тюком.

— Можешь, правильно. Только никуда ты больше не пойдешь.

Расстелив кафскую кошму у костра, он посадил на нее притихшую Лану, прикрыл сверху второй кошмой. Потом собрал много хворосту, часть его подбросил в огонь. Все так же молча, сердито взял топор, принялся рубить тонкие березки и елочки, очищать с них сучья. Вбив получившиеся колья в землю вокруг Ланы, он сдвинул вершины их вместе, связал прочным ремнем. Затем густо покрыл остов шалаша корой и еловым лапником, сложил рядом с Ланой вещи, принес из болотца горшок с водой, хворост для костра поближе подвинул. Потом, засунув за ремень кафский железный топор, взяв копье и лук со стрелами, сказал Вел:

— Надо лучше место найти. Сухое. И еды запасти надо. Сиди тут, жди.

«Нет, он не покинет меня!» — радостно подумала Лана, и ей сразу стало теплей и уютнее в маленьком шалаше. Даже боль в ногах утихла. Сучья и хворост Вел положил так удобно, что она, не вставая, могла добавлять их в огонь. Согревшись и успокоившись, Лана достала из кожаного мешка беличьи шкурки, бронзовую иглу, клубок ниток из жил сохатого и принялась шить совсем маленькую меховую рубашечку. Счастливая улыбка то появлялась, то исчезала и опять появлялась на ее осунувшемся лице.

Вел вернулся только на другой день вечером, когда из-за деревьев стали уже выползать ночные тени. Он бросил у костра освежеванную тушу кабана, посмотрел на Лану. Проворно спрятав шитье, она на четвереньках подобралась к костру, положила на угли свежую кабанью печень, щедро посыпала ее солью и обложила нутряным салом. Усталого охотника надо прежде всего накормить. Пока жарилась печень, Лана быстро и ловко нарезала ломтями мясо с задней ноги кабана и тоже положила его на угли. Охотнику нужно много есть. Сама она не чувствовала голода, но тоже съела кусок печени. Тому маленькому охотнику, что стучался у нее внутри, тоже надо сытно кормиться.

Наевшись, раскрасневшийся, усталый, но довольный, Вел лег у костра на кошму, весело посмотрел на жену.

— Хорошее место для жилища нашел. Не очень далеко отсюда. Ручей, берег песчаный, сухой. И дичи вокруг много. Завтра пойдем туда. Жилище построим. Жить будем в нем, пока колдуна твоего не найду. Здесь он где-то! Ямы я видел, человеком выкопанные.

С этого дня с головой ушел Вел в хозяйственные заботы. С рассветом, еще не поев, брался за железный кафский топор, валил высокие тонкоствольные сосны на новом месте около веселого чистого ручейка. Землю копал на крутом берегу ручья, колья вколачивал. Работал не разгибая спины, не чувствуя усталости. Зима торопила. Да и соскучился он, стосковался по

настоящей, полезной работе. Не все же боевым топором размахивать!

Выпавший было снег снова растаял, обнажив красные и желтые листья, густо устилавшие землю. Выкопав на скате песчаного бугра четырехугольную выемку, выходившую прямо к ручью, Вел вбил по ее углам четыре крепких кола и уложил за них жерди. Промежуток между землей и жердями плотно забил мхом. В стене жилища оставил отверстие для входа, а повыше — оконце для дыма. Сверху жилище накатом из бревен накрыл, потом пластами коры, а затем много земли накидал. Готово было жилище. Со стороны посмотришь — просто бугор земляной. А внутри на песчаном полу теплая и мягкая лежанка устроена: снизу лапник еловый, поверх — трава сухая, а потом уже кафские войлоки и подстилки из шкур. Надежное, теплое и сухое получилось жилище. Лана ему нарадоваться не могла. Камни для очага Вел долго в лесу да по берегам ручья искал. Не очень хороший получился очаг, не как дома, но тепло и от этих камней будет.

Когда все было готово, Вел принес от костра хворост и головню, чтобы огонь в очаге зажечь. Но Лана испуганно замахала на него руками:

— Ты что? Не в лесу костер зачинаешь — в жилище! Для жилища надо настоящий, Очажный огонь добыть.

И верно. В новом жилище и огонь должен быть новым, рожденным в его стенах. Очажный огонь — хранитель семьи, защитник рода. Как мог Вел забыть об этом? А Лана вот не забыла. Вел с уважением посмотрел на нее. Совсем другая стала Лана с того дня, как он начал строить жилище. В спокойную, властную хранительницу очага превратилась. Вот и теперь выгнала его из жилища, приказала все нужное для рождения огня принести.

Пришлось опять Велу ходить по лесу, искать подходящее дерево. Найдя сухую сосну, Вел свалил ее, отрубил от ствола короткую чурку, расколол на доски. Одну из них обтесал гладко, принес в жилище. Придирчиво осмотрев доску, Лана ножом отколола от нее дощечку поменьше, а от той еще и брусочек то-

ненький. Так по обычаю требовалось: из одного куска дерева три вещи сделать — большую нижнюю доску, маленькую верхнюю и круглую палочку с заостренными концами. Стружки все Лана рядом с собой сложила: пищей для нового огня будут. Сделав из хворостинки небольшой лук с тонким ремешком вместо тетивы, Лана строго посмотрела на Вела:

— Уйди из жилища, охотник...

Вздохнув, Вел выбрался наружу под мелкий и тихий дождик. Когда совсем маленьким был, видел он, как мать и другие женщины Очажный огонь добывали. Долго крутили они тогда деревянную палочку, пока из-под нее дымок не пошел. Вот и сейчас Лана тоже деревянную палочку крутит, нужные заклинания говорит. Трудно одной. А помочь некому: нельзя мужчине на рождение огня, как и на рождение ребенка, смотреть. Долго сидел Вел около жилища. Наконец дымком запахло. Вот из оконца он показался, гуще и гуще пошел. Откинулась шкура, закрывавшая вход в жилище, показалась до пояса обнаженная, с растрепавшимися волосами Лана. Подняла руки к небу, голову запрокинув, торжествующе крикнула:

— Родился! Родился Новый Огонь!

— Пусть никогда не угаснет он в нашем жилище! — встав, поспешно произнес Вел полагающиеся слова. И только после этого понял по-настоящему, что принял на себя нелегкое бремя главы рода. Это главе рода полагалось так говорить. А что делать, если никого из мужчин старше Вела здесь нет? «Хорош род! — усмехнулся про себя Вел.— Всего двое: я и Лана. Правда, скоро и третий будет».

И верно — тяжелую заботу взвалил на себя Вел. Очажный, родовой огонь не то, что походный. С тем просто: когда надо — разжег, когда захотел — погасил. А этот нельзя гасить. С ним и род весь угаснет...

Еще раз вздохнув, поднял Вел топор, с силой вогнал его в березовую колоду. Много, ох как много понадобится пищи новорожденному огню! Вот ведь как вышло: сложил Вел очаг для того, чтобы меньше дров жечь, а получилось, что их еще больше теперь понадобится. Все Лана. Разве нельзя было простым, по-

ходным огнем обойтись? Но так уж всегда бывает: каждой женщине хочется свой Очажный огонь иметь, хозяйкой, старшей матерью быть у него.

Хорошо, когда у одного очага сразу несколько семей вместе живет. Людей много, а огонь один, легко ему пищу добывать. А если в роду один только мужчина? Разве успеет он столько дров заготовить? И охотник одинокий всегда меньше дичи добудет, чем много охотников. Зачем же Лана отдельное жилище иметь хочет, свой, только свой Очаг в нем держать? Говорит, что у них в племени обычай такой. Да, Вел видел: у ивичей каждая семья в своем отдельном жилище живет. А на охоту, на ловлю рыбы, хлеб сеять или убирать все вместе выходят. Конечно, в большом селении так еще можно жить, а каково будет им с Ланой, если вокруг на много дней пути никаких людей больше нет? Как переживут они эту зиму? Ведь никаких запасов у них не сделано.

А Лана как будто даже рада была, что они вдвоем с Велом остались. Ничто ее впереди не пугало.

— Разве муж мой плохой охотник? Или дичи мало в этих местах? Не страшно, что ушли уже на полдень кабаны и олени. Лоси в лесу остались, медведи в берлогах. А глухарей и тетеревов сколько! Пусть ловушек наделает Вел, силки на зайцев поставит. Много ли им на двоих мяса понадобится?

— А дрова? Если на охоту часто ходить, дров наготовить я не успею...— ворчал Вел.

— Дров могу и я нарубить. Вон сколько деревьев засохших. На все у женщины ответ найдется!

Несмотря на больные ноги, Лана теперь ни минуты не сидела без дела. С рассвета и до темна ползала по пригоркам, собирала ягоды. Красную, спелую бруснику замачивала в сделанных Велом берестяных ведрах. Без ягод нельзя зимой — зубы выпадут. Вытапливала она и кабанье сало из последнего добытого Велом кабана. Сливала сало в горшок. Разрезав на тонкие ломти, сушила впрок мясо. Два кабаньих окорока повесила под потолок, в дым, коптиться. А по вечерам, при неровном свете огня, неутомимо шила зимнюю одежду. Из широких кафских

накидок, сделанных из баранъих шкур, выкроила она сначала Велу, а потом и себе что-то вроде длинных рубашек с дырками для головы. Рукава к ним приделала. Чем не одежда? И тепло, и удобно.

Вел любил эти долгие зимние вечера. В очаге огонь красными языками дрова лижет, склоненное над шитьем лицо жены освещает. Снаружи, за шкурой лося, закрывающей вход,— холодно, ветер, снег мокрый. А в жилище тепло, уютно. На стенах из жердей топоры и ножи повешены, рядом с Велом на подстилке два копья лежат, остриями в сторону входа направленные. Лана шьет, Вел лежит отдыхает, думает, что завтра днем надо сделать. И на охоту надо, и дрова рубить, и ловушки расставить, пока снег еще не глубокий. И про железного колдуна не забывал Вел, хотя Лана, казалось, совсем смирилась с обрывками цепей на ногах. В домашней работе они не очень мешали ей. Ноги заживать начали.

С каждым днем Вел теперь все дальше и дальше уходил от жилища во время охоты. Лоси сторóжкие стали, близость людей почуяли. Все-таки выследил он два лосиных стада, заметил, где они кормятся, где ночуют. Потом, в середине зимы, все это пригодится. Нашел Вел и речку с бобровой плотиной. В нее тот ручей впадал, на котором жилище стояло. Бобры на зиму никуда не уходят. Много их на речке живет. Вот и будут у Ланы шкурки бобровые. А мясо бобров очень вкусное! Заприметил Вел и берлогу медвежью, и норы барсучьи. Легче на сердце стало: может, и в самом деле переживут они зиму без голода?

В один из своих походов поднялся Вел вверх по бобровой речке. В самых ее верховьях перед ним открылось обширное болото. Из болота речка та вытекала. Вел вспомнил, что около этого болота, только с другой его стороны, видел он выкопанные человеком ямы. Посередине болота возвышался заросший лесом большой бугор. А над ним — чуть заметная струйка дыма. Или это показалось ему? Ветер в другую сторону дует, не поймешь: то ли дым это, то ли Дух болотный Вела обманывает. Совсем уже назад уходить Вел собрался, а тут вдруг:

Дон, дон, дон!..

Удары не сильные, но звонкие. Такой звук, когда металлом по металлу бьют. Спрятался Вел за дерево. Стоит слушает, смотрит. А от бугра снова эти же звуки: дон, дон, дон! Дон, дон, дон!.. То замолкнут удары, то снова слышатся. И дымок то появится над лесом, то совсем пропадет, словно и не было.

Время к полудню подошло. Есть захотелось. Вынул Вел из-за пазухи кусок вареного мяса, потихоньку жевать его начал. А сам все смотрит и слушает. Вот наконец совсем смолкли удары. Потом из леса на бугре человек показался. Плохо идет, медленно. Так старики ходят. Спустился человек к болоту, нагнувшись, взял что-то. Назад пошел. На середине подъема остановился, на камень сел. Отдыхает. Да, очень старый тот человек. Один живет. Был бы еще кто, зачем тогда старому за водой ходить по крутой горе? Не иначе это и есть тот колдун, который железо делает. Нашел все-таки его Вел! Теперь надо к Лане бежать, рассказать ей все, посоветоваться, как лучше к колдуну подойти, как подружиться с ним.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ЖЕЛЕЗА

Трудна, безрадостна старость и человеку, и зверю. Хочешь топор схватить, ударить крепко в торец бревна, чтобы надвое оно развалилось. Хочешь и знаешь как, а рука не слушается, словно никогда она и не взмахивала топором, не вгоняла его с размаха в толстую березовую колоду. «Совсем я стал таким, как тот лось!» — горько подумал Гур и, бросив топор, присел на ствол только что с великим трудом срубленного им дерева.

Вспомнились Гуру дни, когда впервые пришел он на этот остров, горбом выпиравший среди топкого большого болота. Давно это было. В частом, тогда еще молодом сосняке увидел он лежавшего крупного лося. Замахнулся копьем, но огромный зверь даже головы не поднял, только посмотрел лиловыми мудрыми глазами на человека. Не страх, а гнев на мгновение вспыхнул в них и тут же погас, уступив место глубокому безразличию. Старый лось умирал. Умирал не побежденный ни-

кем — ни голодными волками в долгие снежные зимы, ни свирепым шатуном-медведем, ни яростными соперниками лосями в осенних битвах.

Гур принес ему охапку травы и осиновых веток. Лось поднял голову, но тяжесть небывалых по размеру рогов вновь пригнула ослабевшую шею. Тяжкий, горестный вздох вырвался из груди зверя.

Он так и умер, тот лось, одинокий и гордый, не приняв пищи из рук человека...

Подняв топор, Гур бережно положил его на ствол дерева, медленно поднялся, нетвердыми, трудно дающимися шагами пошел в тот самый, высокий уже сосняк собирать сухие сучья. Не одолеть ему сегодня поваленное дерево, придется опять отложить главную работу. Сколько сил, сколько времени уходит впустую! Но без пищи, без дров, без воды не прожить.

Вздув в очаге огонь, Гур опять сел передохнуть. Надо было еще сходить к яме со снегом, где хранилась тушка попавшего в силок зайца, потом за водой к колодцу. За водой ходить особенно трудно: под гору надо идти, к болоту.

Время уходило, как сухой песок между пальцев, а главное дело его жизни все еще не было сделано. Железо, найденное им на этом болоте, никак не хотело быть упругим и твердым. Тот восточный мудрец, у которого он, бежав с галеры, долго работал подручным, так и не раскрыл свой секрет. Многое перенял у него Гур, многому научился тайком, по догадке, но главного секрета так и не узнал. Что надо сделать, чтобы не тупились лезвия откованных из железа топоров и мечей? Чего только ни делал Гур, каких только способов ни перепробовал, тайна железа не раскрывалась. А ведь оно, добытое Гуром железо, совсем такое же, как и у чернобородого, с гладким безволосым черепом Шурбанипала. Может, и в самом деле знал тот тайное слово? Может, напрасно Гур пробует вот уже многие годы разные способы ковки, окунает раскаленное железо то в кровь, то в сало, то в воду? Кажется, нащупал он то, что искал, близко уже к тайне добрался. Топоры его, Гура, работы рубят лучше, чем каф-

ские. Но с теми мечами и топорами, которые делал Шурбанипал, им не сравниться.

А время уходит. И силы уходят. И некому передать то, что сумел постичь за долгие годы труда, лишений и одиночества. Думалось раньше: открою тайну железа, вернусь к людям, покажу, научу, передам все, что узнал. Пусть родное племя станет могучим и сильным. Не вышло... Люди своего же племени сторонились его. Ушел мальчишкой, вернулся из чужих земель почти стариком. Бродил по лесам, но добычи не приносил. Землю копал в разных местах, в печах ее жег... Вот и попал в колдуны! И хотя многих родичей от болезней избавил, считали его не добрым, а злым колдуном: жил неведомо где и делал неведомо что.

Гур усмехнулся, встал с высокого, им самим придуманного деревянного ложа, устланного мягкими шкурами, и, взяв большой глиняный кувшин, направился за водой. Спустившись к колодцу, он чуть не вскрикнул от неожиданности: на воткнутом в снег шесте висела выпотрошенная тушка зайца. Сначала Гур подумал, что это он сам приготовил зайца и забыл про него. Ему уже случалось забывать то, что делал он накануне. Но его заяц в ледяной яме лежал нетронутым. На шесте висел второй, не им добытый, не им ободранный заяц. И тогда Гур испугался. Первым его движением было повернуться и бежать назад, в жилище. Он отвык от людей да и не любил их, хотя раз в год приходил в селения ивичей, чтобы обменять изделия из железа на хлеб и одежду. Но здесь, на бугре среди болота, никто, кроме него, еще не бывал.

Как в молодости, Гур быстро, настороженно осмотрелся вокруг. Нет, тишина и покой над заснеженным болотом. И дорожка следов по нему. Взгляд Гура погас, плечи согнулись. «Кто-то принес мне охапку травы и осиновых веток!» — подумал он горько, зачерпывая воду.

— Но я еще не так слаб, как тот лось! — сказал он вслух, чтобы ободрить себя. Он привык говорить сам с собой за долгие годы одиночества. Взяв зайца и почему-то повеселев, Гур направился к своему жилищу.

...Через день на шесте появилась пара ощипанных и выпотрошенных тетеревов. Прошли день, ночь и еще одна ночь, и Гур нашел у колодца уже не глухарей, а целую тушу молодого лося. Туша была подвешена и разделана по всем правилам охотничьего искусства. Человек, принесший ее, хорошо знал свое дело. А что это был один человек, Гур без труда распознал по следам. Почти до вечера пришлось ему провозиться, заготовляя впрок принесенное мясо. Зато наутро Гур без забот мог вернуться к любимому делу. Нажимая ногой на палку, прилаженную к козьей шкуре, он раздул огонь в каменном очаге, засыпал в него крупный березовый уголь. Дон, дон, дон!..— застучал молоток по небольшой наковальне.

Работая, Гур всегда открывал двери, чтобы легче дышалось возле огня. И он сразу почувствовал, что в открытых дверях жилища кто-то стоит, загораживая собой свет. Не оборачиваясь и продолжая стучать молотком по раскаленной пластинке железа, спокойным голосом Гур произнес:

— Не надо больше приносить мяса. Принеси воды.

Человек бесшумно исчез. «Он молод,— подумал Гур,— потому что движется быстро. Он понимает наш язык, значит, он из нашего или близкого к нам племени. Он силен, потому что один издалека принес тушу лося. Он боится меня, потому что пришел не сразу, а сначала задабривал подарками. Я ему нужен, потому что он охотно побежал выполнять мое приказание».

Свет в дверях снова загородила тень человека. Гур повернулся. Перед ним стоял высокий парень с чуть пробивающейся курчавой бородкой, с длинными светлыми волосами, в кожаных кафских штанах и кафской же длинной куртке. Взгляд у него был открытый и чуть-чуть напуганный. «В первый раз меня видит, а побаивается! — подумал Гур.— Значит, слышал обо мне, знает, что к колдуну пришел». Он перестал раздувать угли, бросил раскаленную железку на земляной пол жилища, положил клещи на наковальню. Заметив, с каким интересом парень следит за каждым его движением, Гур усмехнулся в дремучую бороду: «Глаз у парня живой, цепкий, понятливый. Надо его к себе приручить».

— Садись! — показал на врытую в землю чурку и сам сел на такую же, стоявшую немного поодаль. «Нет, не ивич он. И не каф,— думал Гур, разглядывая парня.— Урсул? Нет, скорее, пожалуй, вен. В лесу давно живет, одежда во многих местах порвана, но зашита. Женской рукой зашита».— Почему жену с собой не привел?

У парня удивленно вскинулись брови. «Угадал, значит!» — усмехнулся в бороду Гур.

— Сейчас приведу! — кинулся к выходу парень.

— Постой. Завтра ее приведешь. Чего на ночь глядя идти? Путь не близкий...

И опять усмехнулся Гур, видя, как совсем уже ошалело посмотрел на него парень. Но тот лишь одно-два мгновения смотрел растерянно. Потом и на его губах появилась улыбка.

— Ну, это-то и я мог бы угадать! Дело не хитрое: было бы близко, ты дым жилья по утрам видеть бы мог.

Тут уж Гур не выдержал, рассмеялся открыто. Нравился ему этот парень. «Вот и есть теперь кому мое дело продолжить!» — решил он, даже и мысли не допуская, что тот может не согласиться влезать в темное, пугающее людей железное таинство.

И Вел согласился. Особенно после того, как в один из последующих дней Гур на глазах у него маленькой зазубренной пластинкой аккуратно, хотя и медленно, перепилил ножные кольца Ланы.

С замиранием сердца следил Вел за тем, как наливался красным цветом кусок железа, как менял форму под умелыми, точными ударами молотка, как рождались из него или наконечник стрелы, или нож, или игла, или шило. Гур не хотел лукавить, напускать на любимое дело таинственность, подобно Шурбанипалу. Он не очень-то и верил в заклинания. Иной раз, увлекшись работой, забывал говорить эти мудреные, непонятные слова, а железная вещь, глядишь, еще лучше тогда получалась. Он учил Вела не заклинаниям, а ковке железа, показывая, до какого цвета нужно его нагревать, как в воде закаливать.

— Подожди,— говорил Гур Велу,— придет время, покажу

тебе, как из тяжелой красной земли железо добывать надо. И как уголь березовый выжигать, тоже научу. Все тайности тебе передам.

Так проходили дни. А вечерами Вел рассказывал Гуру и Лане про жизнь в его родном племени, про поездку на Торжище, про то, как отправились они с Балом урсулов разыскивать, как по Большой реке плыли. Про вероломство конных людей, про каменный город на берегу теплого моря, про несправедливые, плохие обычаи тех людей рассказывал Вел. Гур слушал, кивал головой, надолго задумывался. Но сам ничего не рассказывал про то, где побывал и что видел. Зато много и охотно говорил про железное дело. Говорил, где надо тяжелую красную землю искать, как ее мельчить и просеивать, как вместе с углем в печь, сложенную из камней, закладывать, как дутье делать. Вел запоминал. Но волновало его другое.

— Скажи,— донимал он Гура,— почему в одном племени люди по-разному живут: одни, работая, голодают; другие ничего не делают, а только жиреют от чрезмерного количества пищи? Почему одни люди других палками и ременными плетями бьют, а те терпят? Почему у одних все есть, а у других ничего нет? Ведь одного племени эти люди! Ты мудрый, Гур, ты все знаешь. Объясни, почему так?

Молчал старый Гур, вздыхал, скреб рукой дремучую бороду. Но однажды достал из-под шкур в углу жилища завернутый в промасленную кожу невиданной красоты чехол с камнями разноцветными, вытащил из него дивный, сверкающий меч. Потрогал лезвие загрубевшими пальцами, погладил клинок любовно, подал Велу. Тот даже думать не мог, что такие мечи бывают. Смотрел и глазам не верил.

А Гур вынул свой нож железный, ударил мечом и ножом друг по другу. На лезвии ножа глубокая зарубка осталась, а на светлом мече и следа никакого!

— Видишь? Теперь попробуй сломать его,— сказал Гур, снова передавая меч Велу.— Видишь: гнется, а не ломается! Сколько врагов с таким мечом ты один победить можешь?

— Много! — уверенно сказал Вел.— С таким мечом много

врагов победить можно. Ни один воин против меня не устоит, даже самый-самый сильный.

— Значит, не будет в твоем племени, когда ты вернешься туда, человека сильнее и могущественнее, чем ты?

— Да! — с гордостью сказал Вел.— Если ты дашь мне этот меч.

— Дам. И ты станешь таким же, как Яр. Все будут бояться тебя. Сами отдадут тебе лучшую часть добычи, станут тебя хвалить, выберут своим вождем. И скажут тебе: защищай нас, а мы будем тебя кормить. И разленишься ты на всем готовом, и станешь таким, как Фабан, о котором рассказывал, а потом таким, как тот Безволосый, станешь...

— Не будет этого! — в ярости закричал Вел.— Врешь ты, старик!

Опустил голову Гур, сказал печально:

— Вот, не стал ты еще вождем, а уже кричишь на меня. То ли будет, когда власть над людьми почувствуешь!

Надолго запомнился Велу этот разговор. Особенно горько было ему, когда в конце зимы умер совсем одряхлевший Гур. Никак не мог простить себе Вел этого крика. Стыд жег ему сердце. «Правильно Гур сказал,— не раз возвращался он мыслями к тому случаю, оставаясь один в лесу,— разве Яр не потому стал предводителем, что сильнее других он в своем племени? Но почему нельзя и сильным быть и не стать таким же, как Яр? Можно! Я таким никогда не стану. Да и родичи не согласятся на это. Они не ивичи, не станут платить за свою защиту».

Охотясь, Вел присмотрел большую, но не дуплистую, крепкую телом осину на берегу бобровой речки. Гур говорил, что речка эта впадает в другую реку, ту самую, на которой ивичей племя живет. А река ивичей впадает в еще бóльшую реку. Течет та река на полдень, к теплому морю, и плыть по ней надо против течения, если хочешь к племени своему добраться. Долго, целых два новолуния надо по той большой реке плыть, до самых верховий. Когда она совсем узкой станет, бросив лодку, через болота лесом по затескам надо идти. Там другая речка на пути встретится. Снова лодку построив, по той реке надо плыть.

Но теперь уже вниз по течению, потому что на полночь река та течет. Она-то и приведет Вела к озеру, у которого его племя живет.

Пора, пора домой пробираться. Вторая зима проходит с тех пор, как Вел с Балом родное жилище покинули. Теперь, после смерти Гура, зачем им с Ланой тут оставаться? Одно только мучило Вела: как по Большой реке против течения плыть? Много времени на это уйдет. Может, лучше напрямую лесами идти? Но у Ланы маленький сын на руках, а Гур столько ценных вещей оставил Велу, что на себе не унести их. Топоры железные, клещи, молоток, наконечники копий... А земля, из которой железо делают? И ее надо нести. Бросишь — как потом узнать, такая земля или нет будет им найдена? Сравнить не с чем. Да еще украшения всякие из железа, чаши бронзовые литые Гур подарил Лане. Разве согласится она их бросить? Нет, без лодки не обойтись.

И Вел начал строить большую лодку. Работа над ней требовала не только времени, но и умения. А Вел сам никогда еще лодок не делал. Только смотрел да помогал старикам. Но без лодки нельзя. Значит, надо пробовать. Пусть не очень удачная, а должна у него получиться лодка.

В солнечный теплый день, когда с крыши землянки Гура стали падать первые прозрачные капли, Вел, захватив с собой два лучших топора, отправился к выбранной осине. Влажный, подтаявший снег до самой земли проваливался, но Вел нарочно шел напролом, без снегоступов, радуясь своей силе и той неуемной жажде двигаться, действовать, которая всегда вместе с весной к людям приходит. Он только взмок, но совсем не устал, проложив в снегу глубокую тропинку от острова Гура до леса, стоявшего у Бобровой речки. Подойдя к выбранной им осине, Вел еще раз осмотрел ее всю, сказал, запрокинув голову:

— Не сердись на меня, осина! Для дела тебя беру. Хорошая, большая лодка Велу нужна.

Мягкая, податливая древесина легко пускала в себя топор. Когда солнце подошло к половине своего дневного пути и Лана с сыном на руках принесла Велу еду в горшке, завернутом в ли-

сью шкуру, ствол дерева уже лежал на снегу и вершина его была отрублена. Сидя на толстом бревне, Вел торопливо глотал горячее варево, а Лана, присев рядом с ним, смотрела веселыми, радостными глазами на мужа, на густо устилавшие снег пахучие щепки, на стоявший вокруг точно голубой дымкой подернутый лес, на розовое, с круглыми щечками лицо спящего сына.

— А может, в наше племя вернемся? — спросила она осторожно.

Вел перестал жевать. Помолчал. Потом снова принялся за вкусное варево. Опорожнив горшок до дна, он сказал как давно и бесповоротно решенное:

— По обычаю муж к жене в жилище приходит. И я бы пришел. Но в твоем племени люди справедливость забыли. Одним — много, другим — ничего. Так нельзя жить.

И Лана смирилась. Она и сама возмущалась Яром. И разве Вел был ей не дороже всего племени ивичей? Глаза ее не погрустнели от решения мужа. Она все так же радостно смотрела на лес, на пахучие осиновые щепки, на сына, и ей не хотелось уходить отсюда, возвращаться в старое, закопченное жилище Гура. А Вел, кончив еду, стал очищать кору с дерева, сильными, точными ударами стесывать бревно на концах, придавая ему очертания лодки. Быстро, сноровисто работал Вел, но к вечеру успел только корму и нос обтесать. Лана давно ушла к жилищу, а он все стучал и стучал топором.

Лишь на третий день лодка приняла свои настоящие очертания и внутри и снаружи. Только борта ее были еще очень толсты. Теперь предстояло самое трудное. Надо было так оскоблить и выжечь изнутри челн, чтобы днище и борта стали потоньше, но сохранили достаточную прочность. На это ушло еще четыре дня. Наконец все было готово. Вел принес из жилища несколько крупных камней в мешке, развел большие костры с обеих сторон лодки. Пока камни грелись в огне, набросал снега в лодку. Потом, палками выкатив из огня камень, кинул его в лодку. Снег зашипел, брызгая каплями и пуская кверху пар. А Вел второй камень, зажав палками, бросил, потом третий. Остывшие камни снова в огонь кидал. Снег в лодке таял, вода нагревалась,

а Вел все бросал и бросал камни да еще успевал нагревшиеся от костров борта лодки водой смачивать. Древесина распаривалась, мягчела. Вгоняя одну за другой поперечные распорки, Вел расширил борта лодки, потом вставил вместо прямых распорок заранее приготовленные дуги из крепкого можжевельника. Они, как ребра у туловища, не давали бортам сойтись. Четыре таких ребра-упруга поставил Вел: два посередине и два ближе к корме и носу. Лодка была готова. Вел перевернул ее, вылил на снег остатки горячей воды. Облако пахучего пара взметнулось вверх. Вел поднял вслед за ним руки, крикнул вдогонку:

— Лети, Дух осины, на волю! Это я, Вел, из дерева тебя выпустил. Помоги мне за это. Береги лодку, пусть она плавает долго!

Присев на край горбом выпиравшего пня, Вел стал ждать, пока лодка остынет. Был полдень. От догоравших костров тянуло теплом. Сильно пахло дымом и распаренной древесиной. Тишина наступила. Вот, упав, шишка сосновая стукнула по суку. И опять так тихо в лесу, что шевельнуться нельзя — тишину вспугнешь. Вел и не шевелился. Сидел, слушал, ждал. И услышал, дождался: под снегом, где-то под берегом речки, тоненько, едва уловимо зажурчал крохотный ручеек. Снег начал таять!

Радостно пискнула синица, пролетая над Велом. Где-то забормотал, словно серосонок, тетерев. Сквозь кроны деревьев солнце теплой ладонью погладило лицо Вела, заставило быстро закрыть глаза. Да, вовремя Вел лодку сделал. Весна приближалась. Третья по счету весна с тех пор, как оставил он родное жилище.

СТРЕЛА В СПИНУ

Правильно говорил Гур: вспухшая от весенней воды Бобровая речка вынесла лодку Вела и Ланы из бескрайних болот в те места, где ивичи жили. Пять дней плыли Вел и Лана среди высоких сосновых боров. Потом плыли по залитым водой лугам,

мимо заросших дубами холмов и глубоких оврагов с не растаявшим еще снегом. На восьмой день выбежала лодка в широкое русло другой реки, что поперек их пути текла, с восхода на заход солнца. Лана сразу эту реку узнала: это была ее родная река.

— Только Городец и род мой там, выше по течению, остались,— пояснила она.

Сидевший на корме Вел усмехнулся, покосился на сына, на тщательно завернутый в шкуры глиняный горшок с горячими углями, сказал добродушно:

— Здесь теперь род твой. Сама ведь так захотела...

— А я не собираюсь назад возвращаться! — задорно возразила Лана.— Где хочешь, там и выбирай место для поселения. Хоть на этой, хоть на другой реке. Нашему роду везде хорошо!

Вел промолчал, направил челн вниз по течению реки ивичей, подгреб ближе к берегу.

— Середина дня давно миновала. Надо еду готовить, место для ночлега искать.

Немного времени спустя нашлось то, что надо: широкая поляна на сухом, хотя и не высоком берегу, заводинка удобная, чтобы лодку поставить. Здесь и пристали. Выйдя на берег, Вел заметил, что по поляне тропа идет конная. Обрадовался: по ней от селения к селению ивичи ездят. Значит, с людьми можно встретиться, поговорить. Давно уже Вел никого, кроме Гура и Ланы, не видел, соскучился без людей.

Как подумал он, так и вышло. Не успела в костре первая охапка дров прогореть, как послышался топот копыт и из леса выехали два всадника.

— Сытости и здоровья вам! — крикнул первый из них, приветственно поднимая руку.

— И вам того же! — ответил Вел, жестом приглашая всадников ближе к костру.

То были знакомые Велу воины из дружины Яра. Оба в кожаных рубашках и штанах, в длинных, почти до колен, безрукавках из козьего меха, они ловко соскочили с коней, стреножив, пустили их бродить по поляне с только еще начинавшей проби-

ваться зеленою травкой. Один, что пошире и погрузнее, с выбитым левым глазом, узнав Лану и Вела, сгреб их обоих за плечи, обнял, рассмеялся раскатисто:

— Помню, помню как ты вождя кафского с коня сбил! Вроде еще здоровее стал? И борода выросла! Это хорошо, это славно!

Второй воин, высокий и тонкий, молча присел к огню. Одноглазый же, балагуря и похохатывая, устроился поудобнее, по-хозяйски протянул ноги к костру.

— Чего здесь с лодкой сидите? Или в роду твоем что случилось? — спросил он молодую женщину.

— Что в прежнем моем роду, того я не знаю. Давно оттуда,— степенно, как и полагается хозяйке очага, ответила гостю Лана.— У меня теперь свой род. Вот начало ему!

И она с гордостью подняла высоко вверх туго спеленатый меховой сверток, из которого выглядывало розовое личико ребенка.

— Ишь ты! — удивился Одноглазый.— Так это, выходит, не походный, а Родовой огонь? — кивнул он головой на костер.

— Родовой!

— Ишь ты... Это хорошо, это славно.

И Одноглазый уважительно подобрал под себя ноги.

Лане и Велу хотелось поговорить, разузнать у приехавших новости, но нельзя же начинать разговор, не накормив сначала гостей. И Лана, быстро и ловко выпотрошив щуку, лежавшую на дне лодки, торжественно поднесла ее к костру.

— Что это у тебя? — оживился вновь Одноглазый.— Щука? Это хорошо, это славно! Щуку надо с чермень-травой печь. Не знаете, что за трава такая? В еловом лесу растет, кисленькая, листочки мелкие...

Лана давно уже засыпала щуку перемешанной с раскаленными углями золой, а Одноглазый, то и дело сглатывая слюну, продолжал учить ее, как щуку готовить:

— Надо ей, щуке, брюхо вспороть да вместо кишок чермень-травой набить. Да в золу ее, зубастую, закопать, да горячими угольками сверху засыпать и ждать, пока подрумянится.

Потом на другой бок повернуть. А когда глаза у нее белыми станут — спеклась, значит, щука. Есть ее пора начинать...

Пока щука, хоть и без чермень-травы, пеклась в горячей золе, Лана достала из лодки кожаный мешок с запасами. Каждый получил по одной копченой, обмазанной жиром тетеревиной тушке, еще зимой заготовленной в предвидении большого похода.

Веселый и разговорчивый гость сразу замолчал, только и слышно было, как на крепких его зубах хрустели птичьи косточки. И второй воин, по имени Вьюн, угрюмый и молчаливый, тоже жадно впился в своего тетерева. Видно, давно не ели оба, проголодались. Вел удивился: в лесу дичи полно, под дубами, что на опушке стоят, вся земля кабанами изрыта. Может, некогда Одноглазому и Вьюну на охоту сходить, спешат куда-то?

Пока ели тетеревов, уже и щука была готова. Лана разделила рыбину на части, дала каждому из мужчин по большому куску. Горячее, белое рыбье мясо разваливалось в руках, обжигало. Оба воина довольно урчали, заглатывая его и сплевывая себе за спину, не в сторону Родового огня, мелкие рыбьи кости. Наконец насытились оба. И Вел тоже отложил то, что съесть не успел. Настало время для разговора.

Икнув и вытерев руки о кожаные штаны, Одноглазый начал рассказывать. Оказалось, что половину зимы дружина Яра в Городце жила. Поначалу на туров и кабанов охотились, медведей с берлог поднимали. А когда снег глубоким стал и туры с оленями и кабанами к теплым местам ушли, начали воины домашних коров и быков резать. Когда всех съели, распустил Яр дружину. Разбрелись воины по родам своим. Теперь же, когда снег стаял, велено им опять в Городец собраться. Вот они с Вьюном и едут туда. В родах запасы кончаются, не только гостей, себя кормить нечем стало.

— Врешь,— прервал Одноглазого его молчаливый товарищ.

— Чего вру?

— Есть запасы...

— Может, и есть! — согласился Одноглазый.— Может, просто не хотят селяне кормить нас. Забыли, кто их от кафов спас.

Ну и ладно. Вот подсохнет земля, в набег нас Яр поведет. Там откормимся!

И Одноглазый, довольный теплом, сытостью и собственным остроумием, захохотал утробно, раскатисто.

— На кафов в набег пойдете? — спросил Вел.

— Нет. Зачем на кафов? К ним пойдешь, может, еще и сам не вернешься! — И Одноглазый, совсем развеселившись, захохотал еще громче.— В другие места пойдем. Хочешь с нами? Яр тебя помнит.

— Нет. Не пойду с Яром. Разные пути у нас с ним. К себе в род я иду, к племени своему. И Лана со мной.

— Зиму как прожили? — серьезно спросил Одноглазый, но тут же не выдержал, подмигнул озорно Лане, державшей ребенка: — Вижу, вижу! Чего тут и спрашивать. Хорошо, значит, жили. Сытно.

Посмеявшись вместе с Одноглазым, Вел не спеша принялся рассказывать про Гура, про то, как снял тот железные кольца с ног Ланы, как научил Вела железо на огне греть до красного цвета, а потом по нему, мягкому, ударяя, делать разные вещи. Напрасно Лана делала страшные глаза и изо всех сил мигала ему. Вел не понимал, чего она хочет от него, зачем за рукав дергает.

— Что ты мигаешь? Или глаз засорила? Я правду рассказываю. Разве не так все было?

И Вел, подведя гостей к лодке, стал показывать им подаренные Гуром железные вещи. Потом и меч свой невиданный показал. Из чехла его вынул, остроту лезвия дал им пальцем попробовать. Радовался Вел, видя, как удивляются воины. И все новые чудеса им показывал. Дубовые, толщиной с руку, сучья перерубал одним махом, солнечные лучи мечом ловил и в глаза пускал воинам. И не мог понять Вел, почему все больше мрачнели гости, почему жадной, неуемной завистью зажегся вдруг единственный глаз Одноглазого, почему насупился и без того мрачный Вьюн.

Долго молчали гости, у огня сидя. Потом переглянулись между собой, отошли к коням, поговорили о чем-то. Вел у кост-

ра спокойно сидел. Вдруг вспрыгнули оба воина на коней своих, вскинули руки с копьями и прокричали грозно:

— Бойся нас! Слышишь, Вел? Бойся!

Вел мог бы схватить лук, пустить стрелу в вероломных гостей. Закон разрешал это. Но он лишь смотрел оторопело на всадников. Разве он плохо их принял? Разве не накормил досыта? Чем заслужил он такую обиду? Почему люди, только что гревшиеся у их огня, евшие и хвалившие их пищу, вдруг объявляют себя его смертельными врагами? Почему?!

В ярости вскочил Вел на ноги, выхватил из ножен свой сверкающий меч и крикнул вслед удалявшимся воинам:

— Эй ты, одноглазый трусливый барсук! И ты, кишка молчаливая! Я поймаю вас обоих живьем, распорю ваше брюхо и набью его чермень-травой. Бойтесь меня!!!

Одноглазый и Вьюн не стали более дожидаться и, угрожающе потрясая копьями, пустили своих коней рысью. Когда они скрылись в лесу, Лана, оторвав от груди тут же зашедшегося в истошном крике ребенка, принялась торопливо собираться в дорогу.

— Не надо спешить,— сказал Вел.— Дай сыну поесть досыта. Мы остаемся здесь на ночь.

Тут Лана не выдержала. Она начала кричать еще громче сына. Она кричала, что ее муж глуп и хвастлив, как белка, которая любит дразнить людей своим пушистым хвостом и забывает, что у людей есть стрелы. Так и он — расхвастался подарками Гура и забыл, что у воинов Яра есть не только стрелы, но и копья.

— Мы останемся здесь! — повторил Вел.

Лана даже задохнулась от гнева. Неужели ее Вел на самом деле так глуп? Неужели он не понимает, что скоро вся дружина Яра примчится сюда?

— Мы останемся здесь! — в третий раз сказал Вел.

Лана перестала кричать. Она снова взяла сына на руки, тихая и покорная, села рядом с мужем. Потом сказала:

— Ты смелый, Вел. Ты очень смелый и очень сильный. Это все знают. Зачем еще раз показывать свою смелость и силу?

Вел рассмеялся.

— Какую смелость? Неужели ты, Мудрая Зачинательница Нового рода, хочешь плыть дальше, все время ожидая засады и нападения? Разве не лучше покончить со всем этим здесь, сразу? Одноглазый и Вьюн не поедут за Яром. Они сами захотят добыть Сверкающий меч. Но сегодня они не могут напасть на нас. Нынешнее Солнце видело, как они грелись у нашего огня, как ели нашу с тобой пищу. Они должны ждать нового Солнца, прежде чем напасть на нас. Разве ты забыла об этом?

— Но утром, как только новое Солнце взойдет, они подкрадутся и издалека убьют тебя стрелами!

— Пусть убивают. А потом Вел встанет и убьет их своим Сверкающим мечом! Не бойся ничего, займись лучше сыном и сушкой одежды. Набери побольше травы для подстилок. А я пойду в лес, на охоту.

Взяв прочное, с широким и длинным железным наконечником копье, тугой лук со стрелами и неразлучный свой меч, Вел не спеша пошел к опушке дубовой рощи. Был тот весенний предзакатный час, когда солнце освещает лишь верхушки деревьев, а внизу, под кронами, меж стволов уже сгущаются сырые, прохладные сумерки. Лес, как путник после целого дня ходьбы, устало и неторопливо готовился ко сну. То там, то здесь взлетали с земли и устраивались на ночь среди густых ветвей черные тетерева и пестрые, хохлатые рябчики. Было их столько, что Вел мог, не сходя с места, сбить стрелами не менее четырех штук. Но не охота интересовала его. Велу надо было узнать, тут ли Одноглазый и Вьюн, или они умчались за подмогой к своему вожаку? Если так, то им с Ланой и в самом деле лучше убраться подальше от этого места.

Вел не пошел по следам коней. Он просто углубился в лес и стал ждать. Прислонившись спиной к шершавому стволу могучего дуба, Вел стал готовить себя к Узнаванию Слухом. Он закрыл глаза и расслабил тело, перестал думать о воинах Яра, успокоил дыхание и удары сердца. Высоко над головой, в дупле, беспокойно заворочалась белка. Еще выше, хоркая, пронеслись над дубом птицы. Вел знал их — это были длинноносые

лесные кулики, которые всегда так кричат, гоняясь весной друг за другом на вечерней и утренней зорях. Все эти звуки не мешали Велу. Он слышал и в то же время не слышал их. Он вошел в жизнь леса как один из этих древесных стволов или наростов на них. Он перестал сознавать себя. Он только слушал, и все новые и новые звуки открывались ему. Вот капля воды сорвалась с ветки, шлепнулась на истлевший лист прошлогодний. Вот какая-то букашка по стволу дуба ползет, лапками кору царапает... А вот далеко-далеко лошадь копытом по корню стукнула. Вел не шелохнулся, он продолжал весь отдаваться миру тончайших, слабых звуков. И некоторое время спустя вновь отсеял среди них звук кольца на уздечке, ударившего по другому кольцу. Да! Сомнений нет: Одноглазый и Вьюн были здесь, в лесу. Они ждали утра и караулили его, Вела. Что ж, он готов с ними сразиться!

Неслышными шагами охотника Вел направился к мерцавшему в сгустившейся темноте костру Ланы. Она за это время успела собрать много сухой прошлогодней травы. Вдвоем они перетряхнули и просушили у костра отсыревшие меха и шкуры, а также запасную одежду. Вел развел очень большой костер. Лана даже забеспокоилась, что запасенных сучьев и валежника не хватит на всю ночь.

— Ничего,— сказал Вел,— больше не надо в костер дров добавлять. Пусть прогорают.

А пока костер горел ярко, Вел не спеша стал приготавливаться ко сну. Он знал, что две пары, вернее, пара и еще один глаз внимательно наблюдают сейчас из леса за его действиями. Вел не спеша взбил повыше травяную подстилку и улегся на ней у костра спиной к лесу, укрывшись с головой широким плащом из оленьих шкур.

Лана хотела лечь с другой стороны костра, напротив Вела, но он заставил ее перенести постель на другое место, сбоку, подальше от него.

— Кто знает, какие они стрелки, этот барсук и вьюн! — проворчал он, укладываясь. И немного погодя напомнил: — Смотри же, не подбрасывай больше дров в костер!

Еще раз накормив сына, улеглась и Лана. Скоро стихло все над стоянкой, в сон погрузились река, поляна и окружающий ее лес. Спали птицы на ветках деревьев, спали белки, свернувшись калачиком в дуплах, спали все, кто набегался и налетался до устали за долгий весенний день. Только мудрый ушастый филин не спал, сидя на толстом суку старого дуба. Своими желтыми круглыми глазами смотрел он неодобрительно на отблески затухающего костра, который мешал ему. Не любит филин света, плохо видит при нем. Вот почему не заметил он, как Вел, лежа на боку, в темноте, осторожно стал набивать травой свою запасную одежду, делая из нее чучело. Не видел филин, что и Лана не спала, а только делала вид, что спит, крепко прижимая к себе ребенка. Зато когда повернул филин голову в сторону леса, в темноту, немигающие глаза его сразу заметили две тени, неслышно скользившие от дерева к дереву, все ближе и ближе к поляне, к погасшему костру Ланы и Вела. Филину некогда было смотреть, что будут делать люди. Он раскрыл свои мягкие крылья и неслышно слетел с дерева прямо туда, где среди прошлогодней листвы неосторожно зашевелилась мышь.

Короткий, отчаянный писк зверька заставил вздрогнуть Одноглазого, недоброе предчувствие шевельнулось в нем от этого предсмертного крика.

— Может, уйдем, не станем его убивать? — шепнул он товарищу.— Нехорошо: он нас как лучших гостей принял. Духи накажут за это.

— Молчи! — ответил чуть слышным шепотом Вьюн.— Не накажут. Когда новое Солнце взойдет, станет можно. Скоро уже!

— Ты его видишь, Вьюн?

— Нет. Темно. И костер погас.

— Оба спят крепко. Не чуят нас. Не забыл? Меч — мне, остальные вещи — тебе, да? Смотри, Вьюн, моим меч тот будет!

— Как уговорились... Твой меч, твой!

Весной, когда сыро на лугах и в лесу, когда не вошли еще в берега реки, сильные туманы встают по утрам, перед восходом солнца. Заволокло туманом и эту поляну. Но едва лишь солнце озарило первыми лучами вершины деревьев, как туман

стал быстро редеть, вверх подниматься. Вот уже различимо стало большое, укрытое с головой плащом из оленьих шкур тело хозяина костра, лежавшее на боку, спиной к лесу. И тотчас две стрелы, просвистев, вонзились в эту широкую спину. Страшным голосом закричала проснувшаяся Лана, с победным криком бросился через поляну к костру Одноглазый, торопясь овладеть небывалым, невиданным по красоте и силе мечом. Но еще одна стрела коротко пропела в тумане, вошла Одноглазому между лопаток...

Высокий и тонкий Вьюн не спеша вышел из леса с луком в руке. Даже не взглянув, прошел мимо убитого товарища, уже издали прицелившись взглядом к испуганной женщине, свидетельнице двойного убийства. А когда подошел он ближе и почувствовал неладное в слишком уж неподвижной фигуре Вела, во взгляде Ланы, в котором был не ужас, а торжество, когда он увидел вблизи все это и понял, что в чем-то просчитался, было уже поздно: отбросив в сторону шкуры, из причаленной к берегу лодки поднялся ему навстречу живой, невредимый Вел с обнаженным мечом в руке...

И опять потекли для Ланы и Вела спокойные дни на спокойной безлюдной реке. Длинные весенние дни, заполненные охотой и ловлей рыбы, приготовлением пищи и устройством стоянок, собиранием дров для костра и тяжелой, изнурительной работой на веслах. Особенно трудно стало, когда в еще более широкую реку их лодка вошла. По этой реке, как Гур наказывал, надо было плыть уже вверх, на полночь, против течения. Вот где пригодились и сила и умение Вела! Путь он выбирал так, чтобы грести было легче. И на весло налегал, рук не жалея. А все-таки продвигались вверх медленно. Целых два полнолуния миновало, прежде чем добрались они до верховьев этой могучей реки, протекавшей густыми, не рубленными никем лесами.

Работая веслом, Вел часто возвращался мыслями к Яру и его воинам, да и всем ивичам тоже. По каким законам живут

они? Людей на цепь не сажают и на золото не обменивают, как кафы и другие конные люди. Законы гостеприимства знают. И торг честно ведут. А свой своего бьет! Как мог Вьюн в товарища, в родича стрелу пустить? Как мог Яр у своих же селян скот забрать? А селяне своих же воинов кормить отказались. Невозможно понять всего этого...

Много раз, когда проплывали они мимо устья небольшой, кишевшей рыбой речушки, или заросшего светлым сосновым бором холма, или другого удобного для жилья места, говорила Лана ему:

— Вел, останемся здесь!

В своих мечтах она уже видела на этом холме дерновую крышу жилища, а внизу, у реки,— долбленую лодку, длинные сети на шестах, выжженные участки леса под хлебные нивы...

Но Вел отмалчивался. Он греб и греб, а река становилась все более узкой и неприглядной, и теперь уже сама Лана не захотела бы поселиться в таких болотистых и непригодных для жизни местах.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Хороши леса и луга в стране урсулов. Богаты оленями, турами, кабанами боры и дубравы ивичей. А лучше родных мест ничего нет! Где еще найдешь такие глубокие, тихие реки с тенистыми омутами, такие бескрайние леса? На много-много дней пути они протянулись. Не каменная, как в городе у теплого моря, а живая зеленая стена от врагов защищает венов. Не пройти в их землю ни кафам, ни иным конным людям. А сколько зверья, сколько птиц разных в этих лесах, сколько грибов и ягод!

Лодка Вела плыла по реке быстро. Была это уже не та лодка, которую он построил на болоте Гура. И река тоже была совсем другая. Раньше все реки навстречу текли, а эта — на полночь, туда, куда Велу нужно. На реке этой тоже вены живут, только других, не знакомых Велу родов. А впадает она, как и

говорил Гур, в то самое озеро, у которого род Вела живет. Сколько радости было, когда впервые встретил он людей своего племени! Теперь в каждом селении приходилось останавливаться, снова и снова рассказывать о себе, о конных людях, о городе, о теплом море далеком. Много меда хмельного выпил Вел с новыми своими друзьями, много мяса и рыбы съел, обо всем говорил с ними, но про меч свой Сверкающий — ни слова. И железные вещи Гура тоже теперь никому не показывал: помнил, что при встрече с Одноглазым и Вьюном получилось...

Неласково приняло Вела родное озеро. Волны выше бортов лодки вздымались, швыряли, раскачивали, не пускали ее, не давали вперед плыть. Видно, мало соли Вел подарил Духу воды, когда озеро перед ним открылось. Но где соли взять? Совсем немного ее Вел с собой везет. Очень мало. Обманули его конные люди и люди города. Меха забрали, а соли не дали. Пришлось хоть немного ее у ивичей на железные вещи выменять. Но Духа озера тоже задобрить надо. Вздохнул тяжело Вел, достал со дна лодки, из-под шкур, топорик бронзовый, небольшой, у кафов взятый, бросил его в воду:

— На, возьми. Да перестань волны навстречу гнать. Неужели не видишь, как Велу домой хочется? Две зимы и два лета там не был, а ты не пускаешь! Чужие Духи в землях чужих и то добрей тебя были...

Но и бронзового топорика мало озеру показалось. Не стали ниже его волны, не стих буйный ветер. Еще сильнее дуть стал, прямо в лицо, лодке Вела навстречу. Надо и ему что-нибудь подарить... А родичам что останется? Рассердился вдруг Вел. В самом деле: столько пути прошел, столько бед разных с ним приключилось, все одолел, все выдержал, все перенес. А тут, вместо того чтобы помочь, свои же озерные Духи мешают!

— Раз так, ничего вам не дам больше. Хоть лопните!

И Вел крикнул Лане, чтобы на дно лодки она с сыном легла да шкурами сверху укрылась. А сам, пригнувшись, так грести начал, как никогда в жизни не греб. Лодка взлетала носом на волны, вдребезги разбивала их, так что брызги и пена на корму, прямо на Вела, падали. Хорошая, прочная лодка была у Ве-

ла! Лучше, чем первая, на которой они с Ланой по большой реке ивичей против течения плыли. Ту, первую, лодку пришлось бросить. Не смогли они с Ланой перетащить ее посуху из реки в реку. Пришлось вещи на себе перенести, а на новой реке новую лодку делать. Немало времени на это ушло, но зато лучше прежней лодка получилась: легкая, широкая, прочная. Железные вещи и Лана с сыном, что на дне лежат, опрокинуться ей не дают. Весло у Вела большое, крепкое. И руки не слабые. Посмотрим, кто кого одолеет: ветер Вела или Вел его?

А ветер и озеро совсем разозлились. Дождь и грозу на помощь себе позвали. Загромыхал гром, приближаясь. Тучи темные небо закрыли. Вел вскочил на ноги, стоя грести стал.

— Не покорюсь! — кричит.— Не поверну назад! Так и знайте. И не дам ничего. Потому что неправильно вы поступаете.

Молнии небо раскалывают, в воду и в берег остриями своими бьют, а в лодку Вела никак не могут попасть. Ветер сердится, воет, пену срывает с волн, а лодку Вела опрокинуть не может. Волны хлещут в борта, брызгами обдают, залить доверху лодку хотят. Но Лана, лежа, одной рукой сына к себе прижимает, другой воду ковшом вычерпывает. Не может Дух озера ничего с ними сделать. И тогда запел Вел боевую, отрывистую, в лад с гребками песню. Громко запел, чтобы и ветер, и тучи, и молнии, и само озеро слышали:

Кто в лодку сел,
Пусть будет смел.
Плывет домой
Бесстрашный Вел!
Пускай гремит
Могучий гром,
Все ближе, ближе
Вела дом...

Напуганная бурей Лана, обернувшись, сверкнула вдруг белозубой улыбкой и еще быстрее стала вычерпывать воду, а Вел, кивнув ей в ответ, еще сильнее налег на весло, еще громче крикнул дождю и ветру:

— Бойтесь меня!

И они испугались. Стих ветер, кончился дождь, темная туча вместе с сердитым громом прошла дальше по небу, оставив Лану и Вела в их наполовину затопленной лодке. И только глупые волны по-прежнему накатывались одна за другой, бессильно разбиваясь о прочную грудь лодки.

— Вот так-то лучше! — сказал Вел, снова опускаясь на свое место.— Ты, Лана, все-таки кинь озеру еще щепотку соли. Как-никак свое оно, родное.

Вот наконец вдалеке темный лесистый бугор показался. Потом отдельные деревья видны на нем стали. А за ними тоненькая струйка дыма вверх поднялась. Дым родного жилища! Снова Вел в челне своем на ноги встал, снова изо всех сил грести начал. Все ближе и ближе мыс, за которым устье реки прячется.

Все родичи сбежались Вела встречать. Расспросам конца не было. Удивлялись не только дети и женщины, но и бывалые воины, лучшие охотники рода. Солидно и снисходительно кивали они головами, соглашаясь, что немало Вел повидал в чужих землях. Одобрительно похлопывали его по плечу: не посрамил молодой охотник их племя и род!

Когда же достал Вел из лодки железную наковальню, а Лана разложила на шкуре оленя железные и бронзовые наконечники для копий и стрел, топоры, ножи и другие изделия Гура, все словно языка вдруг лишились... Никто такого богатства в жизни не видел.

— Вот сколько бронзовых и железных вещей я привез! — воскликнул счастливый и гордый Вел.

Руки мужчин и женщин потянулись к топорам и наконечникам, к иглам, скребкам, украшениям. Даже степенные старшие матери не могли удержаться — чуть не вырывали одна у другой невиданные изделия. А Вел, чтобы еще сильнее удивить родичей, вынул из лодки завернутый в шкуры драгоценный подарок Гура — меч в чехле украшенном. Медленно, чтобы всем

было видно, вытащил он из чехла светлый, как вода в ручейке, клинок, поднял его над головой. Сверкнул меч на солнце, как тростинку рассек пополам толстый шест для вяления рыбы. Ахнули воины-охотники. Ну и оружие! Стали из рук в руки его передавать, рассматривать восхищенно. На бронзовой узорчатой рукоятке камень зеленый вделан. На самом мече — знаки какие-то непонятные...

И уже не смеялся никто, не похлопывал по плечу Вела, не шутил снисходительно. «То-то! — очень довольный, подумал Вел.— Не мальчишкой вернулся я к вам!»

— Совет рода надо собрать! — сказал Вел.— Привезенные вещи делить.

Пошли все к Родовому столбу. Забыли даже, что прежде накормить надо прибывших. Сам Вел тоже про все забыл. Уж очень нравилось ему, что столько хорошего для рода он сделал. Поесть, поговорить после успеется.

— Надо Колдуна и Крисса позвать! — сказал кто-то.

— Крисс и Геда теперь отдельно от нас живут, в своем жилище,— пояснила Велу мать недовольным голосом.— С Колдуном Крисс дружбу завел. Соль на меха меняют...

А тут и сам Крисс прибежал. Обнял Вела, шепчет ему на ухо:

— Не вздумай вещи, что привез, всем раздавать. Себе оставь.

За три года хорошо научился Крисс на языке венов говорить, совсем как вен стал. Только мысли у него не как у венов. А вот и Колдун идет. Торопится, бороду вперед выставил. «Эх, Колдун, Колдун, плохо ты в воду глядел, гибель Бала не смог увидеть. Говорил, что оба назад вернемся. Плохой ты предсказатель, Колдун, никудышный. Разве можно тебя с Гуром сравнить?» — подумал Вел.

Никогда еще Совет рода так долго не продолжался. Из-за каждой вещи спор шел. Каждому охотнику хотелось железный топор иметь. А их всего четыре. Как поделить между всеми? И с наконечниками для копий та же беда. И с ножами. Охрипли все от крика и споров. Наконец поделили. Вечером пир устрои-

ли по такому важному случаю. Но не радостный пир получился. Видел Вел, что каждый охотник в обиде остался. Тур жалел, что ему наконечника для копья не дали: у тебя, мол, и так бронзовый есть; Грач, получив наконечник, о топоре думал. И так все. Каждому того, что имел, уже мало казалось. А Колдун с Криссом те и совсем на Вела обиделись: хотели, чтобы никаких вещей не раздавал людям Вел. Даже Лана и та на него рассердилась, с пира ушла: почему он себе только один топор и одно копье оставил? Никак Лана понять не хочет, что не его это вещи, а рода. Роду они принадлежат, не ему! Совет и так Велу больше других дал: копье, топор, нож и еще все инструменты Гура. А ей, Лане, большую иглу оставили и украшения бронзовые. Разве не справедливым дележ был? На что же тут обижаться? Но если по правде говорить, то и самому Велу жаль было расставаться с вещами. Привык он к ним. Как без них обходиться теперь? Железное шило понадобится — иди и проси его у кого-то...

Но еще хуже получилось, когда Вел меч Сверкающий у Родового столба положил. Кому его дать? Очень боялся Вел, что меч другому охотнику отдадут. И стыдно ему было и радостно, когда каждый его имя назвал. «Вел принес этот меч, ему и владеть им...» Так было сказано. Но ведь тем самым все признавали, что Вел в роду самый сильный, самый смелый охотник и воин, потому что лучшее оружие всегда лучшим из лучших давали. Каково это Туру, Дану, Грачу видеть и слышать? Ведь они не слабее Вела и вдвое старше его.

После пира и дележа жизнь в роду, казалось, прежним порядком пошла. Мужчины на охоту ходили, женщины еду у очагов готовили. А Велу больше всего хотелось ту болотную землю найти, из которой железо добывать можно. Очень ему хотелось, чтобы у каждого охотника и топор железный, и нож, и копье были, чтобы у каждого всего много стало, чтобы не завидовали один другому и опять все как братья стали.

Начал Вел по целым дням в лесу пропадать, землю в разных местах рыть. Не находилось той красной тяжелой земли. Постепенно стал замечать Вел, что все более сторонятся его роди-

чи. Даже мать, даже маленькие ребятишки. А что плохого Вел сделал? Пробовал он объясниться, почему на охоту вместе со всеми не ходит, что в лесу да в болотах ищет. Кивали в ответ охотники, соглашались. Никто Велу плохого слова не сказал. А смотрят кто вниз, кто в сторону. Плохо, очень плохо жить стало Велу. И Лана хмурая ходит. Живут они в общем жилище, а она свой Очажный огонь по-прежнему отдельно от всех бережет. Нет прежней радости в жилище родном. Соберется Совет рода — все ждут, пока Вел слово скажет. И не спорит больше никто, все с ним соглашаются. Да и как спорить, если он больше всех знает, всегда правильно говорит... А всегда ли? Может, это ему только кажется, что правильно?

Решил Вел нарочно на Совете глупое, неправильное решение предложить. Все равно одобрили. Хоть бы кто-нибудь ему возразил! Только старый Выдра горестно головой покачал. Когда разошлись все, подсел Вел к нему.

— Неладно в роду у нас. Скажи, почему так?

Улыбнулся старик печально, поглядел на Вела еще по-молодому быстрыми, с хитринкой глазами:

— Ты в разных краях побывал, людей разных видел. Тебе лучше знать.

Хотел Вел встать, уйти, но пересилил себя, положил руку старику на колено, в глаза заглянул:

— Или не видишь, как тяжело мне? Забыл, как к урсулам Бала и меня отпускал? Не для себя, для рода мы с ним старались.

— Это хорошо, что про Бала ты помнишь, не отделяешь его от славы своей. Ладно, скажу тебе все. Неужели не видишь: боятся тебя люди. Очень сильным ты стал, мечом небывалым владея. Кто против тебя устоит? Кому охота такого врага нажить?

— Да не враг я им!

— Пока нет... А что дальше будет, не знает никто.

Понурил голову Вел. Понимал, что правду Выдра сказал. Вот и начинали сбываться вещие слова Гура. Таким, как Яр, становится он в родном племени. Но только ли в нем здесь дело?

— Хорошо! — сказал Вел старому Выдре.— Пусть мой меч во всем виноват. И я вместе с ним. Но почему тогда охотники не только меня сторонятся, но и один на другого волками смотрят? Или и тут моя вина?

— Нет, в этом не только ты виноват... Еще с приходом Крисса неладное у нас началось. Он первый о себе одном начал думать. Отдельное жилище себе построил. Долю свою от общей добычи брал, а что сам добудет, не к Родовому столбу несет, а тоже к себе. Молчали мы, думали, плохо еще обычаи наши он знает, жалели его. Потом они с Колдуном отдельно от всех к торгу поехали. Соль у них появилась, стали ее на меха у охотников выменивать. Подумать только: у себя внутри рода торг завели! Отсюда все и пошло. У одного очага с солью пищу готовят, у другого — без соли. Старшие матери ссориться начали. Отобрали мы у Крисса и Колдуна запасы соли, снова между всеми поровну ее поделили, и меха снова в общий мешок складывать начали. А тут ты со своими железными ножами и наконечниками приехал! Если бы их каждому члену рода хватило, тогда другое дело. Может, и не таил бы один на другого обиду. А так...

И старик огорченно махнул рукой.

— Что же делать теперь? Собрать железные вещи и в озеро кинуть? — спросил Вел.

— Нет,— покачал головой Выдра.—Нужны эти вещи роду. Очень нужны. Всякая работа теперь быстрее идет. И охота стала добычливей. Нельзя железные топоры и копья в озере топить.

— Что же делать?

— Не знаю я, Вел. Не знаю...

— А я знаю! Надо, чтобы у каждого охотника и нож, и копье, и топор был железный. И я могу это сделать! Только надо железную землю найти.

— Что же, ищи. Я скажу родичам. Если хочешь, сам помогу искать. Я леса наши лучше тебя знаю. Только запомни, Вел: пока твой меч при тебе, пока ты один всех сильнее, прежней дружбы не будет в роду.

— Тогда пусть Тур меч мой возьмет. Или Грач, или еще кто! — с досадой воскликнул Вел.

— Глупые слова говоришь! Разве от этого лучше станет? Ты хоть род любишь, племенем своим дорожишь. А Грач, если меч получит, сразу всех под себя подомнет.

— Утоплю я меч. В озеро брошу!

— А если кафы на нас нападут или другое племя? Нырять за своим мечом станешь?

Не знал Вел, что ответить на это. Много дней темнее тучи ходил. Ничего придумать не мог. Как-то раз, будто случайно, Крисс ему встретился. Опять те самые разговоры повел, что могут они с ним самыми главными не только в роду, но во всем племени стать.

— Многое ты повидал,— говорил Крисс,— знаешь теперь, в каком богатстве люди у теплого моря живут. И мы здесь так жить можем. Зачем тебе самому на охоте мерзнуть и мокнуть? Ты, Вел, для подвигов военных рожден. Ты предводителем должен стать. Верных молодых воинов под начало себе соберешь, племя защищать будешь, в набеги на другие племена ходить. Много добычи тебе достанется, много пользы всему роду будет!

— Хочешь, чтобы сбылись слова Гура, чтобы стал я таким же, как Яр, как Фабан? Не будет этого! И ты, Крисс, пока я жив, не станешь как Безволосый. Не дам тебе мену вести, не позволю обычаи наши портить. Правильно: нагляделся я, как люди у теплого моря живут. На всю жизнь нагляделся. Хватит!

И потребовал Вел Совет рода собрать.

Когда сошлись все к столбу, Колдун, призвав, как всегда, тени предков, уже не ко всем охотникам, а к одному Велу на этот раз обратился:

— Можно ли Совет начинать?

— Можно! — сердито сказал Вел и вышел на середину круга.— Видите, охотники, этот камень? Может ли кто его сдвинуть?

Посмотрели мужчины рода на камень-валун, лежавший

невдалеке. Очень большой камень. До половины, а может, и глубже в землю врос. Нет, никому не по силам сдвинуть такой!

— Может быть, вдвоем кто попробует? — продолжал Вел.

Встали Тур с Даном, обхватили валун ручищами, поднатужились. Даже не шелохнулся камень.

— Грач! Помоги им...

Но и три самых сильных охотника не смогли валун с места сдвинуть. Тогда сам Вел им на помощь пришел. Вчетвером навалились. Не могут камня подвинуть. Всех охотников, всех мужчин позвал Вел, попросил принести веревки и колья крепкие. Долго возились всем скопом, наконец приподняли камень тяжелый, отвалили его в сторону.

— Теперь нужны мне рог сохатого, волчья шкура, жир барсука и медвежье сало,— сказал Вел.

Двое охотников тотчас бегом побежали к жилищу, принесли все, что было сказано. «Вот,— горько подумал Вел,— не военный я предводитель, ими выбранный, а все меня как вождя слушаются. Прав был Гур и прав Выдра: боятся они меня. Только скажи — лучшую часть добычи мне принесут, на мягкую подстилку, как Фабана, уложат... Нет, не хочу этого! Лучше меча лишиться».

Бережно расстелил Вел на земле шкуру волка, вытащил из ножен Сверкающий меч, полюбовался в последний раз, потом густо смазал клинок жидким жиром барсучьим, снова в ножны задвинул. Сверху и ножны, и рукоятку меча густым медвежьим салом обмазал, в волчью шкуру меч завернул. С помощью рога лося выкопал Вел в центре ямы, где камень прежде лежал, могилу для своего боевого друга. Уложил в нее меч, в шкуру завернутый, землей сверху присыпал. Потом выпрямился, сказал громким голосом:

— Родичи! Один у нас такой меч на все племя. Каждому носить его хочется. Потому и раздоры меж нас начались. Пусть же ничьим этот меч будет! Спрячем его под камень, который даже несколько воинов поднять не смогут. А придет для венов беда, соберемся все вместе, отвалим камень и дадим этот мечкладенец самому лучшему воину. Если же нам не доведется меч

этот из-под камня достать, пусть потомки наши достанут. Запомните все, где лежит этот клад драгоценный. Пусть и все враги знают, что есть в нашем племени чудесный Сверкающий меч! А теперь давайте закроем камнем его. Пусть лежит, своего часа ждет...

Засветились улыбками лица охотников. Мудро решил Вел! В одиночку никому не овладеть мечом-кладенцом, а коли нужда придет — всем родом достанут они его.

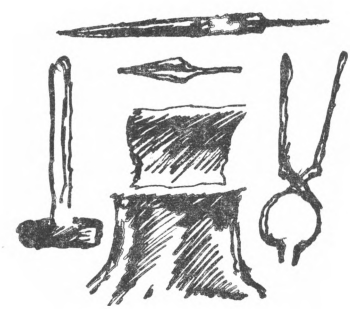
— Да будет так! — сказали охотники.

— Да будет так! — подтвердили старшие матери.

— Да будет так! — хором откликнулась молодежь.

Потом подбежали все к валуну, навалились дружно, повалили его на прежнее место.

Кончился Совет рода. Не спеша, с облегченным сердцем пошел Вел к реке, чтобы посидеть одному, подумать. Когда проходил мимо отдельного жилища Крисса, увидел: Лана и Геда вдвоем землю копают. Не стал спрашивать Вел, что они делают. Сам понял: отдельное, как у Крисса, жилище для него и Ланы строят. «Пусть строят,— решил он.— Все равно все вместе, дружно, одним большим родом теперь будем жить!»



ПОСЛЕСЛОВИЕ

Говорят, если бросить в воду щепку где-нибудь в наших краях — в Москве или, скажем, в Рузе, то через какое-то время ею можно будет разжечь костер на берегу далекого Каспия, например в Астрахани. Многого насмотрелась бы по дороге такая щепка, если бы, конечно, могла видеть.

Ну, а если плывет не щепка, а человек или даже несколько людей, вот так, как знакомые вам по книге Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» мальчик Гек с негром Джимом плыли на плоту по Миссисипи? Сколько захватывающих приключений могут они пережить!

Это — в близкие к нам времена, в пределах одной, хоть и большой страны.

А что, если поплыть по реке из страны в страну, от народа к народу или даже без всякой «машины времени» в отдаленную эпоху, в другую, как говорят, общественную формацию! Сегодня — среди первобытных охотничьих племен, завтра — среди земледельцев, через месяц — у скотоводов-кочевников, «конных людей», через полгода — в большом торговом городе рабовладельцев. Как это было бы интересно!

И маловероятно. Впрочем, нет, это чудо довольно обыкновенное, и оно было возможно несколько тысячелетий тому назад. То была эпоха больших перемен, когда ломались общественные отношения на юге Восточной Европы: античный, греческий рабовладельческий мир сталкивался с миром презираемых им «варваров» — со скифами, позже — с сарматами и с оседлыми племенами, среди которых, возможно, были и предки славян. Тогда, пожалуй, можно было вот так сесть в лодку и пропутешествовать через разноплеменные земли от первобытности к рабовладению и обратно.

Такое путешествие и совершил герой повести Бориса Орешкина «Меч-кладенец» Вел.

Он познакомился прежде с ближайшими соседями — почти такими же, как его сородичи, потом — с племенами земледельцев, испытавшими набеги кочевников; был захвачен в плен самими этими дикими и жестокими кочевниками, потерял закадычного друга Бала и сам едва не погиб; был продан в рабство и еще раз перепродан, подвергся пыткам, сражался на потеху горожанам на арене с леопардом, бежал, освободил пленницу, наконец, преодолев еще тысячи опасностей, вернулся на родину, в свой род.

Что же помогло Велу десятки раз пройти между жизнью и смертью, с честью выйти из всех испытаний, победить сильнейших, хитрейших врагов?

Конечно, незаурядная физическая сила и выносливость, ловкость, отвага, находчивость, острый ум. Он мог и побороть соперника на игрище, и скрыться от превосходящих числом противников под водой, дыша через тростинку, и задушить голыми руками яростного зверя, и вынести «путешествие» через жаркую, пыльную степь, да еще переброшенным через седло.

Но прежде всего помогли Велу его душевная чистота, его преданность общему делу — делу рода, твердая вера в то, что правый победит сильного. Ни разу он не дрогнул, не ослабел духом перед лицом смертельной опасности. Ни грозные неожиданности, встретившиеся на его пути, ни каменные стены тем-

ницы, ни соблазны сытой жизни в большом городе или в дружине местного князька, ни учение у мудрого мастера, ни семья — любимая женщина и ребенок — не заслонили сознания долга. Вел не может остаться в роде жены. Он должен вернуться с добычей к пославшим его сородичам.

Вел — верный друг и честный противник. Он готов пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти товарища, он не нападет без предупреждения на врага, даже находящегося в более выгодном положении, поскольку в роде принято сначала сказать тому: «Бойся меня!» Но он беспощаден к врагу вероломному, неуклонно мстит за предательство, за кровь друзей и сородичей.

Вел не стремится к власти, хотя и обладает всеми качествами вождя. Не колеблясь, закапывает он в землю великолепное оружие — чудесный меч, которому нет равных, лишается его ради спокойствия и счастья своего рода. Он не властитель, а слуга сородичей. Ему не нужен ни роскошный дворец, ни даже скромное отдельное жилище: Вел хочет жить со своей большой семьей в доме, где родился, вырос, где впитал родовые идеалы.

Что же, перед нами «классический» дикарь, «простой», близкий к матери-природе человек? Таких любили изображать в литературе лет двести назад. Или еще один Тарзан, подобный обошедшему не так давно все экраны мира, только не индивидуалист, а, если можно так выразиться, Тарзан общественный?

Нет. Авторский замысел гораздо интереснее, многограннее.

Б. С. Орешкин показывает нам в ярких, запоминающихся образах, как происходит тот сложный процесс, который пережило в более или менее отдаленные времена все человечество и который историки называют процессом распада, разложения первобытно-общинного строя. Ломаются установленные веками представления и порядки, люди не могут больше жить по-старому и переходят к новой жизни, строя ее уже отнюдь не на равенстве всех членов рода.

И герой книги Вел с его глубоко вкоренившимся общинным мировоззрением уже несколько, как говорят, архаичен, несколько отстал от реальных отношений даже внутри своего рода. При всех выдающихся человеческих качествах Вела ему не спасти соседнее племя от нарождающегося засилья князька, создавшего свою дружину, не удержать в материнском роде сестру, вышедшую замуж за спасенного самим Велом пришельца.

Все это подано автором ненавязчиво, исподволь. И когда Вел зарывает свой меч, да еще накрывает его тяжелым камнем, читатель предчувствует, что это не принесет желанного успокоения, не спасет старый порядок, как и сам камень не спасет меча, что скоро, может быть даже той же ночью, хитрый Колдун и бывший раб Крисс сумеют отодвинуть камень, вынуть заветный меч-кладенец, и конечно, не для общего блага.

Но кто такие Вел, Бал, Выг, Гела, Лана? Кто такие ичи, урсулы, кафы? Где, когда жили Вел и его сородичи? Слышали вы когда-нибудь подобные имена и названия племен?

Вы, конечно, понимаете, что все эти имена и названия, как и другие, встречающиеся в книге, вымышленны. Автор сделал это, чтобы не навязывать читателю никакого определенного решения вопроса, чтобы дать простор его воображению, чтобы читатель стал как бы спутником героя книги, соучастником его приключений. Он нарочно выбрал такие имена и названия, которые в большинстве не кажутся вам знакомыми, чтобы не связывать своих героев с определенной территорией и временем.

В самом деле, не развертывается ли действие повести, например, в Северной Америке, где-нибудь в дремучих лесах у Великих озер, потом в прериях и на берегу Тихого океана? Словом, не индейцы ли Вел и его сородичи?

Пожалуй, можно подумать и так, но только при очень живом воображении. Дело в том, что в повести, хотя и очень осторожно, все же даны некоторые приметы места и времени, благодаря которым читатель как-то незаметно ощущает себя не на другом материке, а в наших восточноевропейских лесах, в южных степях, у берегов теплых морей — Понта Эвксинского (как называли греки Черное море) или Каспия.

Однако более точно нельзя определить ни родину Вела, ни его путь.

Мне, например, казалось, что Вел и его род жили в лесах Поднепровья, где-нибудь у теперешних Смоленска или Чернигова, и спускались вниз по Десне или Днепру. Тогда рабовладельческий город мог быть Ольвией. Автор же книги, Борис Сергеевич Орешкин, думал о родном своем Приильменье — будущей Новгородской земле, откуда путешественники могли подняться по Мсте, переволочь лодки у Вышнего Волочка в Волгу и затем спуститься вниз. Тогда степи, где кочевали кафы, будут прикаспийскими, а город — скорее всего Танаис.

Так могут и не совпасть представления автора и читателя.

Еще сложнее со временем. Я уже сказал, что в рабовладельческом городе видится город греческий. Автор называет даже как будто бы греческие имена — например, Теокл. Вел, видимо, попадает в один из приморских античных городов. Такие города существовали в первом тысячелетии до нашей эры (примерно с VII века) и в начале нашей эры, то есть две — две с половиной тысячи лет назад.

Но ведь племя Вела живет еще в бронзовом веке. Оно не знает железа и широко пользуется каменными орудиями. А такие племена жили в нашей лесной полосе значительно раньше — три-четыре тысячи лет назад. В первом тысячелетии до нашей эры повсюду в Восточной Европе уже наступил железный век.

Значит, во времена, когда жил Вел, не было еще ни кафов, ни греческого города, а когда жили греки и кафы, их окружали совсем другие племена. Так что Вел не мог встретиться, например, с Теоклом.

Как будто бы можно упрекнуть автора в неправильном совмещении событий разных исторических эпох — в «анахронизме». Однако Б. С. Орешкин писал не учебник истории и даже не научно-популярную книгу. Перед нами повесть, художественное произведение. Автор имеет право на вымысел и отнюдь не пытается убедить читателя в том, что все было именно так, как написано в его книге. Надо думать, что это и есть одна из

причин, благодаря которой мы не находим в повести ни подлинных географических названий, ни обыкновенных человеческих имен. Автор как бы смотрит в бинокль с приближающей стороны, он заставляет встречаться людей, которые на самом деле встретиться не могли.

Но ведь нельзя сказать, что подобные встречи людей разных исторических эпох вообще невозможны. Если взять не такое сравнительно ограниченное пространство, как Восточная Европа, а весь мир, то станет ясно, что такие встречи не только могли случаться, но и случались в действительности. Встречались люди весьма отдаленных друг от друга исторических эпох — и эти встречи бывали подчас весьма трагичны. Вспомним, как испанцы, жившие в эпоху феодализма, «открыли» Америку, в которой господствовал еще бронзовый век, и воины Монтезумы охотно меняли поначалу свое золотое оружие на железное, пока пришельцы не поняли, что могут просто грабить их и убивать.

То было почти пятьсот лет назад, а с тех пор сколько еще произошло подобных «анахронизмов»!

Наверное, многие из вас прочли замечательную книгу «В стране соленых скал», которую написал Сат Ок всего около двух десятков лет назад, родившийся и выросший в Канаде, в индейском племени, еще не знавшем классов, и ставший потом гражданином Польской Народной Республики. В этой книге нет ни капли вымысла: Сат Ок вправду перешагнул по крайней мере через две исторические эпохи — из доклассового общества через феодализм и капитализм прямо в социалистическую страну! И если в детстве и в юности он охотился на диких лесных зверей, с луком, стрелами, копьем и томагавком, то теперь, говорят, водит современные морские лайнеры.

Вряд ли можно думать, что Б. С. Орешкин допустил в своей повести какую-то натяжку. Он не нарушил исторической правды, он совершенно правильно решил свою задачу в общем виде. Это не значит, что его представления о жизни героя во всех деталях соответствуют последним данным научных исследований.

Например, по мнению автора, дом Вела — не отцовский, а

материнский. В роде Вела муж принимается в дом жены; говоря по-ученому, брак там матрилокален, что маловероятно даже для бронзового века.

При широком взгляде на исторический процесс Б. С. Орешкин нашел для каждой эпохи очень точную характеристику. Он дал ее в ряде деталей, как бы выделенных крупным планом, нарисованных сочными штрихами. Вы узнаете во всех подробностях, каковы приемы борьбы с разъяренным медведем, как отливают бронзовый наконечник копья, как гребут против течения, как кидают лассо, как куют железо, как строят простой дом. Ведь для книги мало, если в ней только с точки зрения истории все «правильно». Само по себе это не сделает ее интересной, занимательной. Необходимо художественное воображение автора, его верный глаз, живая речь, чтобы читатель не смог оторваться от книги, неотступно следил бы за неожиданными поворотами судьбы героя, полюбил его друзей, возненавидел его врагов. Нужны убедительные, яркие образы, которые позволили бы читателю почувствовать себя рядом с людьми тех отдаленных времен, в том тесном каменном городе, в той засушливой степи, в том прекрасном, хотя и полном опасностей родном лесу.

Пожалуй, именно лес более всего удался автору. Вы как бы войдете под его густую сень, ступите на мягкий мох, в котором тонет нога и шаги бесшумны, ощутите свежую воду ручья, будете бояться яростного медведя, чуть не задравшего Вела, и жалеть раненого Крисса. Вы как бы посетите уединенное жилище Колдуна, своими глазами увидите его лукавого хозяина, совершающего возле ручья немудрую, но такую аппетитную трапезу вместе с двумя молодыми охотниками.

В увлекательном описании всех этих прелестей леса сказалось то, что Б. С. Орешкин провел значительную часть своей жизни в лесах Новгородской области. Он сын лесника, и сам был лесником, и доныне работает в системе лесной промышленности. Автор влюблен в лес и умеет передать любовь читателю.

Чувство это настолько сильно, что как бы окрашивает все образы природы: даже степь и море читатель видит тоже глазами жителей леса. Чуждый лесным жителям ландшафт удив-

ляет, но не восхищает, скорее — тяготит. В нем нет той притягательности, которую увидел бы степняк. Хочется скорее выбраться из жарких, безбрежных степей, подальше от теплого, но коварного моря, в родной лес, к милым, светлым журчащим ручьям. Эта цельность восприятия природы также украшает повесть. Словом, мне представляется, что повесть «Меч-кладенец» удалась автору.

Это — первая детская книга Б. С. Орешкина. Хочется пожелать Борису Сергеевичу новых книг, таких же интересных.

Доктор исторических наук
М. Г. Рабинович

ОГЛАВЛЕНИЕ

Чужеземец 3
Колдун 11
Совет рода 19
Весенние костры 29
Торжище 38
Большая река 45
Конные люди 55
Город 65
Соленое море 74
«Раб — это не имя» 83
Ивичи 93
Битва 102
Свое жилище 112
Повелитель железа 119
Стрела в спину 129
Возвращение 139
Послесловие. *Доктор исторических наук М. Г. Рабинович.* 151

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Борис Сергеевич Орешкин

МЕЧ-КЛАДЕНЕЦ

ПОВЕСТЬ

ИБ № 89

Ответственный редактор
С. М. Пономарева

Художественный редактор
А. В. Пацина

Технические редакторы
В. К. Егорова и М. Н. Фролова

Корректоры
К. И. Каревская и Н. А. Сафронова

Сдано в набор 23/XI 1977 г. Подписано к печати 20/IV 1978 г. А00413. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типограф. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 8,17. Тираж 75 000 экз. Заказ № 1498. Цена 40 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущёвский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм

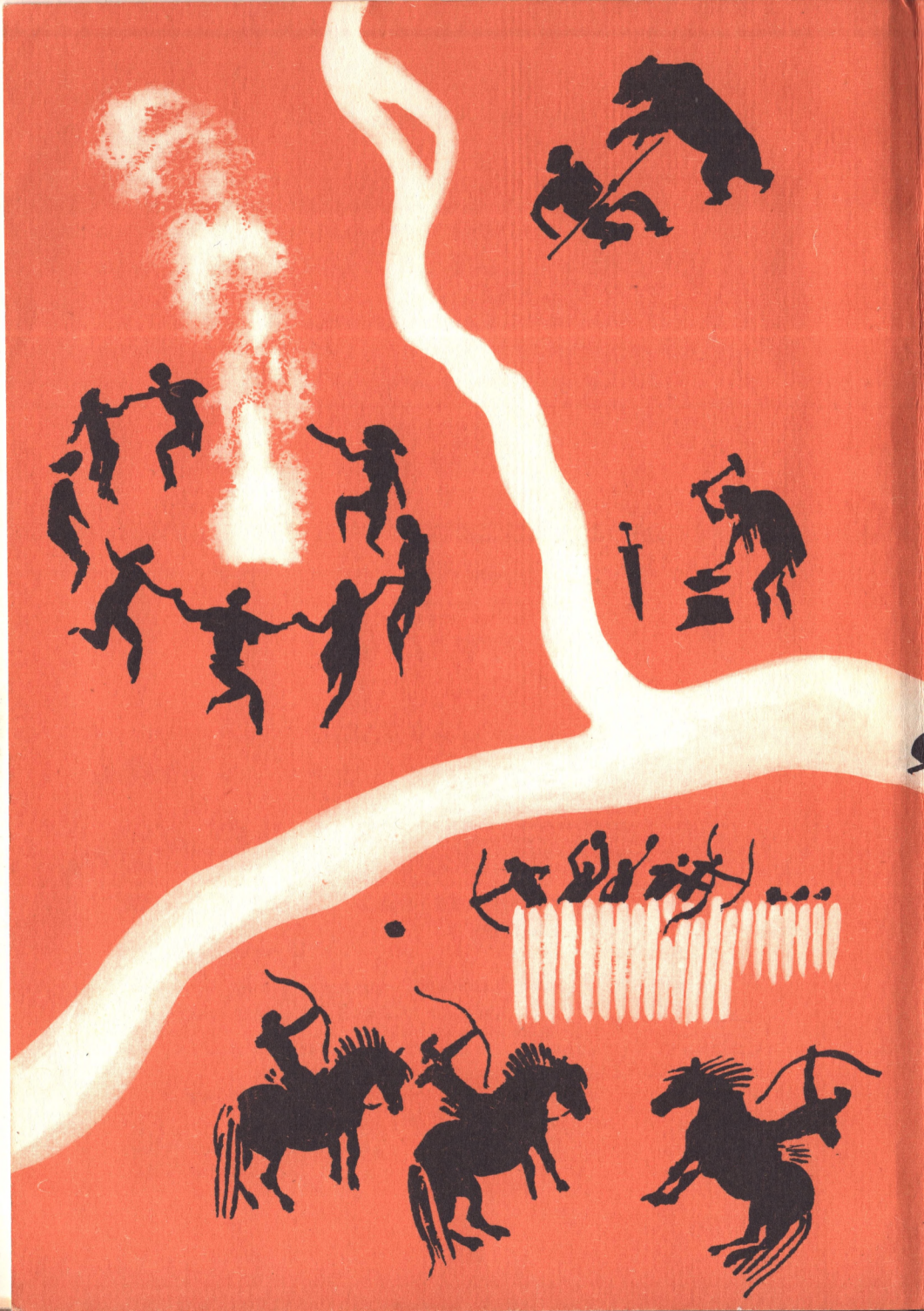
Орешкин Б. С.

О-65 Меч-кладенец. Повесть/ Рис. А. Иткина.— М.: Дет. лит., 1978.—159 с., ил.

В пер.: 40 коп.

Повесть рассказывает о том, как жили в Восточной Европе в бронзовом веке (VI—V вв. до н. э.).

О $\frac{70803-295}{M101(03)78}$ 355—78 Р2



40 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“